ISSN 0131-0097

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 18 АПРЕЛЬ 1989

КТО ЗАКАЗЫВАЕТ МУЗЫКУ

ХУДОЖНИК В СТРАНЕ ДЕТСТВА

ПОСЛЕ АФГАНИСТАНА

ГОНКА ПО ВЕРТИКАЛИ

ЛОВИСЬ, РЫБКА!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 18 (3223)

29 апреля — 6 мая

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Михаил Васенюк — матрос среднего траулера-рефрижератора «Крутогоров». (См. в номере материал «О чем молчит рыба».) Фото Павла КРИВЦОВА

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Сдано в набор 10.04.89. Подписано к печати 26.04.89. А 04432. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 350 000 экз. Заказ № 423. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Секретариат — 250-46-98; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный) (095) 943-00-70
Телетайп (внутрисоюзный) 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

О ПЛЕНУМЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС

25 апреля 1989 года состоялся Пленум Центрального Комитета КПСС.

Пленум рассмотрел некоторые организационные вопросы деятельности Центрального Комитета КПСС. С докладом на Пленуме выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

Тов. Горбачев М. С. сообщил, что группа членов ЦК КПСС, кандидатов в члены ЦК КПСС, членов Центральной Ревизионной Комиссии КПСС, из числа находящихся на пенсии, обратилась в Центральный Комитет КПСС и ЦРК КПСС с просьбой о сложении своих полномочий в центральных выборных органах партии. (Текст обращения опубликован в печати.)

Пленум ЦК и Центральная Ревизионная Комиссия КПСС удовлетворили просьбу членов ЦК, кандидатов в члены ЦК, членов ЦРК КПСС, написавших обращение о сложении ими своих полномочий. Тов. Горбачев М. С. выразил большую благодарность товарищам за их работу в составе выборных органов партии и высказал им добрые пожелания.

На Пленуме выступили: С. А. Афанасьев — член ЦК КПСС, персональный пенсионер, А. П. Ночевкин — член ЦК КПСС, персональный пенсионер, Г. А. Жуков — кандидат в члены ЦК КПСС, персональный пенсионер, А. П. Ляшко — член ЦК КПСС, персональный пенсионер, Р. С. Бобовиков — кандидат в члены ЦК КПСС, первый секретарь Владимирского обкома КПСС, Е. Ф. Муравьев — член ЦК КПСС, персональный пенсионер, А. П. Мясников — член ЦК КПСС, машинист экскаватора Коршуновского горно-обогатительного комбината, Иркутская область, П. Н. Федосеев — член ЦК КПСС, советник президиума Академии наук СССР, Ю. Ф. Соловьев — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Ленинградского обкома КПСС, Г. А. Алиев — член ЦК КПСС, персональный пенсионер, А. П. Александров — член ЦК КПСС, почетный директор Института атомной энергии имени И. В. Курчатова, В. Т. Сайкин — член ЦК КПСС, председатель исполкома Московского городского Совета народных депутатов, Г. В. Колбин — член ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана, И. К. Полозков — член ЦК КПСС, первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС, В. И. Калашников — член ЦК КПСС, первый секретарь Волгоградского обкома КПСС, А.-Р. Х. Везиров — первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана, А. Н. Аксенов — член ЦК КПСС, председатель Государственного комитета СССР по телевидению и радиовещанию, А. Г. Мельников — член ЦК КПСС, первый секретарь Кемеровского обкома КПСС, В. К. Месяц — член ЦК КПСС, первый секретарь Московского обкома КПСС, В. И. Мельников — первый секретарь Коми обкома КПСС.

Пленум перевел из кандидатов в члены ЦК КПСС т. т. Афонина В. Г.— первого секретаря Куйбышевского обкома КПСС, Бабенко А. А.— заместителя Председателя Совета Министров РСФСР, Велихова Е. П.— вице-президента Академии наук СССР, Григорьева В. В.— первого секретаря Витебского обкома Компартии Белоруссии, Ивашко В. А.— второго секретаря ЦК Компартии Украины, Касимову В. А.— радиомонтажницу завода «Арсенал», г. Тула, Квицинского Ю. А.— Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР в Федеративной Республике Германии, Киргизбаеву Т. Б.— бригадира хлопководческой бригады совхоза «Малик», Узбекская ССР, Клейко С. В.— машиниста экскаватора разреза «Назаровский» производственного объединения «Красноярскуголь», Колбешкина А. Е.— бригадира слесарей-инструментальщиков Воронежского научно-производственного объединения «Электроника», Коптюга В. А.— вице-президента Академии наук СССР, председателя Сибирского отделения Академии наук СССР, Лобова Ю. И.— секретаря парткома производственного объединения «Ижмаш» имени Д. Ф. Устинова, Удмуртская АССР, Лучинского П. К.— второго секретаря ЦК Компартии Таджикистана, Масола В. А.— Председателя Совета Министров Украинской ССР, Меркулову Г. В.— бригадира штукатуров-маляров Владивостокского домостроительного комбината, Метонидзе Г. А.— бригадира электромонтажников Тбилисского электровозостроительного завода имени В. И. Ленина, Ненашева М. Ф.— председателя Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Осипова В. В.— генерал-полковника, Паршину В. Р.— бригадира-овощевода совхоза «Детскосельский», Ленинградская область, Пентюхова И. А.— директора госплемзавода имени XVII партсъезда, Орловская область, Примакова Е. М.— директора Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР, Ромазана И. Х.— генерального директора Магнитогорского металлургического комбината имени В. И. Ленина, Фалина В. М.— заведующего Международным отделом ЦК КПСС, Фролова К. В.— вице-президента Академии наук СССР.

С заключительным словом выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев (выступления в прениях и заключительное слово будут опубликованы в печати).

На этом Пленум ЦК КПСС закончил свою работу.

О ЧЁМ МОЛЧИТ РЫБА

Георгий РОЖНОВ,
Павел КРИВЦОВ (фото),
специальные
корреспонденты «Огонька»

В магазинах «Рыба» рыбы нет. Есть морская капуста. Иногда мойва. Реже макрурус. Еще реже — совсем редко — треска. И, как улыбка фортуны, хек серебристый.

Но это не рыба. Ни мойва, ни макрурус, ни даже треска. В далекие былые времена даже последний одесский биндюжник не прикасался к этой, как тогда выражались, шелухе.

Рыба — это по крайней мере карп, окунь, щука, карась, плотва.

Пока знакомые названия, правда?

А вот эти: лосось, горбуша, голец, чавыча, палтус, нерка? Если кто и помнит, то уж вкус наверняка забыл. Даже пенсионеры преклонного возраста, кроме разве что лиц республиканского и союзного значения.

Рыба исчезла повсеместно — от Москвы до самых до окраин.

А на самой крайней окраине — на Камчатке-то она есть? Когда я совсем недавно там жил, все московские друзья ждали меня в отпуск непременно с ящичком чего-нибудь вкусненького. А я чаще всего приезжал с пустыми руками или в лучшем случае приглашал к столу одного-двух человек: по паре бутербродов с красной икрой и по ломтику-другому балыка нам еще хватало.

Так что же и на Камчатке рыбы нет? Вымерла? Или все же есть, да не про нашу честь?

«СЧИТАТЬ НЕТЕРПИМЫМ...»

Приглашаю читателей пройтись по рыбным магазинам города Петропавловска-Камчатского. Боюсь, однако, что привыкших к пустотам прилавков и к толчее очередей жителей материка ждет по меньшей мере стресс — столпотворения в здешних магазинах бывают разве что осенью, в путину, а на прилавках полным-полно. Чтобы при этом зрелище силы не оставили нас окончательно, можем зайти подкрепиться в кафетерий. Смотрите, что там можно выбрать: бутерброды с сайрой, с сельдью тихоокеанской и с икрой (но трески), с лососевым фаршем. Кроме них, котлеты из кальмара, из кеты, камбала, трубач в кляре, лосось фаршированный.

Если нам нужен товар в дорогу, посмотрим консервы: котлеты из океанических рыб, фарш лососевый, горбуша в томате, сайра, камбала, лосось, зубатка, икра тресковая, минтай. Хорошо взять с собой и рыбу холодного копчения. Пожалуйста: спинка окуня, теша кеты, спинка терпуга, горбуша. Пойдет и рыба мороженая: минтай, бычок, хек, навага, треска без головы, тушка палтуса, спинка минтая.

Соленая тоже неплохо: сельдь тихоокеанская, сельдь маринованная, окунь, горбуша и треска потрошеные. И, наконец, крабовые конечности в пакетах по килограмму.

Надеюсь, я не слишком утомил читателя этим похожим на накладную перечнем, но зато теперь мы уже вместе попробуем ответить на вопрос, который я уже задавал раньше: так есть на Камчатке рыба или нет ее?

Местные жители отвечают на этот вопрос сердито и однозначно: нет!

Повременим, однако, упрекать их в пресыщенности и капризах: этот гнев и эти обиды будут вскоре понятны. Потому что выплеснулись они у людей, которых по полгода и более швыряет в ледяных океанских и морских волнах, которые хотят и не могут вдоволь накормить настоящей рыбой, икрой, крабами ни себя, ни нас с вами.

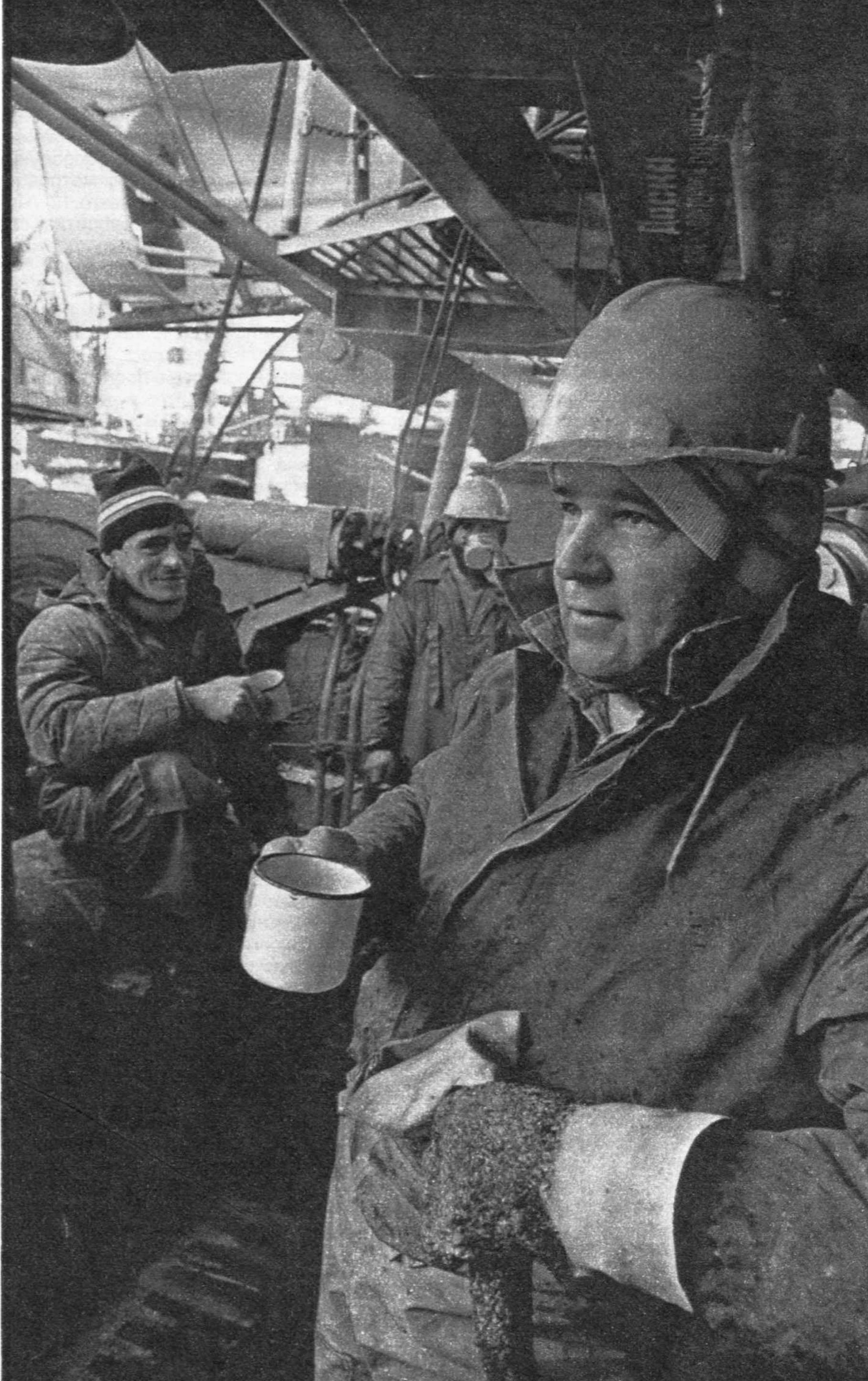
Первое, что приходит в голову,— рыба вильнула хвостом и подалась в эмиграцию: ведь изо дня в день слышишь, что в одном месте мы что-то истребили, в другом — вырубили, в третьем — загадили все окрест каким-нибудь гигантом индустрии.

Но нет — экологическое хулиганство пока еще получает здесь отпор. Ни в мелиорацию здесь не ударились, ни в строительство ГЭС на нерестилищах. Шельф полуострова остается наиболее продуктивной частью Тихого океана. Статистика утверждает, что ежегодно в этих благодатных водах добывается более двух миллионов тонн рыбы и морепродуктов — около двадцати процентов общесоюзного улова. На рыбе и только на ней держится народное хозяйство огромной области — она дает 82 процента всей здешней валовой продукции. Камчатским рыбакам в пояс должно поклониться и Министерство рыбного хозяйства СССР — они взяли на себя 12 процентов общесоюзного улова, 11 процентов соответствующей продукции и консервов.

Выходит, все наши недавние тревоги были зряшными и нечего наводить тень на плетень?

Но вот передо мной резолюция XXIV областной партийной конференции, состоявшейся в январе этого года, «О мерах по дальнейшему развитию рыбного хозяйства области». Документ в полном смысле слова выстрадан делегатами, уникальность его очевидна — никогда коммунисты Камчатки таких резолюций не принимали. Из него я процитирую одну лишь фразу: «Считать нетерпимым сложившееся положение в развитии рыбной отрасли Камчатки».

Что же так допекло делегатов, решившихся на такой бескомпромиссный вывод? Ответ в общих чертах дан в отчете обкома КПСС на той же конференции. В нем не осторожничали в оценке сложившегося с добычей рыбы положения: виноват министерский диктат. И приводился пример: в централизованный фонд Минрыбхоза СССР идет более половины амортизационных отчислений объединения «Камчатрыбпром», в распоряжении трудовых коллективов которого остается лишь 20 процентов получаемой ежегодно прибыли. Более того — произвол бассейнового объединения «Дальрыба» в распределении районов промысла и лимитов вылова сырца напрочь лишает камчатских рыбаков возможности самим по-хозяйски вести добычу и обработку рыбы. А о наших недавних восторгах по поводу привидевшегося изобилия на прилавках гастрономов в докладе сказано так: «Ассортимент рыбных товаров в магазинах остается узким. Выпуск копченых, су-

шено-вяленых, балычных изделий, рыбных полуфабрикатов и кулинарии с годами не увеличивается».

И если такое происходит на Камчатке, то чего же тогда ждать жителям материковых городов и весей? Так и будем давиться морской капустой и толкаться в очередях за макрурусом и мойвой?

Рыба, где ты, куда тебя подевали?

Молчит рыба.

О ТЕХ, КТО В МОРЕ

В океанах, морях и реках рыбу ловят три мощных предприятия: база океанического рыболовства (БОР), база тралового флота (БТФ) и Камчатское межколхозное производственное объединение (КМПО). Добавим сюда и стоящие особняком небольшие рыболовецкие колхозы. Десятки больших и малых судов, сотни людей в экипажах. Армада!

Чтобы не утомлять читателя цифрами производственных показателей, скажу только, что не было года, чтобы рыбаки причаливали к родным берегам с пустыми трюмами,— только в нынешнем году добыча увеличится еще на 40 тысяч тонн. Причем план выполняется не только по непременному валу, но и по ассортименту — все те диковинные виды рыб, которыми я уже растравил читательскую душу, попадают в сети. Позже мы узнаем, куда девается улов из этих сетей, а пока поговорим о тех, кто в море,— о рыбаках. Каждому, думаю, ясно, что рыбная ловля в диковатом нравом Тихом океане или вечно холодном Охотском море, толкотня на скользкой палубе под грохот волн и ветров, работа по 12—14 часов в сутки — это не сидение с удочкой на берегу. Но тут уж ничего не поделаешь — такой тяжкий труд удел каждого, кто по своей воле ходит в моря.

А вот все остальное — жилье рыбака в каюте и на берегу, питание в рейсе, заработки и мало-мальски организованный отдых — зависит от весьма многочисленного рыбного начальства. И с кем бы из рыбаков ни приходилось говорить, каждый из них клял на чем свет стоит и каюты, в которых вместо четырех человек ютятся шестеро, и харчи, которыми их потчуют все долгие месяцы промысла. Перенаселенность кают, думаю, понятна — почти все плавбазы предпочитают набрать побольше людей и поменьше ломать голову над механизацией их труда. А о питании тружеников моря их главный кормилец — директор облрыболовпотребсоюза И. Н. Еременко рассказал мне вообще нечто невероятное. Оказывается, в рейсе рыбак на день получает 230 граммов мясопродуктов, 27 граммов колбасы, 150 граммов яблок, 117 граммов сахара, пять граммов кофе и 1 (один!) грамм чая. Мы, работающие положенные восемь часов на земле, долго ли протянем на таком рационе? Да не то что на палубу — до лифта не доберешься. Да и кто из нас, работающих, тратит на свое питание один рубль 93 копейки в день? Попробуйте на эти деньги позавтракать, пообедать и поужинать — когда попросите больничный лист?

Иван Назарович, говоря о рыбацкой диете, выложил разом и все прочие беды своей организации. Самая, пожалуй, тяжкая из них — негде хранить продукты. Съездит, положим, предприимчивый заместитель директора Аникин в Приморье, закупит там картошку, огурцы, лук, капусту, а Иван Назарович вместо благодарности хватается за голову: куда всю эту роскошь девать? У него как было в далеком прошлом два хранилища, так и не прибавилось больше, даже сарайчика. В эти хранилища едва не чохом сваливают и капусту, и картошку, и чеснок, и скоропортящуюся зелень — все, что отыщет неутомимый Аникин. Да и как ему при скудном рыбацком довольствии накормить людей, скажем, свежими помидорами, если на Камчатке килограмм обходится в три рубля, а в Приморье — полтинник? Кому доказывать, что там прокормить рыбака дешевле, чем на Камчатке? Что нельзя и тем, и другим выделять на паек одинаковые гроши? Объединению «Дальрыба»? Впрочем, об этом начальстве над всем рыбацким начальством Камчатки мы еще поговорим — право, есть о чем. А пока, продолжая рассказ о хлебе насущном, замечу, что уже давным-давно в благодатном по климату Приморье «Дальрыбе» стоило бы открыть специально для своих камчатских подчиненных совхоз, продукция которого была бы им по карману,— для себя же и картошку, и зелень, и овощи уже давно выращивают.

А что может предложить облрыболовпотребсоюз рыбаку, который сошел на берег и получил за свою морскую каторгу немалые деньги? Я прошелся по залам специально построенного для них магазина, заглянул под прилавки и в скрытые от чужих глаз подсобки — хоть шаром покати. А в это время в том же Приморье, в Находке проходила ярмарка, на которой японские фирмы продавали тамошним рыбакам все, что душе угодно, за родные наши неконвертируемые рубли. Камчатцам, понятно, такое и не снилось. Впрочем, вспоминает Иван Назарович, подбрасывают чуток импорта и ему, да только почему-то одни женские вещи. А на судах, как известно, ходят мужики, причем в большинстве своем холостые,— на кой черт им колготки или тени для век, пусть и трижды дефицитные? Ей-богу, жаль мне стало Еременко, когда услышал, как костерят его рыбаки после рейса. Где варенки? Где видики? Где двухкассетники?

А что ждет пришедшего с уловом и с деньгами семейного человека? Чаще всего укоры жены за длящуюся годами неустроенность — ни жилья, ни прописки, ни работы.

— Кроме рыбаков, с жильем так не мается никто,— утверждает секретарь парткома базы тралового флота А. Г. Тищенко.— Мы даем Камчатке почти 90 процентов всей рыбопродукции, а из 120 тысяч квадратных метров планового жилья получаем всего 17 тысяч. 14 процентов! Как мне говорить о социальной справедливости, о достойном вознаграждении за труд людей?

И в те годы, когда я работал на Камчатке, и в недавнюю командировку я насмотрелся, где и как живут здесь рыбаки. Если ты холост и к тому же везунчик — попадешь после рейса в гостиницу «Нептун», что в двух шагах от облисполкома. Но там уж не сетуй на еженощные пьяные скандалы, на выбитые окна да на убожество обстановки — есть койка и уже хорошо. Большинство же, особенно отцы семейств, ютятся либо в снятых за немалые деньги квартирах и комнатах, либо обосновались в печально знаменитом поселке Копай — по его улочкам с наступлением темноты даже милиция ходит с опаской. В невесть как сколоченных хибарах не то что воды — электричества нет. Зимой снега по пояс, весной, летом и осенью непролазная грязь. Зато спокойно: ни тебе участкового, ни домоуправа.

Не помню, какой уже год сулят построить межрейсовый дом отдыха,— знаю наверняка лишь то, что и в нынешнем восемьдесят девятом его не сдадут под ключ. Не потому ли так часто сошедший с палубы одинокий моряк бросает якорь у первой же попавшейся девицы, которая охотно предложит кров и стол денежному человеку? Сколько уже таких бездомных скитальцев морей обобрали на берегу! — истории эти гуляют по городу едва не ежедневно. Сами же пострадавшие если и откровенничают, то непременно с вымученным юморком и издевкой над собственной дурью: кто спускает заработанные за долгие месяцы тысячи за неделю, а кто за день. До милиции, как правило, такие «тихие» грабежи не доходят — стыдно ребятам о них заявлять. В последний приезд в Петропавловск я встретил давнего знакомого, который, получив неделю назад восемь с лишним тысяч зарплаты, после первых же объятий попросил у меня трешник: пригласили переночевать, а проснулся где-то в сугробе, хорошо хоть не замерз, да куртку не сняли. И это не бич, не алкаш, не бабник — безотказный работяга с плавбазы. Завтра я увижу его в толпе около пельменной. Здесь собираются рыбаки, оставшиеся на мели и согласные теперь на любую работу, на любом судне, при любых расценках, лишь бы скорее уйти в море от береговой неустроенности и безденежья.

А там снова и теснота кают, и постылый камбуз, и надежда только на крепость своих рук — на всех этапах добычи только они и выручают рыбака. Я уже не говорю о маломерных судах — и громадины-плавбазы устарели сегодня безнадежно. Даже пришедший в этом году супер «Матвей Кузьмин» не очень уж радует тех, кому повезло попасть в его экипаж. Вроде бы все в нем хорошо: и мореходные качества, и навигационная аппаратура, и радиосвязь. А вот технологическое оборудование столь же примитивное, как и десять лет назад,— без рыбацких силенок и сноровки рыбу не возьмешь. То же самое можно сказать и о 15 новых судах, которыми пополнился недавно флот.

Только в этом году начали работы по модернизации совсем уж древних плавбаз «Орочон» и «Комсомольск-на-Амуре». Но ведь разговоры об этом я слышал еще пять лет назад!

Куда ни посмотри — все надо реконструировать, обновлять, строить заново. Судоремонтная верфь имени Ленина буквально забита кораблями, которые вернулись из рейса с поломками либо вообще не могли отойти от пирса.

А если уж подстерегла экипаж такая беда, морские дали он увидит не скоро — ремонт на верфи чаще всего длится многие месяцы, а то и годы. Большие морозильные рыболовные траулеры «Пауджа» и «Пахачи» простояли в доках СРВ по три с половиной года! Еще накладнее становиться на ремонт в Сингапуре или в Японии — там уж расплачиваться приходится валютой. Сплошь да рядом оказывается, что на ремонт одряхлевшего судна средств тратят больше, чем на постройку нового.

Латаем тришкин кафтан?

РЫБАКИ БЕЗ РЫБЫ?

Теперь, когда нам хоть приблизительно стало ясно, с каким трудом добывается камчатская рыба, пора поискать ответ на вопрос: куда она потом девается? И почему горожане, чертыхаясь, отходят от прилавков магазинов или в редкие дни удач толкаются в очередях?

Я уже не раз слышал это расхожее здесь выражение: министерский диктат. И верно — административных командиров у камчатцев немало: Минрыбхоз СССР, Министерство торговли РСФСР и, наконец, бассейновое производственное объединение «Дальрыба». Забота, как мы увидим, у них одна — побольше от Камчатки взять и поменьше ей дать. Минрыбхозу из Москвы попрежнему виднее, какие именно районы промысла выделить Камчатке, какой определить план по добыче рыбы, а Минторгу столь же очевидно, сколько именно и каких именно пород этой рыбы надлежит съесть тем, кто ее ловит.

Впрочем, я не упомянул еще об одной организации с диктаторскими замашками — президиуме Дальневосточного отделения АН СССР.

Те, кто недавно смотрел по телевизору Ленинградскую программу «Пятое колесо», наверняка запомнили исполненный трагизма рассказ о том, как в декабре прошлого года покончил с собой бывший директор Камчатского отдела природопользования, выдающийся ученый-эколог, доктор биологических наук профессор Станислав Алексеевич Дыренков. Эхо от его выстрела в собственное страдающее сердце услышали и на Камчатке, и на Дальнем Востоке, и в Ленинграде. Именно оттуда его приглашали возглавить созданный на полуострове отдел природопользования Тихоокеанского института географии ДВО АН СССР. За два года работы на Камчатке Станислав Алексеевич разработал перспективную программу организации и развития института региональной экологии, который он намеревался создать на базе возглавляемого им отдела. Программу эту без малейших изменений утвердил президиум, и Дыренков вместе со своими соратниками и учениками сразу же принялся за дело.

И вдруг в октябре 1988 года случается невероятное: тот же президиум принимает новое, противоречащее прежнему решение: вместо организации института предписывалось разделить отдел Дыренкова на два еще более мелких. Рухнули надежды ученого, обеспокоенного прежде всего тем, чтобы сохранить уникальный природный комплекс полуострова и прилегающий к нему океанический шельф. Два месяца отлученный от дел профессор яростно боролся против произвола администраторов от науки — увы, пробиться сквозь стену равнодушия, безразличия и чиновной диктатуры ему не удалось. В прощальном письме он завещал рассматривать свою гибель как «последний аргумент в неравном поединке с президиумом ДВО АН СССР».

«Мы считаем,— пишут в опубликованном в газете «Камчатский комсомолец» письме сотрудники Экологического центра,— что все это произошло не случайно, и трагедия Дыренкова — это одновременно и символ возможной трагедии самого нашего полуострова, разоряемого ведомствами (в первую очередь Министерством рыбного хозяйства СССР, которое сконцентрировало основные свои силы во Владивостоке на базе «Дальрыбы»). И далее: «Камчатка уже давно рассматривается ими как сырьевой придаток Приморского края, лишенный своих собственных прав на пользование биоресурсами шельфа».

Письмо это в январе было направлено в три адреса: в Совет Министров РСФСР, Академию наук СССР и президиум ДВО АН. Но до сих пор ответа на него не получено.

Зато шельф Камчатки, который пытался спасти безвременно ушедший из жизни ученый, продолжает так же планомерно разграбляться ведомствами, о которых упоминали экологи.

В океане и прилегающих морях часто можно увидеть, как к плавбазе с камчатским экипажем подходит транспортник из Приморья и мигом опустошает ее трюмы. Это пиратство узаконено и Минрыбхозом, и «Дальрыбой», причем в размерах поистине аховых. В прошлом году, к примеру, объединение «Камчатрыбпром» из 472 тысяч 405 тонн пойманной и уже обработанной рыбы смогло оставить в своем распоряжении лишь 1,7 процента от этого богатства. Из лососевых пород всех видов отдано той же «Дальрыбе» 12 057 тонн, а для себя — 102 тонны. Икры лососевой на месте позволено съесть 0,3 процента, а крабов чуть поболее — 2,9. Зато лососевых консервов их производителям даровано и вовсе крошечно: 0,2 процента.

Нет смысла доказывать, что ни один нормальный житель полуострова не хочет заграбастать себе всю добытую здесь рыбу, всю икру и всех крабов. Но и тот дележ, который навязан Минторгом, им тоже не по душе — бессмыслица! Четвертый год говорим о хозяйственной самостоятельности предприятий, о воспитании в каждом работнике чувства хозяина, а тут не что иное, как покорное подчинение все тому же административно-командному диктату, неприкрытое вмешательство в деятельность каждого трудового коллектива. Разве не об этом прямо и откровенно говорилось на недавнем Пленуме ЦК КПСС, разве не осуждена эта практика уже несколько лет назад? Но и до сих

пор председатель Камчатского облисполкома Н. А. Синетов по нескольку раз в году вынужден бить челом министру торговли РСФСР П. И. Куренкову, настойчиво повторять одну и ту же просьбу: если не увеличивать, то хотя бы не сокращать и без того мизерные фонды по рыботоварам. Каков же ответ министра? А такой: за три последних года эти фонды урезаны почти вдвое! И по лососевой рыбе, и по балычным изделиям, и даже по консервам. Какой вывод тут напрашивается? Простейший: если все эти деликатесы отбирают у камчатцев, то не иначе как для того, чтобы подкормить нас с вами. Но кому не известно, что лишь некоторых из нас балуют баночкой икры и ломтиком горбуши лишь в красные дни календаря. Тогда кого же? Не знаю. Загадка.

ЗДРАВСТВУЙ И ПРОЩАЙ

Сейчас уже понятно, почему коммунисты Камчатки на своей партконференции сочли положение с развитием рыбной отрасли нетерпимым — настрадались от головотяпства, равнодушия, унижения, осточертевшего всем командования сверху. Проще говоря, что может быть для человека горше, чем утрата чувства хозяина в собственном доме? Нравственные потери в этом случае куда больше отобранных тонн лосося или банок икры.

«Рыбная резолюция» как громом поразила раскритикованные в ней верха — не прошло и недели, как в аэропорту Петропавловска уже встречали невиданных ранее гостей — генерального директора «Дальрыбы» Ю. И. Москальцова, заместителя председателя Всесоюзного объединения рыболовецких колхозов А. А. Зинченко, генерального директора «Дальтехрыбцентра» А. Г. Украинченко и прочих больших начальников. Все прибывшие впервые в жизни увидели и Камчатку, и всех тех, с кем они до этого общались с помощью почты, телеграфа, телетайпа и телефона. Впервые увидели флот, которому они указывали, где именно и что именно следует ловить, горожан, которым оставляли крохи с накрытого ими же рыбного стола.

Посетив базы флотов, судоремонтные заводы и научные организации, высокие гости сели на самолет и полетели знакомиться с рыбозаводами камчатского побережья — любопытно все же узнать тех, кто вот уже столько лет безропотно выполняет их приказы, распоряжения, указания и рекомендации по стопроцентному госзаказу. Да и продукция этих заводов хоть и дает всего четверть добытого на Камчатке, но зато сплошь деликатес: лосось, сельдь, крабы.

Сомневаюсь, чтобы приезжие даже при их высоком профессионализме во время своих перелетов от поселка к поселку увидели и услышали больше, чем мы уже знаем. Любопытно другое: их оценки, их выводы, их предложения. Выслушать вердикт в здании «Камчатрыбпрома» собралось почти все местное руководство. На том совещании я, правда, не был и быть не мог, но со стенограммой знаком и с рассказами его участников тоже.

Казалось бы, генеральный директор «Дальрыбы», как лицо официальное, должен быть в таких разговорах лишен эмоций, но Юрий Иванович, как вижу, не удержался: «Честно говоря, я был готов к худшему. Но Кировский меня потряс!»

Придется объяснить, чем вызвано это душевное смятение Ю. И. Москальцова. Но тут уж я дам слово своему коллеге, корреспонденту «Камчатской правды» И. Белашовой, — она сопровождала столь представительную делегацию. Вот несколько строк из ее статьи: «Кировский — это экзотика камчатского побережья. Поселок, смытый вместе с косой штормами. Ряд нежилых домов — половина улицы. Несколько полуразрушенных зданий, отдельные стены — другая половина. В конце улицы — завод. И три жилых дома».

Поймем теперь потрясение генерального? А увиденное в Усть-Харьюзове, крабовой столице Камчатки, его не привело в содрогание? Ведь единственный в этом крае завод по производству крабов с этикетками на иноземных буквах так и стоит без оборудования, а когда его установят, работники снова засучат рукава — шестьдесят процентов ручного труда! А стоящий без сырца завод в Оссоре? А ужасающие жилищные условия рыбаков, о которых мы уже наслышаны?

Надо отдать должное журналистам Камчатки — и партийная, и комсомольская, и рыбацкая газеты, радио и телевидение именно в дни визита почти ежечасно и ежедневно напоминали горожанам, что их тревожит годами,— наболело!

Этот поток информации не прошел мимо внимания Ю. И. Москальцова. Ему, оказывается, «...неприятна та атмосфера, которая искусственно создается вокруг нашей отрасли и ее руководства в газетах, на радио и телевидении. Такое отношение не поможет делу. Этому надо положить конец!»

Надеюсь, все поняли, с чем призывает покончить генеральный директор «Дальрыбы»? С критическим отношением к стилю руководимого им аппарата, с гласностью и правдой. Если бы не стенограмма, которую мне показали в обкоме партии, я бы не поверил в этот начальственный окрик, да еще прилюдно.

Но самое поразительное открытие Юрий Иванович сделал чуть позже: «И что самое интересное: там, где всего труднее, где порой невыносимые условия для жизни,— там нет никакого нытья, нет лишних вопросов. Просто поражает мужество наших рыбаков!»

Уникальная простота решения социальных проблем — надо, оказывается, так замытарить человека, настолько оглушить его невыносимостью труда и быта, чтобы он уже привык безропотно тянуть свою лямку, помалкивать и не тревожить начальство лишними, на его взгляд, вопросами. И эту рабскую покорность Ю. И. Москальцов именует мужеством?

Досталось и делегатам партконференции: от их памятной нам резолюции комиссия не оставила камня на камне. Требуете распределять лимиты и выдавать разрешения на промысел только по согласованию с облисполкомом? А хоть в Верховный Совет СССР или Совмин обращайтесь — не будет такого. И новых плавбаз не будет — аж до самого 95-го года. И границы промысловых районов менять не будем. И ни бочек не будет, ни жести для консервных банок — во что рыбу упакуете? А разных там лососевых, икры и копченостей как нет, так и не будет тоже: «Нам надо страну кормить!»

Интересно, в руководящем понимании страна — это мы с вами или еще кто-то? Или это не о нашей стране идет речь и, стало быть, не о нашем с вами кормлении?

Поговорив, высокие гости подарили хозяевам разработанный ими план мероприятий по дальнейшему улучшению, повышению, расширению. И в обкоме партии, и в облисполкоме прочитали этот документ и ахнули: все это им сулили еще в 79-м году, когда почти то же самое сочинили в Гипрорыбпроме. Изменилось ли что-либо за эти десять лет? Конечно. Еще более одряхлели суда, заводы, еще хуже стали жить рыбаки и обработчики. Соглашаться теперь с еще одной прожектерской липой? Нет уж, хватит — председатель облисполкома Н. А. Синетов подписывать предложенную ему бумагу отказался наотрез.

С тем и попрощались. Тем более в этот день стал сыпать частый и мелкий снежок, небо заволокли тучи и океан шумел совсем грозно. Надвигалась пурга, когда рыбу и ловить нельзя, и думать о ней не хочется.

ПРОШУ СЛОВА!

Гавриил ПОПОВ,
народный депутат СССР

Необходимость проводить дополнительные выборы на оставшиеся вакантными места народных депутатов отодвинула дату созыва Съезда народных депутатов СССР. Но сейчас идет интенсивное обсуждение проблем будущего Съезда. Это и понятно: необходимо, чтобы он усиливал, а не гасил тот вал демократизации, который поднялся в стране. Мне довелось быть на нескольких подобных обсуждениях и сегодня хотелось бы поделиться некоторыми соображениями и с коллегами-депутатами, и с читателями о предстоящем Съезде.

Какие вопросы он должен обсудить? Часть повестки дня задана Конституцией: выборы Председателя Верховного Совета СССР, выборы самого Верховного Совета СССР — две палаты по 271 депутату: Совет Союза и Совет Национальностей.

Возникает первый вопрос — ограничиться ли этими проблемами или обсуждать и другие? И если расширять круг обсуждаемого, то что же еще включить в повестку дня Съезда?

В печати сейчас дебатируется немало проектов законов — об изобретательстве, о защите прав потребителей и другие. Требуют обсуждения и Указы. Но я думаю, что прежде всего их надо передать вновь избранному Верховному Совету, и больше того — сначала его комиссиям. А уж после этого утвердить решениями Верховного Совета или возвратить их на дополнительное рассмотрение. Поэтому один пункт повестки дня Съезда мог бы быть следующим: о поручениях Верховному Совету СССР по рассмотрению уже обсуждающихся проектов законов и принятых Указов.

Но чтобы Верховный Совет мог оценивать конкретные законы, необходима общая платформа предстоящего курса высшего органа власти страны. И эту платформу Съезд народных депутатов СССР должен обсудить и утвердить. По базисным ее идеям скорее всего понадобится референдум. Речь идет о том курсе, который Съезд намерен проводить в отношении создания и «участников» и «правил игры» той новой системы, которая покончит с наследием административного социализма. Далее, важно определить стратегию развития экономики на ближайшие пять лет, включающую почти полное прекращение бюджетного финансирования капитальных вложений в производство, политику в области доходов и тому подобное.

Важнейшие вопросы Съезда — политика в области демократизации и гласности, перспективы Союза ССР, его новая концепция.

Нет ничего удивительного в том, что всем очень хочется обобщить опыт первых выборов, допускавших наличие нескольких кандидатов. У каждого из нас сложилось мнение и о плюсах, и о минусах нового механизма, заложенных в Конституции СССР и Законе о выборах. К тому же многим из нас избиратели дали наказ добиваться корректировок этого механизма.

Важно, чтобы такое обсуждение состоялось до выборов в Верховные Советы республик, чтобы законы о выборах в республиках учли те изменения, которые Съезд сочтет необходимым внести в законодательство. Возможно, Съезду следует создать две-три комис-

сии для подготовки предложений о дополнениях к Закону о выборах, они опубликуют свои соображения, чтобы обсудить их — если надо — тоже путем референдума.

Есть еще один вопрос, касающийся прошедших выборов. У меня — да и у многих — лежат письма избирателей с жалобами на нарушения избирательными комиссиями Закона о выборах. Совершенно необходимо на первом же заседании создать комиссию, которая рассмотрела бы все жалобы, организовала их проверку и доложила итоги на заседании, которое будет рассматривать и дополнения к Закону о выборах. Глубоко уверен: если Съезд за несколько месяцев до выборов в республиканские и местные Советы официально передаст Верховному Суду СССР дела нарушителей Закона о выборах, тогда желающих хранить в сейфах запасные пачки бюллетеней или гасить их без представителей общественности не окажется.

В свете всего сказанного вырисовывается еще один пункт повестки дня первого заседания: о повестке дня Съезда народных депутатов и порядке подготовки к нему.

Учитывая тот резонанс, который вызвал недавний Указ об изменениях и дополнениях в уголовном законодательстве, особенно статья 11 «прим», утверждение этого Указа надо вынести на заседание Съезда.

Есть много вопросов и по самой организации заседаний Съезда, которые сейчас кажутся всем однозначными и элементарными. Но простыми они казались только потому, что решались в Административной Системе. Решались или руководством, или аппаратом, но всегда без учета воли депутатов, поскольку таковой у них не было, точнее, существовало лишь их «волеизъявление», отражавшее мнение верхов. История эта длилась столько лет, что исчезла даже мысль о возможности иных ситуаций. Но вот началась предвыборная кампания. И мы не раз были свидетелями, как окружные собрания по нескольку часов обсуждали именно процедуру своей работы. Стало быть, вопросы процедуры становятся чрезвычайно важны и сложны, если речь идет о подлинной демократии.

В прошлом году я был в датском парламенте. Там существует своего рода автоматизированная система — весь зал видит табло с именными ячейками каждого депутата, где видно, просит ли он слова, как голосует. На этом же табло автоматически подводится итог голосования.

Есть и прямая связь каждого депутата с президиумом: можно говорить с трибуны, можно и с места — в микрофон. Деталями такого устройства я не занимался. Но мне ясно, что Центральная избирательная комиссия уже сейчас должна срочно определить характер техники, соответствующей демократическим процедурам и обсуждений, и голосований. Я, например, если бы вошел в Верховный Совет, хотел бы иметь дисплей на своем месте и клавиатуру запроса, чтобы сразу получить информацию: сколько еще записалось, кто еще не выступал, в каком порядке стоят выступающие. А если понадобится — запросить и увидеть на дисплее справку о любом депутате. Или как он голосовал по тем или иным вопросам. В конце концов мы живем в компьютерном веке. И уж как минимум, если я прошу слова — это должен видеть на общем табло сразу весь зал. Если во время Олимпиад мгновенно выдается любая информация, то для органа власти это, по-моему, поважнее.

Очень не хотелось бы, чтоб избиратели судили о позициях делегатов на Съезде по изложениям их речей в печати или по тому, что из их речей соблаговолит «скроить» телевидение.

Нужен, видимо, комплекс мер в части права народа на информацию о работе Съезда. Надо бы обеспечить полную прямую трансляцию всех заседаний Съезда, возможно, открыв для этого специальный канал телевидения.

Важно выбрать на Съезде главного редактора газеты «Известия», чтобы хоть одна газета не подчинялась никому, кроме Съезда. И издавать специальные приложения к «Известиям», в которых любой депутат будет иметь право на статью установленного объема (положим, раз в месяц) с публикацией в течение двух недель.

Я понимаю, депутатов много. Поэтому и газеты, и телевидение неизбежно будут ограничивать или время, или объем текста. Но зато вопрос о том, что депутат захочет изложить в эти минуты или включить в установленный объем текста, не вправе решать никто. Это надо закрепить на Съезде.

Одной из острых процедурных проблем является защита права каждого депутата излагать свое мнение по любому обсуждаемому на Съезде вопросу. Надо установить, что никто не имеет права прекращать прения, пока хотя бы один депутат хочет выступить,— пусть даже в третий раз. Одно дело — регламент выступления, он нужен, и его можно варьировать для второго и третьего выступлений. Другое дело — само право на выступление. Тут всякие попытки «большинством голосов прения прекратить» несовместимы с самой идеей парламента, где каждый депутат кого-то представляет. Это азы демократии, но нужно и им учиться.

Очень волнует и такой вопрос: а что будет делать депутат в течение года в период между съездами? Сможет ли он ходить и выступать — при желании — в любую комиссию Верховного Совета и в сам Верховный Совет?

Будет ли у депутата где-то официальное место и в Москве, и по месту жительства? Будет ли в его распоряжении какой-то аппарат хотя бы для подготовки ответов на письма и звонки, не говоря уже о деньгах для организации проверок, оплаты независимых экспертов и тому подобного? Предоставят ли ему свободный день в течение недели для этой работы?

Или он будет в полной зависимости от администрации того учреждения, где он работает, как это было — и было логично — в прошлом? Или он должен превращать всю семью в секретариат, как это уже становится нормой сегодня?

А может, взять одну из гостиниц и переоборудовать под Дом депутатов? Стоит подумать, особенно если вспомнить «уотергейтское дело». Судя по нему, в США аренда гостиниц для подобной работы — дело обычное.

Этих вопросов не решить, если исходить из стандартов прошлого. Тут все предстоит менять. Иначе от демократии останется один депутат, у которого может не быть ни комнаты, ни телефона, ни пишущей машинки, не говоря уж о персональном компьютере. И даже вовремя добраться на Съезд он не сможет — начальник аэропорта, проигравший ему на выборах или желающий угодить проигравшему местному «вождю», заявит, что все билеты давно проданы, а «привилегий» быть не должно — вы сами за это ратовали. Проблему депутатов, избранных населением только для того, чтобы иметь противовес местным «богам», надо решать так, чтобы эти депутаты ни в чем ни от кого на месте не зависели. Надо ввести и судебную ответственность местных и других руководителей за давление на депутата в любой форме.

В общем, вырисовывается необходимость принять на первом же Съезде два документа: о процедурах (регламенте) работы Съезда и скорректировать закон о народном депутате СССР, о его статусе.

Одной из главных задач предстоящего Съезда народных депутатов СССР являются выборы Верховного Совета СССР.

В статье 111 Конституции говорится, что выборы Верховного Совета будут проводиться тайным голосованием. Этот принцип совершенно ясен.

Но возникает прежде всего неясность ситуации с выборами в Совет Национальностей. Как известно, по Конституции там введены квоты. Например, 11 депутатов от Эстонии.

Предположим, что эстонские депутаты выдвинут 11 кандидатов в Совет Национальностей. Список из 271 кандидата с учетом квот есть. А при тайном голосовании Съезда нескольких кандидатов отвергнут и в Совете Национальностей не будет 11 представителей Эстонии. Что делать? Ведь механизм должен учитывать все возможные случаи.

Плюс ко всему, если в список будет внесено не 271, а 300 претендентов на места в Совете Национальностей, то на 11 мест Эстонии могут попасть представители других республик, набравшие больше голосов. Словом, чем больше демократии — тем нереальнее квоты.

Мне кажется, что идея квот и идея тайного голосования всего Съезда в принципе исходят из сугубо аппаратных представлений о том, что депутаты Съезда — марионетки и будут механически голосовать за кем-то подготовленный список. На случай подлинного выбора идея квот не рассчитана.

Поэтому первая проблема для обсуждения — как формировать Совет Национальностей. Мне ясно, что он должен формироваться по квотам. Иначе это не будет Совет Национальностей. Но в этом случае попытка получить одобрение всех депутатов Съезда неизбежно ставит под вопрос квоты.

Мое предложение: на предоставленные квоты депутаты в Совет Национальностей тайным голосованием избираются по группам депутатов от соответствующих республик. Например, все депутаты от Эстонии (территориальные, территориально-национальные и по общественным организациям) избирают тайным голосованием 11 своих представителей в Совет Национальностей и так далее.

Возможен и второй вариант. Эстонская делегация избирает, например, не менее чем в полтора раза больше кандидатов, чем выделено мест республике. Скажем, 16. Этот список идет особым бюллетенем при выборах Совета Национальностей. И депутаты, голосуя, обязаны оставить в нем не менее 11 человек. Если оставлено меньше — бюллетень недействителен. По большинству голосов будет отобрано 11 победителей. Этот вариант делает всех депутатов участниками голосования, но при нем, правда, неизбежны повторные голосования. Могут, конечно, существовать и другие предложения.

Не ясен мне вопрос и с Президиумом Верховного Совета СССР. В него входят — по должности — пятнадцать председателей Президиумов Верховных Советов республик. Опять чисто аппаратная идея. И опять возникают вопросы.

А ведь и здесь надо исходить из принципа, а не из предположений. Принцип же допускает, что Председатель Верховного Совета республики может быть не избран депутатом Верховного Совета СССР. Выход тут тот же: делегация депутатов от республики сама избирает на выделенное ей место члена Президиума Верховного Совета СССР. И необязательно указывать его должность в республике.

Не столь уж проста и ситуация с Советом Союза. В той же статье 111 маловразумительно сказано: «Совет Союза избирается из числа народных депутатов СССР от территориальных избирательных округов и народных депутатов СССР от общественных организаций с учетом численности избирателей в союзной республике или регионе».

Тут ясен вопрос о депутатах по территориальным округам. А вот попытка как-то разделить депутатов от общественных организаций — явно бюрократическая фантазия, поскольку в ряде делегаций от общественных организаций вообще может не быть представителей каких-то «республик или регионов». Да и кто будет делить?

Поэтому я думаю, что нужна предельная четкость. Надо уравнять всех депутатов от общественных организаций с депутатами от территориальных округов в праве быть избранными в Совет Союза.

Что касается самих выборов, то неясно, что же означает «учет численности». Раз уж мы по максимуму дадим права делегациям республик самим формировать Совет Национальностей, то вполне логично Совет Союза избирать полностью на конкурсной основе, большинством голосов, без всяких «учетов». В список кандидатов, например, включено 300 человек, по большинству голосов проходит 271.

Другая проблема — выдвижение кандидатов. Откуда возьмется список из этих 542 фамилий? И тут нужен четкий критерий. Так как в среднем на 1 депутата Совета Союза приходится 10 депутатов Съезда, то для включения кандидата в список для тайного голосования достаточна поддержка 10 депутатов Съезда. При этом, однако, один депутат не может оказать поддержку более чем 271 кандидату — по числу депутатов в Совете Союза.

Теперь об обновлении на одну пятую состава Верховного Совета. Кто будет через год определять эту пятую часть, которая должна уйти из Верховного Совета? По алфавиту? По жребию? По чьей-то воле? И здесь нужна полная демократическая четкость. Возможно такое решение. Через год проводится повторное тайное голосование: для Совета Союза Верховного Совета — на всем Съезде, для Совета Национальностей — по спискам от делегаций на заседаниях делегаций. И одна пятая часть депутатов, оказавшаяся по итогам голосования в конце списка, считается выбывшей из Верховного Совета. На вакансии идут довыборы по тем же схемам, что и при выборах основного состава Верховного Совета.

Сегодня велика опасность, что наш аппарат в борьбе за свой вариант перестройки постарается укрепить себя благодаря Верховному Совету СССР, который узурпирует власть, сведя роль самого Съезда народных депутатов к ежегодным краткосрочным заседаниям с обсуждением на них второстепенных проблем и с исключением из компетенции Съезда обязанности утверждать все указы, все Законы, все документы, одобренные Верховным Советом и его Президиумом, включая назначения высших должностных лиц. Опасность такой тенденции и возможность обходить Съезд содержится в нынешнем тексте Конституции. Один из путей преодоления опасности — в формировании Верховного Совета на основе демократических выборов.

Демократические выборы народных депутатов СССР стали, как это и намечала XIX Всесоюзная конференция КПСС, мощным инструментом активизации всех участников перестройки. Уроки их еще предстоит проанализировать и осмыслить. Но сейчас самое главное состоит в том, чтобы не позволить аппаратному подходу, потерпевшему безусловное поражение на самих выборах депутатов на Съезд, взять реванш путем навязывания Съезду традиционной роли машины голосования для одобрения подготовленных аппаратом решений. Народ, голосуя на выборах, однозначно выразил свою готовность добиваться перехода от аппаратного варианта перестройки к демократическому.

ЭСПЕРАНТО В КОЛОНИИ●
РАПОРТ ОБ УВОЛЬНЕНИИ●
ЗВОНОК В ПРАГУ●
«ВЗГЛЯД» И ЖАВОРОНКИ...●

■

Сотни тысяч ребят в нашей стране с помощью КИДов переписываются со сверстниками из разных стран мира. Хотелось бы помочь нашим детям установить как можно больше таких контактов. Одной из причин, сдерживающих, как мне кажется, расширение этих контактов, является экономическая. Дело в том, что почтовые тарифы на переписку с капиталистическими и развивающимися странами намного дороже, чем наши внутренние, которые действуют и на переписку с соцстранами. Так, стоимость конверта в капстрану равна 51 коп.

Мне кажется целесообразным, чтобы в ближайшее время Министерство связи СССР рассмотрело возможность выпуска специальных международных детских конвертов, которые бы действовали во всех странах мира, и стоимость их должна быть определена, исходя из стоимости нашей внутренней корреспонденции. Распространять эти конверты можно было бы через КИДы, комсомольские, пионерские и другие юношеские и молодежные организации.

Возможно было бы договориться через Всемирный почтовый союз о единой форме такого конверта, действующей во всех странах.

Таким образом, почта помогла бы укреплению дружбы и взаимопонимания между детьми во всем мире.

В. М. СУХОРУКОВ
Москва

■

Написать в редакцию меня побудило письмо А. Михайлова, колониста из Сыктывкара, о репродукции Сальвадора Дали. Мое письмо — тоже о запретах в колониях.

Я занимаюсь языком эсперанто. В прошлом году в наш клуб пришло письмо человека, отбывающего наказание, с просьбой прислать учебник по эсперанто. Мы не знали, какое преступление совершил этот человек, но, по-моему, то, что он хотел изучать язык, идея которого — дружба людей всей земли, следует только приветствовать.

Учебник, по которому мы занимались, мы не решились послать, так как это были брошюрки, скопированные на ротапринте. Они могли вызвать подозрение. Других русских учебников не было. Мы послали латышский учебник эсперанто Яунвалкса и латышско-русский словарь. Через некоторое время все вернулось по почте обратно с ответом: «Не положено». Но почему? Ведь при царском режиме многие даже политзаключенные читали книги и изучали языки. Будет ли в наших тюрьмах когда-нибудь разрешено то, что было разрешено при реакционном царском режиме?

Ольга Марковна ЛИТВИНОВА
программист
Рига

■

Куда девать макулатуру? Думаю, этот далеко не праздный вопрос задают себе многие. Вот уже два года, с тех пор как переехал в карельский город Костомукшу, задаю его себе и я. В Архангельске, где я жил до этого, периодически, раз-два в год, в дверь моей квартиры звонили веселые пионеры и забирали все, что могли унести. Впрочем, они ходили не только по квартирам, но и по учреждениям, избавляя занятых служащих от лишних бумаг и заодно выполняя функцию сборщиков вторсырья. Но то ли Костомукша — город на краю света, то ли Кондопожский и Сегежский ЦБК работают исключительно на валовой древесине, то ли пионеры нынче стали не те, проблема с макулатурой лично для меня приобрела формулу выживания.

Лично я отдал макулатуре не только антресоли, но и диван. Буквально сплю на новостях международной и внутренней жизни. Где-то в уголке души все еще брезжит надежда: а вдруг все мое старье понадобится гигантам нашей целлюлозно-бумажной промышленности. Я тешу себя мыслью, что мы очнемся и посмотрим вокруг себя внимательным взглядом, и увидим, как много у нас железа, которое не нужно добывать из-под земли, а можно просто брать руками, хлеба, которым можно накормить целое государство, бумаги, которая сбережет нам лес, и прочих продуктов нашей жизнедеятельности, которые можно употребить во благо человеку.

А. ИВАНОВ
Костомукша

■

Вероятно, в последнее время вы получили не один десяток писем от кадровых офицеров, сделавших когда-то давно, в юности, неправильный выбор и пытающихся сейчас исправить допущенную ошибку, уйти из рядов Вооруженных Сил.

Мы, два офицера-переводчика, написали рапорта об увольнении из ВС. Отдадим должное местному командованию — дело пошло без проволочек. Казалось бы, вполне естественное желание для человека, понявшего, что ошибся в выборе профессии, тем более что на этом наша жизнь не заканчивается. Мы можем и хотим приносить пользу, но более действенную и без морального ущерба для себя. Жизнь вдали от семьи, когда серьезные обстоятельства не позволяют воссоединиться (здоровье жены, дочери), тяжело сказывается в моральном плане. Мы хотим исправить это ненормальное для нас положение.

Если раньше для того, чтобы уволиться, люди клали на стол партбилет, то сейчас, в эпоху демократизации и перестройки, как нам представляется, в этом нет необходимости.

Тем не менее наши рапорта об увольнении были оставлены без какого-либо ответа или резолюции со стороны более высоких инстанций. Их просто «отфутболили». Чем объяснить такое отношение к нам?

Решение об увольнении было принято нами обдуманно. Получается, что для увольнения нужно совершить воинское преступление?!

О. Н. САМОНИН, А. В. РАЗУМКОВ
Одесса

■

Мне, как иностранцу, наверное, не положено вмешиваться в ваши внутренние дела, но я считаю перестройку общим делом, общей надеждой, ибо и нам в Чехословакии необходимо сломить засилье бюрократии.

Вместе с группой строителей я приехал помогать таджикскому земледелию. После 10 дней нелегкой работы мне нужно было поговорить с родиной (письмо из Душанбе в Прагу идет 16 дней и дольше). В пятницу 10 марта я пошел заказывать разговор с Прагой.

Мне сказали, что Прагу можно заказать только через 24 часа. В субботу ждал до часу ночи, но так и не дождался. В воскресенье — такая же история. Дозвонился до почтамта, и только там мне сообщили, что Москва не принимает заказы до 15 марта.

Я бы хотел в лицо узнать того, кто не дал мне позвонить в Прагу и сорвал, может быть, отправку десятка грузовиков. И кто мне возместит материальные и духовные потери? Правовое государство должно давать такие возможности.

С Прагой соединили 14 марта ночью.

Иржи ЦИНГРОШ
Душанбе

■

Орган ЦК КП Украины «Правда Украины» 19 марта с. г. напечатала статью зам. начальника «Киевметростроя» В. Волочкова «Когда забывают о партийной этике...» Обрушиваясь на литераторов коммунистов И. Драча, П. Осадчука, В. Яворивского, В. Брюховецкого, В. Дончика, он приписывает им следующее: «попытка создать какую-то новую политическую структуру, никому не подконтрольную», «призывы к «восстановлению полного суверенитета республики», «фракционность и групповщину», что «несовместимо с марксистско-ленинской партийностью» и т. д.

Для того чтобы «доказать» недоказуемое, тов. Волочков притягивает за волосы передачи Би-би-си и «Свободы», свои воспоминания о борьбе против бандеровцев, заявления лидеров группы, которая именует себя «Украинским хельсинкским союзом», и т. д. Так ведь так можно запретить на Украине и выступления М. С. Горбачева только по той причине, что Би-би-си, «Голос Америки» или «Свобода» что-то оттуда цитируют. Я помню, как во времена кампании против В. Сосюры в 1951 году писали, что под его стихотворением "Люби Украину" мог бы подписаться и Петлюра, и Бандера! Зачем же почти через 40 лет «Правда Украины» привязывает украинских писателей — коммунистов, лауреатов Государственных премий СССР и УССР, докторов наук! — к Петлюре и Бандере! Что это, как не оскорбление людей, уважаемых не только на Украине?!

С. В. ТЕЛЬНЮК,
писатель, член КПСС
Киев

■

Я отношусь к той многочисленной части жителей страны, которая ложится спать в 10—11 часов вечера, а если это не удается, то на следующее утро чувствую себя не в своей тарелке.

Более года Центральное телевидение ведет войну с нами, жаворонками, не находя ну никаких возможностей для показа самой популярной среди телезрителей передачи «Взгляд» в самое «козырное» время — с 19 до 21 часа либо для ее повтора через неделю-другую в удобное для всех время.

Доводы редакции Центрального телевидения о том, что передача «Взгляд» предназначена для «полуночников» и является молодежной программой (а в молодости ложиться спать в час-два ночи естественное дело), неубедительны.

Почему люди, не являющиеся «полуночниками», в том числе в силу возраста и по состоянию здоровья, не должны иметь возможность смотреть самую популярную программу телевидения? Почему редакция ЦТ находит время для повтора десятка передач, а для повтора самой популярной передачи не находит?

Почему матери погибших или пропавших без вести воинов-интернационалистов должны не спать ночами, надеясь услышать из передачи «Взгляд» хоть малейшую весточку о самом дорогом человеке, почему тысячи инвалидов, малообеспечиваемых пенсионеров, людей, с нетерпением ожидающих реального решения в стране продовольственной и жилищной проблем, должны еженедельно за полночь бодрствовать по вине ретроградов из Центрального телевидения?

Лично я передачу «Взгляд» досматриваю стоя, чтобы не заснуть, а утром (в 7 часов), готовя детишек в школу, а себя для похода на рынок, с головной болью сердито напеваю слова популярной песенки: «Ох, уж этот «Взгляд».

А. ОЛЕГОВ
Гуково Ростовской области

Наш адрес:
101456, ГСП,
Москва,
Бумажный
проезд, 14.

МАЙСКИЕ ПРОГНОЗЫ

Сергей НАДЕЖДИН,
Анатолий ПАНКОВ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА и
Дмитрия ДЕБАБОВА

«Май течет рекой нарядной по широкой мостовой...» — знакомые с детства строки, отчеканенные в сознании почти как религиозный символ безудержной стремительности и обожествленного поклонения, всеохватного подъема и бездонного энтузиазма. Как красиво мы смотримся в блеске оркестровой меди и кумачового пламени, как оптимистичны и веселы наши лица, какие энергичные и победные транспаранты подняты над нашими головами! Но все ли мы сделали для всеобщего ликования, так ли безмятежно русло вечно «нарядной реки», имеем ли право сегодня так же привычно и бездумно «петь и смеяться, как дети»? Не слишком ли долго мы пели, не слишком ли долго смеялись?..

Сегодня, когда за окнами революционный май 1989-го, самое время проверить свои ощущения, задуматься и попытаться понять, понять, чтобы нащупать правильный путь!

История первомайских праздников созвучна рождению нашего государ-

ства. Десятого ноября 1917 года по решению Московского Военно-революционного комитета у Кремлевской стены в двух братских могилах были похоронены те, кто отдал свою жизнь в октябрьских боях за Советскую власть,— 238 рабочих и солдат. И в первый после Октябрьской революции Первомай люди пришли на Красную площадь, чтобы прежде всего поклониться павшим борцам. Вот как писала об этом «Правда»: «Площадь оглашается скорбными звуками «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Склоняются знамена. Вся площадь, вся толпа, как один человек, обнажает головы. Под гром аплодисментов и восторженные клики на высокую ораторскую трибуну поднимается Ленин... После речи Ленина начинается шествие.

Беспрерывно движутся полки и районы со своими роскошными знаменами. Проходя мимо могил, обнажают головы, склоняют знамена, льются звуки похоронного марша...»

Вернемся в Первомай 1924 года. Умер Ленин. Слишком больна незаживающая рана: «Взоры демонстрантов приковывают к себе оливковые уступы Мавзолея, его высящаяся над площадью колоннада... Неугасимый революционный дух вождя мировой революции живет и пылает в призывах, раздающихся со ступеней Мавзолея... На ступенях Мавзолея тт. Буденный, Мельничанский, Подвойский, Ярославский и другие. У Мавзолея колонны склоняют знамена. Оркестры играют похоронный марш и Интернационал. Нет речей. Нет военного парада. Войска по районам идут колоннами в гражданском строю, без оружия... На ступенях Мавзолея появляется Рыков...»

Революционные вожди стояли на ступенях рядом с народом, а не возвышаясь над ним. Да и трибуны на первом Мавзолее еще не было. Впрочем, эта «ошибка» была достаточно быстро исправлена. Уже следующий проект предполагал с левой и правой сторон Мавзолея две не соединенные между собой небольшие трибуны. 1 Мая 1928 года на левое крыло поднялись Сталин, Калинин, Бухарин, Енукидзе, Рудзутак, Орджоникидзе, Молотов, Томский и другие. Сразу определился сохранившийся и ныне порядок: слева стоят гражданские руководители страны, справа — военачальники. Демонстранты, вступающие на площадь, должны прежде всего видеть вождей, а уже потом своих героев.

Порядок совершенствовался, ритуал оттачивался, становился незыблемым. На маленьких крыльях было тесно — окончательный вариант современного Мавзолея предусматривал сплошную широкую трибуну. Менялся и облик Красной площади. В послереволюционные годы на Верхних торговых рядах (здание ГУМа) развешивались внушительных размеров полотнища с изображением рабочего и крестьянина. Позже появились огромные портреты Маркса, Энгельса, Ленина и, конечно же, Сталина. «Отец народов» наконец-то узаконил свое равенство с вождями мирового пролетариата. Правда, взирать на свой портрет поверх колонн демонстрантов ему мешала небольшая скульптурная группа с фигурками двух спасителей России. В 1930 году памятник Минину и Пожарскому с середины площади передвинули (или задвинули?) на ее край — к храму Василия Блаженного.

Помпезность — прародительница современной показухи — становится непременным государственным стандартом. Громче литавры, шире людской поток... Главное — наэлектризовать толпу, сделать ее безусловно управляемой. Не в те ли годы родилась печальная традиция, глубоко вклинившаяся и в наши дни,— провозглашать одно, а думать другое, демонстрировать то, чего действительно удалось достигнуть, и то, чего нет и в помине?

1 Мая 1936 года в глубине трибуны Мавзолея Сталин не спеша раскуривает трубку, рядом в легкомысленной кепчонке молодой улыбающийся Хрущев. Кто мог подумать тогда, что именно он первый развенчает «кровавого тирана»? А пока толпа ликует: «Привет любимому Сталину!» В тот день «Правда» в передовой статье утверждала: «Мы построили социализм». Ни больше, ни меньше... Это мы, еще не опомнившиеся от страшного голода конца двадцатых — начала тридцатых годов, замордованные коллективизацией, раздетые и разутые, только осваивающие экономический ликбез... Но кто из шагающих по площади посмеет даже задуматься об этом? Он с нами, и, значит, наши успехи неизбежны. «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее» — этот лозунг на всех знаменах, плакатах, транспарантах. Это написано на лицах демонстрантов. Это в одежде. Это в песнях.

Качаются над колоннами тяжелые, спелые, румяные плоды. Цветут сады. Яблоневые ветви гнутся под тяжестью плодов. Золотые лимоны и черные виноградные кисти... Колоссальная «баба», сооруженная из консервных банок... Гигантские колбасы... Шоколадные горы. Огромные флаконы одеколона.

Могучих партия ведет;
Шагает трудовой народ,
И ты их знамя, Сталин!

Наше поколение помнит первомайские праздники послевоенных лет. В те годы экстаз обожествления достиг апогея. Люди, пришедшие на Красную площадь, чтобы исступленно поклониться Знамени, не торопились с демонстрации домой. Многие из них бежали на старый Арбат и занимали место на тротуарах вдоль проезжей части. Они снова пытались увидеть Самого, проезжавшего этим маршрутом на ближнюю, кунцевскую, дачу. В кортеже было несколько автомобилей с тщательно зашторенными окнами. Говорили, что в каждом сидел загримированный двойник на случай возможного покушения. В те годы родились знаменитые строчки Бориса Слуцкого: «Мы все ходили под богом. У бога под самым боком. Он жил не в небесной дали, его иногда видали живого... Однажды я шел Арбатом, бог ехал в пяти машинах. От страха почти горбата в своих пальтишках мышиных рядом дрожала охрана...»

Хрущевская оттепель вернула людям рассудок, повернула их к здравому смыслу. Стиль традиционных праздиеств стал более лаконичным, а вожди более доступны и досягаемы. Пожалуй, впервые за долгие годы Хрущев спустился с высокой трибуны ближе к народу — известно, что он ездил по стране, любил, например, беседовать с москвичами, а за многочисленные анекдоты и байки, ходившие о нем, Колыма никому не грозила.

1 Мая 1960 года Первый секретарь ЦК КПСС прямо на трибуне Мавзолея слушает доклад своего помощника о проникновении в воздушное пространство страны американского самолета-разведчика. Здесь же на трибуне им отдан приказ — летчик-шпион Френсис Гарри Пауэрс был сбит и пленен в районе Свердловска.

Но не воздушный инцидент был главной приметой тогдашнего Первомая. Сразу после праздника состоялась сессия Верховного Совета СССР, принявшая ряд важных законов и постановлений. Предпринимались первые шаги по хозяйственному преобразованию, направленные прежде всего на улучшение жизни народа.

Увы, история не раз доказывала, что от благих пожеланий до воплощения их в жизнь дистанция немалого размера. Поменьше бы тогда легковесных и необдуманных решений, мыльных пузырей, пустозвонства, бахвальства и шапкозакидательства, побольше бы спокойного и трезвого дела, глядишь, и не пришлось бы барахтаться в трясине безвременья, специфично названного впоследствии периодом застоя. Хрущев сумел пробить брешь в глухой стене отчуждения, воздвигнутой между авторитарно-командной системой и народом, но, будучи сам продуктом сталинской эпохи, до конца Сталина изжить в себе так и не смог.

... И снова Первомай, и снова плещется половодье нарядной людской реки. Сегодня мы вышли на улицы с революционной решимостью переделать жизнь, наше самоочищение должно быть слито с высочайшей организованностью, стойкостью, дисциплиной. Мы понимаем свой долг — трудиться разумно, с полной отдачей, что называется, засучив рукава...

И снова на трибуне Мавзолея те, которых демонстранты, вступающие на площадь, видят вначале, и те, которых видят уже потом. Вряд ли позавидуешь им, взвалившим на свои плечи гигантскую тяжесть ответственности за судьбы нашей великой страны. Но мы верим в их разум и преданность делу, верим, что гласность, демократизация и здравый смысл — прямой путь к оздоровлению нашего общества. Пора еще больше приблизиться к людям... Еще ближе... Еще!..

ПО СЛЕДАМ ПУБЛИКАЦИИ «ОГОНЬКА»

АКЦИЯ-2

Это было письмо, которого в редакции не ждали.

«...Вы опубликовали судебный очерк «Акция» в защиту моего мужа, незаконно осужденного Краснодарским краевым судом. Мужу легче не стало, зато хуже стало мне. Теперь началась «акция» и против меня. Уехал заезжий корреспондент, покритиковал в журнале нашего директора Музалевского и тем самым только подлил масла в огонь — с еще большим рвением Б. Музалевский, уволив меня незаконно, выселяет из совхозного дома на улицу вместе с двумя малолетними детьми. Получилась гласность во вред. О действенности «Огонька» я уже не говорю — зло торжествует, Закон попирается. Уж лучше бы не приезжал тот корреспондент».

ГОРОДИЦКАЯ В. Т.
п. Пригородный Краснодарского края.

Заезжим корреспондентом был я. Но на этот раз, придерживаясь принципа «Не навреди» и учитывая сложность ситуации, редакция обратилась за помощью в Прокуратуру Союза ССР, которая для большей объективности решила устроить совместную проверку на месте при участии главного юрисконсульта юротдела Госагропрома РСФСР Н. А. Михайлова.

37 (!) проверяющих побывало в совхозе за один лишь год. Проверяющие так и не пришли к единому мнению. Я был 38-м. Только поэтому зам. начальника управления общего надзора Е. Л. Широков поручил проверку прокурору управления В. П. Виноградову, имевшему ранее огромный опыт практической работы в Калининской области. Ему-то и предстояло разрубить «гордиев узел», туго завязанный 37 проверяющими, изучив для начала предысторию увольнения. А она такова.

Три года назад незаконно арестовали мужа Городицкой — директора совхоза, вытянувшего отсталое хозяйство в передовые. Был суд, и его без всяких на то оснований приговорили к 12 годам за взятки и надуманные следствием хищения (судебный очерк «Акция», № 50 за 1988 г.). Но В. Т. Городицкая, будучи уверенной в невиновности мужа, написала за три года 475 писем в различные инстанции. Бюрократическая стена оставалась непробиваемой, пока кассационная жалоба краснодарского адвоката Н. И. Ковалева не была внимательно прочитана в Верховном суде РСФСР. В результате на обвинительный приговор был принесен протест. (После чего, кстати, директора и освободили прямо из зала суда.)

Предстоял второй, долгожданный, суд над передовым директором. Решалась судьба ее мужа — отца двух малолетних детей. По этой причине взяла она отпуск за свой счет и с крошечным ребенком на руках отправилась на процесс. Отпуск был оформлен директорским приказом. И вот незадолго до вынесения приговора Музалевский отменяет свой первый приказ, и у Городицкой получается два дня прогула. Причину «прогулов» директор посчитал неуважительной и уволил ее по 254-й статье КЗоТ.

«Никаких документов о необходимости ее присутствия на суде над мужем Городицкая не представила...» — указывает в приказе «принципиальный» чиновник. Но какие, интересно, документы можно было предъявить на сей счет? Может, справку о том, что значил для Городицкой горячо любимый ею супруг?.. Ведь единственное, что требовалось тогда от директора Музалевского и парторга Нашивочникова, так это элементарное человеческое сострадание.

Именно этим чувством и руководствовался прокурор Краснодарского края Б. И. Рыбников, принесший протест на незаконное увольнение. Вступился за Валентину Тихоновну и председатель крайагропрома Е. Я. Назаров, отменивший незаконный приказ и восстановивший ее в должности зав. детсадом. Казалось бы, конец мучениям. Валентине Тихоновне оставалось приступить к работе. Но не тут-то было. Подогреваемый личными амбициями, Музалевский игнорирует и протест, и предписание прокурора края, и приказы крайагропрома; самовольно не допускает ее к работе, одновременно ставя вопрос о выселении Валентины Тихоновны из совхозной квартиры на улицу с двумя детьми. Дело доходит до Госагропрома РСФСР, где увольнение также посчитали незаконным, а причину уважительной. Но взвившийся администратор продолжал попирать Закон.

— Почему не выполняете приказы, не допускаете к работе?..— все, как один, задавали этот вопрос члены нашей комиссии.

Но молчит «принципиальный» администратор, отважившийся на поединок с женщиной. Хотя попытка уволить жену бывшего директора Г. М. Городицкого не была первой. Предпринималась таковая и когда Музалевский еще был в ранге и. о. директора — в момент, когда муж Валентины Тихоновны был под следствием. Причем события тогда развивались в традициях плохого детектива: некто Икс пишет от имени Городицкой следующее заявление: **«Прошу уволить меня из совхоза по собственному желанию. Квартиру освобождаю до 1 августа»;** некто Икс-2 за нее расписывается, переправляя заявление Музалевскому. И администратор, подмахнув сей подложный документ, передает его в отдел кадров... Увольнение, к счастью, не состоялось, но улика с подписью нынешнего директора хранится сейчас в редакционном сейфе и в любой момент может быть официально представлена прокуратуре.

Так сколько же стоили директорские амбиции государству? Этим вопросом и задалась наша (надеюсь, последняя) комиссия. Имеются в виду госсредства, безвозвратно потраченные на билеты, командировочные и прочее. Подсчитали. Вышло, что личные амбиции заупрямившегося директора обошлись в сумму около 3000 рублей. Кто вернет их государству? И кто заплатит Городицкой за год вынужденного прогула? То же государство?

«Гордиев узел» в конце концов разрубает прокурор союзной Прокуратуры В. П. Виноградов. Тут же на месте по его настоянию Городицкой выдают новую трудовую книжку, «очищенную» от порочащей записи. Одновременно, согласно своим полномочиям, прокурор приходит к выводу, что **«в действиях Музалевского содержатся признаки преступления».** В итоге в этом же постановлении прокурор пишет: **«Возбудить уголовное дело в отношении директора совхоза «Челбасский» Музалевского Бориса Петровича».**

Итак, по письмам в Прокуратуру СССР и «Огонек» возбуждено уголовное дело. Следствие поручено проводить Краснодарской прокуратуре. **По поручению Генерального прокурора СССР А. Я. Сухарева контроль за следствием установлен Главным следственным управлением.** По окончании расследования, помимо вопроса об уголовной ответственности, будет решен вопрос о том, кто все-таки оплатит администраторский каприз: сам директор или то же государство, нередко оплачивающее чужие грехи?..

М. КОРЧАГИН

ОТ РЕДАКЦИИ. Когда верстался номер, в редакцию пришел ответ из Прокуратуры РСФСР, в котором говорится, что после опубликования судебного очерка «Акция» уголовное дело на Городицкого было внимательно изучено. В результате прокурором республики в Верховный суд РСФСР был принесен протест на приговор Краснодарского краевого суда. В протесте ставится вопрос о полной реабилитации бывшего директора совхоза Городицкого Г. М. Слово за высшим судом республики.

ПАЛИТРА

В МИРЕ ДЕТСКИХ СНОВ

Прекрасные принцессы и добрые великаны, летающие деревянные корабли и золотой гусь, смешные гномы и злой дракон — вот мир, который создает художник детской книги Ольга Кондакова. Герои ее картинок кажутся пришедшими из детских снов, в которых каждая девочка мечтает стать счастливой Золушкой, а каждый мальчик — бесстрашным рыцарем.

Ольга Кондакова проиллюстрировала более тридцати книг, но своими главными работами она считает «Про матушку тыкву и ее замечательное семейство» Н. Надеждиной, сборник сказок братьев Гримм «Золотой гусь» и совсем недавно вышедшую книгу русских сказок «Серебряное блюдечко и наливное яблочко».

Не всякому художнику удается сразу осуществить свои мечты и замыслы. Вот и Ольге вначале пришлось быть художником-оформителем стихотворных сборников, рекламных буклетов, журналов, хотя ей всегда хотелось работать над сказками...

И наконец ей была доверена книга «Про матушку тыкву и ее замечательное семейство». Ольга отнеслась к этой небольшой работе с огромной серьезностью: занималась в музеях биологии, изучала историю костюма разных стран. В том, что книга на протяжении десяти лет постоянно переиздается, и не только в нашей стране, но и в Испании, Франции, Японии, есть и немалая заслуга автора иллюстраций.

В детской иллюстрации существует два главных направления. Последователи первого считают, что иллюстрация независима от литературного текста и то, что создается художником,— произведение самостоятельное, демонстрирующее мастерство и стиль самого художника. А иллюстраторы, к которым я отнесла бы и Ольгу Кондакову, считают, что автору рисунков все же не следует забывать, что его работа прежде всего должна помогать маленькому читателю лучше понять текст, а потому стремятся максимально раскрыть сказочные образы.

Ольга Кондакова много занимается живописью, потому и в ее иллюстрациях заметна широкая цвето-

ДЕРЕВЯННЫЙ ОРЕЛ. 1984—1986.

О. К. КОНДАКОВА. Род. 1946.

вая палитра, жизнерадостная, притягательная. Художник не чуждается детального изображения сказочных интерьеров и пейзажей, одежды героев,— все рассматриваешь с увлечением.

Своеобразные триптихи созданы Кондаковой к сборнику «Серебряное блюдечко и наливное яблочко». В этих листах ясно читаются традиции русского фольклорного творчества, улавливается созвучие с творческим наследием Нестерова, Рябушкина, Петрова-Водкина...

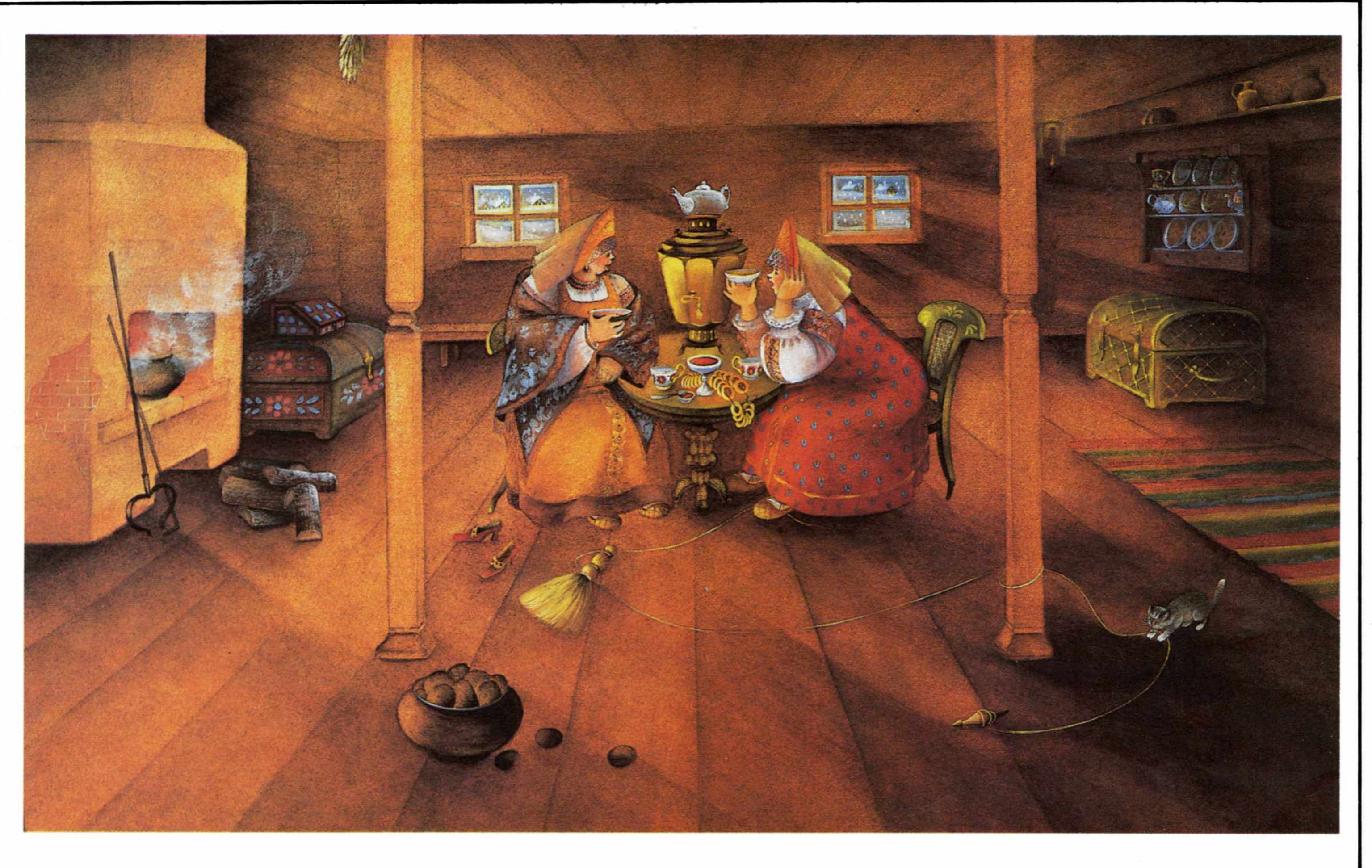
На недавней международной книжной выставке-ярмарке творчество Ольги Кондаковой довольно широко было представлено в разделе издательства «Детская литература». Постояв рядом со стендами, я увидела, с каким интересом рассматривали ее книги не только дети, но и взрослые. На выставке работами Кондаковой заинтересовались и представители зарубежных издательств. Последовало также несколько приглашений выехать и с персональной выставкой, но это — дело будущего. Сейчас на рабочем столе художницы можно увидеть листы, на которых рождаются герои сказок Андерсена...

Ирина ТИТОВА

СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДЕЧКО И НАЛИВНОЕ ЯБЛОЧКО 1984—1986.

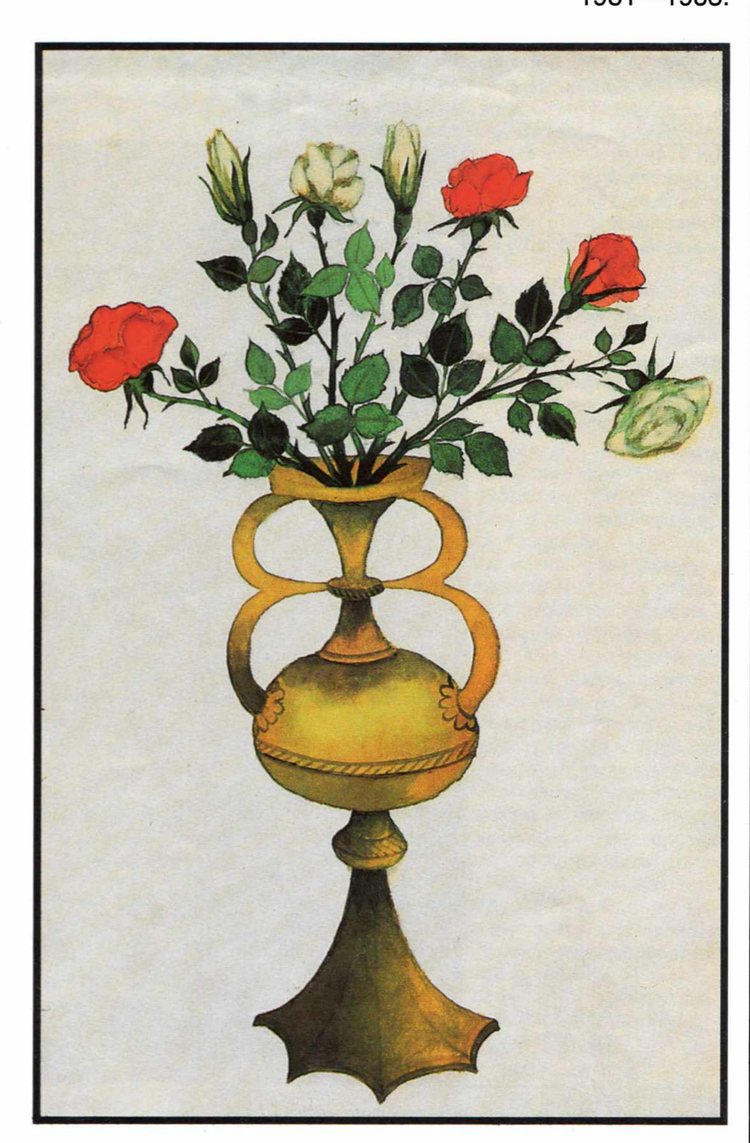
СЕРЕБРЯНОЕ
БЛЮДЕЧКО
И НАЛИВНОЕ
ЯБЛОЧКО.
1984—1986.

МОРОЗКО. 1984—1986.

КОНЦОВКА ИЗ СБОРНИКА СКАЗОК
БРАТЬЕВ ГРИММ «ЗОЛОТОЙ ГУСЬ».
1981—1983.

С особым чувством щемящей печали выбираю стихи из пожелтевших сборничков русских поэтов, никогда до этого не печатавшихся на родине. Однажды в Нью-Йорке, на приеме в доме Татьяны Либерман (бывшей любви Маяковского — Тани Яковлевой) я вдруг вздрогнул от взгляда, направленного на меня. Взгляд исходил из голубых, не то чтобы холодных, но прохладных глаз изучающего меня немолодого человека, прислонившегося с коктейлем в руках к косяку дверей. Мне почему-то стало несколько не по себе.— Романов,— представился человек, протянув мягкую несильную руку.— Вы случайно не из тех? — шутливо спросил я.

— Из тех, и не случайно... — ответил он.

Этот потомок дома Романовых родился уже на чужбине. Политикой он никогда не занимался и несколько лет назад побывал в Ленинграде как американский турист.

— Скажите, у вас не было чувства в Зимнем дворце, что это все — отобранное у вас лично? — несколько невежливо спросил я.

— Я об этом не думал... — ответил потомок последней русской царской династии.— Меня потрясло, что впервые я оказался в стране, где все говорят по-русски...

Трагедия представляемых мной поэтов была в том, что, уехав в эмиграцию совсем молодыми, они практически забыли, что это такое, когда вокруг тебя все говорят по-русски — на том языке, на котором ты пишешь стихи.

Однако этот язык они старались сберечь и, конечно, надеялись, что когда-нибудь хотя бы одна строчка вернется на Родину.

Много поклонников в эмиграции было у Вл. Смоленского (1901—1961), в ранней юности после белой армии эмигрировавшего в Париж. Георгий Раевский (1897—1963) — брат известного поэта эмиграции Н. Оцупа. Их отец был придворным фотографом в Санкт-Петербурге. Принадлежал к парижской литературной группе «Перекресток». Юрий Терапиано (1892—1980) в 1925 году в Париже стал председателем Союза молодых поэтов. Интересна его книга воспоминаний «Встречи» о Бальмонте, Ходасевиче и др. Лидия Червинская (1907—1985) эмигрировала в 1922-м. Первый сборник «Приближение» вышел в 1934 г. О Е. Рубисовой ничего не удалось узнать, о С. Прейгель — тоже. Полного справочника эмигрантских писателей не существует.

Николай Туроверов (р. 1899 — ?) — из донских казаков. Воевал, участник первой мировой войны, гражданской и второй мировой (сражался в Иностранном легионе в Африке). Затем работал банковским служащим в Париже. Устроитель выставок «1812 год», «Суворов», «Казаки». Вячеслав Лебедев (1896—1969) — быть может, самый значительный из поэтов «Русской Праги». При жизни выпустил только одну книгу стихов «Звездный крен» (1929) и в конце 30-х — книгу поэтических переводов с чешского. Стихи продолжал писать до конца жизни, пытался напечататься в СССР — в «Огоньке». Ему ответили отрицательной рецензией (в конце 50-х). Оставленный после него архив огромен (более тридцати подготовленных к печати поэтических сборников). Хранится в Праге.

Владимир СМОЛЕНСКИЙ

* * *

Кричи не кричи — нет ответа,
Не увидишь — гляди не гляди,
Но все же ты близко, ты где-то
У самого сердца в груди.
Россия, мы в вечном свиданьи,
Одним мы усильем живем,
Твое ледяное дыханье
В тяжелом дыханье моем.
Меж нами подвалы и стены,
И годы, и слезы, и дым,
Но вечно, не зная измены,
В глаза мы друг другу глядим.
Россия, как страшно, как нежно,
В каком неземном забытьи
Глядят в этот мрак безнадежный
Небесные очи твои.

●

Георгий РАЕВСКИЙ

* * *

Ты думаешь: в твое жилище
Судьба клюкой не постучит?..
И что тебе до этой нищей,
Что там, на улице, стоит!
Но грозной круговой порукой
Мы связаны, и не дано
Одним томиться смертной мукой,
Другим пить радости вино.
Мы — те, кто падает и стонет,
И те, чье нынче торжество;
Мы — тот корабль, который тонет,
И тот, что потопил его.

●

Юрий ТЕРАПИАНО

* * *

Отплывающие корабли,
Уносящиеся поезда,
Остающиеся вдали,
Покидаемые навсегда!
Знак прощанья — белый платок,
Замирающий взмах руки,
Шум колес, последний свисток —
Берега уже далеки.
Не видать совсем берегов;
Отрываясь от них, посмей
Полюбить — если можешь — врагов,
Позабыть — если можешь — друзей.

ЛИСТОПАД

Мне что ж, с Евтушенко кричать
о кубинском притоне,
О Мигуэлях и Кастро, поверивших
в С.С.С.Р.,
Иль на футуристическом
саксофоне
Чертить с Вознесенским параболы
огненных сфер?
А здесь, под ногами,
на солнце лежит, истлевая,
Всего Люксембургского сада,
пронзенная смертью, краса,
И вечная молодость,
бодро по листьям шагая,
Приветствует осень.
Везде голоса, голоса!
С печальной улыбкой я вспомнил
мою Навзикаю,
Тридцатые годы, прекрасный
тогдашний Париж —
И вдруг из тумана сияет лицо,
возникая,—
О, ветер, зачем же ты локон ее
шевелишь?..

* * *

Летом душно, летом жарко,
Летом пуст Париж, а я
Осчастливлен как подарком
Продолженьем бытия.
С мертвыми веду беседу,
Говорю о жизни им,
А весной опять уеду
В милый довоенный Крым.
И опять лучи, сияя,
Утром в окна льются к нам,
Море Черное гуляет,
Припадает к берегам.
И как будто время стало
Занавесочкой такой,
Что легко ее устало
Отвести одной рукой.

●

Лидия ЧЕРВИНСКАЯ

* * *

Жить в трезвости и созерцаньи
В закате праздничного дня,
В холодном отблеске огня.
Зачаровать свои желанья,
Серьезно думать, слушать чутко.
Печальной музыкой рассудка
Заполнить годы пустоты —
Забыть, но не предать мечты.
А память о возможном друге,
Как солнце осени на юге,
Как нежность желтую мимозы,
Воображеньем создавать.
И сохраняя в сердце слезы,
Их никогда не проливать.

●

София ПРЕЙГЕЛЬ

БОЛЬНИЦА

К шуму прислушиваться земному,
Жалкой рукой нащупывать мрак —
В доме страданий все по-иному:
И говорят и стонут не так.
За поворотом осталось, что живо,
Желтый росток до срока зачах...
Близкие входят с улыбкой
фальшивой,
С ужасом в сузившихся зрачках.
Смотрит монашка в сборчатом платье
В междупостельную полутьму.
Было и будет: все без изъятья.
Как умирают в общей палате,
Ты не рассказывай никому!

●

Е. РУБИСОВА

* * *

Смирение — игольное ушко.
А я — верблюд, громадный,
неуклюжий.
Пройти! Пройти! И станет вдруг
легко
И просто все и рай нам, людям,
сужен.
В песчаном море — желтые валы,
Затерян я средь них, корабль
пустыни.
О Боже, дай пройти! Пусть паруса
углы
Исправит Воля Кормчего отныне.
Дай стать как нить и погаси
заботу,
Чтоб провела привратника рука
Меня сквозь триумфальные ворота
Игольного ушка.

●

Николай ТУРОВЕРОВ

* * *

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня:
Я с кормы все время мимо
В своего стрелял коня.
А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Все не веря, все не зная,
Что прощается со мной.
Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою.
Конь все плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.
Мой денщик стрелял не мимо.
Покраснела чуть вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда.
1940

●

Вячеслав ЛЕБЕДЕВ

КРЫМ

На твоем золотом горизонте
Сизым волоком стелется дым.
Свой цветистый, кружащийся зонтик
Подымает над пляжами Крым.

Вспоминаю все реже и реже,
Словно голову кутаю в муть.
Я и сам синевой был изнежен
И хотел, как и ты,— отдохнуть.

...На вершинах — мохнатые тучи.
По долинам — молчанье и сны.
Словно мукою, ствол был искручен
Низкорослой, горбатой сосны,

Что казалась печальной и жалкой
На чужой каменистой спине.
Ты жила свою жизнь приживалкой
И такую ж пророчишь и мне!

Гулкий ветер свистит с
Приднепровья,
Дикий голос — не наш и не ваш.
Разъяренной, соленой любовью
Заливает твой берег Сиваш.

Все дороги и длинны, и ровны.
Все дороги приводят на юг.
Мы ни в чем пред тобой не виновны,
Но ни в чем у нас нет и заслуг!

●

В. Ропшин (БОРИС САВИНКОВ), 1879—1925. Лидер левых эсеров, участвовал в убийстве Плеве. Автор двух повестей — «Конь бледный», «Конь вороной». Был комиссаром Временного правительства при Ставке Верховного Главнокомандующего, потом товарищем военного министра. Эмигрировал. Нелегально вернувшись в 1924 году, покончил с собой в 1925-м во внутренней тюрьме Лубянки.

Единственная книга стихов вышла в Париже в 1931 году тиражом 100 экземпляров. Крайне противоречивая, нестандартная личность. В стихах сентиментален, как любой террорист.

В. РОПШИН (Борис Савинков)

Гильотина
Острый нож?
Ну так что ж?
Не боюсь я гильотины,
Я смеюсь над палачом,
Над его стальным ножом.
Гильотина — жизнь моя,
Каждый день казнят меня...
Каждый день два господина
В старомодных сюртуках
У меня сидят в гостях.
А потом за дверь выводят,
Крепко за руки берут
И под острый нож кладут.
В этом жизнь моя проходит...
И на казнь, как в балаган,
В воскресенье люди ходят.
Гильотина?
Острый нож?
Ну так что ж?
Я сейчас допью стакан...
Пусть на казнь меня выводят.

ЗНАЕШЬ, КАК ТЕБЯ ЖДАЛИ...

Фото Виталия ЗАПОРОЖЧЕНКО

Нина ЧУГУНОВА,

«Нашего Олежку его мама, моя сестра, воспитывала одна. Он учился хорошо, по улицам не бегал, все читал, читал... В доме было много книжек, всегда раскрытых, читаемых разом, и кораблей. Сестра день и ночь работала, а он один. Я, бывало, приду: везде опять раскрытые книги, я соберу, сложу в стопку, чтоб подразнить его, и сестра потом ему скажет как бы невзначай, да вот тетя Валя решила книги посдавать, видно, тебе они не нужны, всюду валяются! Он был парень прямой, а в школе нельзя было все прямо говорить. Вот его и выгнали из класса, а в Афганистан его отправили с третьего или с четвертого курса мореходки... А потом ему осталось уже четыре месяца дослужить в Баграме... как мы за него переживали, сестра ему стихами письма писала, она не надеялась его нераненым встретить, все работала, работала, все отпуска копила, чтоб, когда Олежка вернется, начать его лечить, по врачам возить, не верила, смотрела трезво, а потом, когда осталось ему служить четыре месяца, она ушла в море, была в Голландии с кораблем, а мне и позвонили на работу. Я подумала: что-то с ней! Мне говорят: приезжайте. Я спросила: что-то с сестрой? «Приезжайте. Это по поводу вашего племянника».

Поняла я сразу.

А потом сестру встречали, она вышла из самолета, не зная, зачем ее с рейса вызвали, ко мне: Валя, я тебе верю, где Олежка? А я правду не смогла сказать и смолчать не смогла.

— Дома,— сказала я, но одна женщина заплакала...

Потом к ней, к сестре, домой пришли официально, хорошо, был и военком, выразил соболезнование и вручил ей полиэтиленовый пакетик, где была фотография девушки, с которой Олежка переписывался, незнакомой ему еще девушки, и были берет и тельняшка...

Похоронили мы Олежку и не находим себе места, ездим, ездим на кладбище, и видно, что никто больше к Олежке не ходит, на Маймаксанском он лежит, обидно, обидно. Господи, думаю, где бы еще ребят афганцев найти? Вдруг приезжаю — березка на могилке!

Я позвонила в райком комсомола и спросила, кто посадил деревце, не вы ли? А парень спрашивает: что такое, не ругать ли будете? Что вы, говорю я ему, я благодарность выразить. Так мы познакомились с этим Костей, он и сказал мне про клуб афганцев, и я стала к ним ходить просто так. Приду и сижу. Приду и сижу. Они сначала были очень одиноки, это теперь они друг друга знают, а сначала они друг друга искали, и так они переживали, так за все переживали, я все видела. И я им однажды говорю: дайте я вам все бумажки ваши пособираю, помогу, приведу в порядок.

Я очень рада, что они у меня есть. Но однажды в клуб пришли два новых парня, и они стали смотреть газету... Там фотографии погибших ребят и, конечно, Олежка. Один вдруг сказал: а вот этого парня я знаю, я его из боя выносил, я помню, я его знаю! Говорит, что будто бы даже то помнит, что у Олежки одна нога была в кроссовке, а другая необута, так и нес. Я бросилась к нему и, видно, испугала. Я сумела рассказать ему, что я Юдина Олега тетя... Но он испугался мне что-то рассказывать, не стал. Может, вы бы помогли».

28 июня 1984 года афганец Александр Лететко и друг его, Петр, сошли с поезда в родном городе Архангельске. Они мечтали вернуться и на перроне распить бутылку шампанского, и они ее с Петрухой распили, жалея, что их мало на перроне. А батя встречал поезда уже неделю, но в этот день замешкался, поехал в обход, застрял, и так они с Петрухой пошли домой пешком, а батя, не поспев к поезду, звонит, чтобы встречали, как-то узнав, что были на перроне двое афганцев, узнав, что ли, по рассказу этому своего сына.

Саша Лететко, подходя к дому, увидел окна и что шторы ходят ходуном, и сердце его тоже пошло ходуном.

Когда выпили, посидели, когда уже хорошо посидели, пошли друг друга провожать. Шли с подругами. Увидели, что у «Пингвина» начала шара собираться, один из той шары стоит и кирпичом дубасит по автомату с газированной водой, деньги вынимает. Лететко подошел к нему и спросил: а если из твоей головы кирпичом начать вытрясать, то деньги посыплются? Не послушался. Пришлось повторить.

Но все-таки тому пришлось врезать, и тот «ушел». Толпа замерла. Тот опомнился и спросил: ты откуда? «Оттуда-то,— сказал Лететко.— Ты объясни и орлам своим, что мы отдыхаем». Пошли и дошли уж до арки в проходе между «Радиотоварами» и кафе, как вдруг свистят. Оглянулись: толпа бежит. Ну, сняли ремни. Подбегают: мы не все отношения выяснили. Жена друга Андрюхи — в слезы. Ну, двое ушли в арку, один вскоре выходит. Как говорится, цирк ушел, клоуны остались. Они кричат: а ты с какой улицы?

— Ребята,— ласково сказал им Лететко.— Это раньше я бегал улица на улицу. А теперь я ваших слов не понимаю. Это мой город. Я в него сегодня вернулся.

На второе августа, теперь традиционный день сбора афганцев по всей стране, собрались в двенадцать дня. Ну, то-се. Почтили минутой молчания ребят погибших. Потом пошли в ресторан. Когда ехали из ресторана на трамвае, то на остановке «Площадь Терехина» вдруг в трамвай залетает милиция, пришлось с ними немного потыркаться, а кто вышел победителем, ясно кто — органы, хотя они «немножко не тем способом нас пободали», как выразился Лететко. (Я-то думаю, что милиция просто начала, как на танцах, дубасить.)

На второй год — опять драка второго августа. Опять ресторан. На этот раз конфликт не с милицией, а с командой боксеров, которым афганцы чем-то не понравились, и боксеры решили проверить на них свои навыки. Проверили. Кажется, победителей не было.

Третий год. Опять все собираются, уже человек семьдесят — восемьдесят. К тому дню уже поняли, что надо копить отгулы, по-всякому второе августа освобождать. Святой день. Решили ехать на Кегостров. Закупились хорошо. Проблем закупиться не было: все с орденами, идут к очереди — очередь расступается. Мужики, потому что понимают: ребятам все равно надо взять, лучше пусть они сразу возьмут свои ящики и уйдут, чем они будут восемьдесят человек стоять по паре бутылок каждый брать. Зашли — вышли, порядок и почет!

На Кегострове встречал участковый. Порядок. Лететко сказал всем, чтоб вещи, снятые с себя, положили, как в армии, в ряд. Чтоб, когда напьются, не было проблем, где свое, где чужое. Расстелили на бережке парашют. Местные жители принесли ухи. Стаканов было куплено много. Нормально, да? Но тут ползет местная мафия, тащит с парашюта восемь сухого, Лететко сначала своих сдерживал, но все-таки пришлось побить эту мафию. Мафия, побитая, теперь ждала поодаль окончания праздника, потом как жест уважения предложила назад перевезти на своих катерах.

На следующий год опять собрались, опять поехали на Кегостров, и все обошлось нормально.

И каждый год говорили друг другу одно и то же! Давайте чаще собираться, давайте чаще собираться! И после не виделись год, и снова второго августа души нараспашку и чуть не слезы на глазах — давайте чаще собираться!

А Петька Караванов, друг, уехал в Москву.

Главное: уехал друг, с которым вышли на перрон тогда...

Итак, первые два года пили и дрались, потом два года совсем обходилось без драк. На четвертый год все фотографировались, опять под восклицания: давайте чаще встречаться!

Тогда и решили: объединимся. Чего, как — еще не знали. Главное было не пропасть вот так, живя от второго августа до второго августа, а там, что с тобой, никто и не знает. Сначала собирались человек десять, шли в кафе, разговаривали, думали: что-то надо делать? От этих встреч пошел по городу разговор: воины собираются, и Октябрьский райком комсомола города предложил им комнату в детском клубе. Стали встречаться в комнатенке. Но клуба еще не было.

И только 17 октября 1987 года собрались официально, в ДК моряков, в присутствии секретаря горкома комсомола. После этого собрания уже действовали последовательно: провели анкетирование среди воинов-интернационалистов города. Демонстрация была на носу, и надо было посадить березки на могилах, надо было доставать материю на транспаранты.

Эта материя на лозунги должна быть

отмечена в истории патриотического клуба «Долг» города Архангельска особо как первый факт, когда пришлось что-то выбивать, доставать... С тех пор не было дней спокойных, свободных от необходимости что-то выбивать и доставать, и не было вещи, самой мелочи, чтобы афганцам принесли и дали: берите — все добывали, выбивали... Так что, взлетев на трибуну областного пленума комсомола, Лелетко, весь в камуфе, сказал на весь зал, опершись на трибунку:

— Я не привык выступать! Я привык выбивать!

И это он сказал, когда клубу уже исполнился год!

Вечером достойно пошли на совместное мероприятие в кафе. В этот вечер афганец Коля Еремеев подсел за столик к девушке и, не мешкая, сообщил о себе сразу: не пью, не курю. Девушка Еремееву очень понравилась, он танцевал с ней, потом пошел провожать, а наутро пришел по запомнившемуся адресу с цветами и стал носить цветы и встречаться с девушкой, которую звали Лена, а фамилию она потом взяла Колину, конечно.

Стали собирать списки погибших, решив установить мемориальные доски на зданиях школ, где учились эти ребята. Деньги для этого решили заработать сами, и Коля Еремеев нашел школу-интернат, где можно было подрядиться отремонтировать актовый зал. Директор просила: к Новому году. Об оплате она высказалась так: не обидим.

Побелили стены, покрасили сцену, зашпаклевали оконные рамы, елку поставили... Коля пошел к директору. Она: ребятки, а с оплатой подождите, мне тем и тем надо сначала заплатить. На открытии зала она сказала: дорогие дети, этот зал является безвозмездным даром вам со стороны воинов-интернационалистов! И еще что-то она говорила, благодарила... В общем, никто не против того, чтоб бесплатно поработать. Сколько субботник стоил перед седьмым ноября, после которого могилки на кладбищах, где ребята лежат, приводили в порядок?

Только не по-человечески получилось: деньги-то не себе.

Деньги на мемориальные доски пришлось просить у школ.

В одной школе, где на доске должны были вечно светиться два имени, ребятам из клуба сказали: эти двое в период обучения в нашей школе были учениками далеко не образцового поведения, так что устанавливать мемориальную доску вряд ли имеет смысл.

Ну что на это надо отвечать! Не врежешь ведь.

Доски повесили 23 февраля, с трудом успев, но все-таки успев.

А в Новый год заказали столики в ресторане «Север», пригласили циркачей из Московского цирка, гастролировавшего в Архангельске, накупили целый мешок сувениров для затей, а Лелетко замучился бегать по ресторану искать молоко и хлеб, необходимые клоунам для их фокусов. Это был очень хороший, нормальный вечер!

Потом поругались с Валентиной Ивановной. Только как это получилось, никто не понял — Тункин Юра в разговоре нечаянно сказал: «Да чем ваш Олежек лучше всех остальных погибших». О чем шел разговор? О досках или о том, что надо всех ребят, поразбросанных по разным кладбищам, собрать под одним памятником, собрать недалеко от центра или даже в центре, чтобы на века... И Тункин без злой мысли высказался, а Валентина Ивановна заплакала, а Тункина отчитали, и Тункин, по своей привычке сердиться и уходить, рассердился и было пошел прочь, и тогда Лелетко пришлось применять надежный способ вернуть Тункина. Всякий раз он громко, как в театре, говорит:

— Юра, вернись, я все прощу!

И Юра возвращается. А Валентина Ивановна их простила и поняла, как поняла бы мать.

Уходить никому нельзя. Это каждый чувствует.

А заплакала Валентина Ивановна после визита в горисполком...

...Саша Лелетко был, как обычно, в клубе. Он пошел к телефону. Назад он ворвался, потрясая кулаками:

— Сын! Сын!

Это был первый малыш в клубе. Потом родилась девочка. Стали ждать прибавления в семействе Еремеевых. В клубе образовался женсовет во главе с Валентиной Ивановной.

(Нет, все-таки из клуба один человек ушел навсегда. И его не удерживали, хотя его жалели. Был рок-концерт во Дворце спорта, и афганцы на нем дежурили. Того, кто потом ушел, они увидели таким: в майке, музыкой возбужден, весь в мыле, курит. Ему выговорили в том смысле, что ты же сюда за порядком следить пришел, а сам, как они. Парень обиделся и больше не появлялся.

Честно говоря, я не знаю, кто прав. Хотя я верю афганцам. Значит, нельзя в майке. Значит, по их выходит, что афганцем человек остается на всю оставшуюся жизнь. Тяжело. Ну, что ж.)

Вечер памяти Олега Юдина, племянника Валентины Ивановны, прошел в клубе моряков. Там официально посмертно Олегу был вручен орден Красной Звезды.

Олегов орден обмывали, пили водку из пиалы, которая, кажется, шла по кругу. Никто не знал Олежку. Те двое зашли потом...

В Ленинграде достали двенадцатиструнную гитару.

Без конца занимались двумя, пожалуй, главными делами: первое дело — добиться перезахоронения ребят и поставить им памятник; второе — найти себе настоящий уголок. И то, и другое продвигалось медленно, спотыкаясь о препятствия.

В обкоме комсомола афганцами и их проблемами занимается Евгений Ухин. Это его была идея бороться за дополнительные льготы для афганцев в Архангельской области. Добились, в частности, льгот по детским садикам. Евгений Ухин, человек с двумя образованиями — авиатехника и юриста, говорил мне, а я записывала:

— Когда начинали заниматься перезахоронением, мы пошли в горисполком, там нам вдруг сказали, что есть запрещение санэпидстанции насчет этого, в чем я засомневался просто как юрист, я не мог себе представить такого запрещения. Оказалось, его и не было. В действительности требуется разрешение только прокуратуры, разумеется, и согласие родственников. Сначала не все родители согласились. Остальные согласились, увидев проект памятника. Мы сели на машину, стали ездить искать место. Кладбище на Вологодской было самым подходящим, но именно в нем нам отказывали. Нам предлагали и за городом или где-то на Павла Усова, в страшном, болотистом месте...

Тем временем уже подготавливались проекты (и эта история богата подробностями: однажды, например, на обсуждение проектов, вполне официальное, официальные лица не собрались, а иные прислали вместо себя подчиненных) — один из проектов напоминал мечеть, другой виделся автору «черным тюльпаном»...

Молодой секретарь горкома партии по идеологии, молодой человек и молодой секретарь, Александр Альбертович Вешняков, которого, кстати, афганцы вовсе не числят среди тех, кто сопротивляется решению их проблем, откровенно сказал мне:

— Они смогли переубедить меня... Знаете, внутренне я,— в конце концов я вырос на партийной работе и многие недостатки ее впитал,— внутренне я как бы был уверен, что на них можно... ну не нажать! Нет, но можно добиться их согласия. Я считал, что перезахоронения, в общем, не нужно, достаточно памятника. Честно говоря, это проще! Им такой вариант представлялся возмутительной имитацией, фикцией, в конце концов даже обманом. Я слушал их. Я согласился с ними.

Секретарь горкома и человек новый. Выступая по телевидению — речь шла о всех захватившей тревожной проблеме строительства атомной станции в непосредственной близости от города,— секретарь сказал: «Считайте меня сомневающимся. Мнения своего я еще не выработал».

Я спросила: есть ли у афганцев, нет, не враги, а руководящие люди, которые втайне желали бы, чтобы афганцев с их проблемами не было?

— Я не назову вам фамилии,— сказал секретарь,— но должен сказать: да, конечно.

(Последнее, что было решено к тому времени, когда я была в командировке в Архангельске, это: мемориал все-таки будет стоять на Вологодской, конкурс проектов продолжается, о деньгах на строительство мемориала город просит не беспокоиться — будут.)

Клуб проводит свои заседания трижды в неделю на первом этаже жилого дома. В комнате шкафы, стол, за которым сидит Лелетко, и стол, за которым помещаются все. Телефон звонит, Лелетко берет трубку и расплывается в улыбке. Послушав, он спрашивает:

— Понял, но хоть курица в доме есть?

Разговор происходит перед праздниками или перед выходными.

— Понял,— говорит широко улыбающийся Александр Лелетко,— ну, а деньги-то у нас есть?

Кажется, нет ни курицы, ни денег, но все присутствующие улыбаются. Ивану полгода. Семья Лелетко живет на краю города, в бараке. Саша работает в угрозыске. Иногда после суточного дежурства сразу идет в клуб. Девушкам в обкоме комсомола он очень нравится. Им нравится, что такой суровый и мужественный.

Жены у всех замечательные подруги. Наверное, без их терпения, без их помощи и верности, без их присутствия клуб не дождался бы первой своей круглой даты — годовщины.

— Боевые подруги,— сказала о них Валентина Ивановна.— Но ведь и ребята хорошие. Например, от них не услышишь бранного слова, даже невзначай, а как сегодня кругом матерятся — на улицах!

Добрая, милая, честнейшая Валентина Ивановна однажды услышала в свой адрес от одного руководящего лица:

— А вы вообще здесь кто? Вы ведь не мать погибшего воина, так что мнение ваше мы не обязаны учитывать!

(Ну, а здесь что сказать? Кому врежешь? Кому?)

Валентина Ивановна ходит к родителям погибших ребят, уточняя адреса и имена. Она ведет всю документацию клуба. Она и жива благодаря клубу. Она не мать погибшего воина Олега Юдина, она ему тетя Валя.

Зато она — «мать клуба»! Это уже звание.

Клуб «выбивает» положенные афганцам льготы, хлопочет о снабжении семей погибших продуктами, составляет списки остро нуждающихся в таких дефицитных товарах, как швейные машинки, стиральные машины. Но главным остается память погибших товарищей и их единство. Единство оставшихся в живых. Единство вернувшихся.

У меня в блокноте записаны чьи-то слова: «Я прочитал объявление в газете и пришел. Меня к ним толкнула совесть».

Еще. «После службы в армии у меня усилилось раздражение. Может, это Афган? Но я не хотел чувствовать себя одиноким». Самые тяжелые размышления: «Нам твердили, что мы летим охранять наши южные рубежи, а вышло что? Когда у нас на работе стали собирать деньги на мемориал, я услышал: это к чему? Боюсь неприязни. Сначала я злился на прессу. Потом стал понимать кое-что. И я бы не смог теперь один...»

На одном заседании Саша Лелетко, просматривая почту, читает, как и все письма в адрес «Долга», вслух:

— Прошу помочь моей подруге. Она была медсестрой в Афганистане. Вернулась отчужденная, одинокая. Ей кажется, что к ней плохо относятся. Она твердит: ненавижу эту сытую молодежь. Прошу вас также, будьте деликатны, найдите правдоподобный повод обратиться к ней, поскольку она не знает о моем письме...

Действительно, пресса здесь ни при чем. И фраза, кажется, Коли Еремеева: «Зачем в прошлом копаться? Пусть Афган останется для всех святым временем»,— не подсказывает выхода.

— Мне нравится их нетерпимость, их социальная активность, их готовность, желание действовать,— говорил Женя Ухин.

А Лелетко сказал, помните? «Это мой город, и вот я в него вернулся». Он сказал так, как сказали бы все.

И я отвечу ему за нас за всех:

— Знаешь, как мы тебя ждали!

И ждем остальных. Всех, кто смог вернуться, дошел до родных окон, где шторы ходят ходуном.

P.S. Но знаете, на том комсомольском пленуме, где выступал Лелетко, сильно волнуясь, одна женщина спала в кресле. Ее по телевизору крупно показывали. Валентина Ивановна так и всплеснула руками, сидя перед телевизором.

ПОСЛЕСЛОВИЕ: КАК МЫ ЧИТАЕМ «ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ» В ПРЕССЕ

Я встретилась с этими ребятами почти случайно — тема командировки лишь косвенно касалась «афганцев». Потом приехала снова. Меня поразила их искренняя готовность рассказывать о самом начале: возвратившиеся из «Афгана», они не были готовы к объединению, только смутно понимали, что им разлучаться нельзя... Мы говорили о том, как важно рассказать всем, кто еще только возвращается, едва вернулся, едва переступил родной порог, об этом — о необходимости пережить собственную разобщенность и растерянность, пересилить одиночество... Важно, по-моему, и прямо сказать: парень, ты можешь перепутать «неодиночество» в веселой компании своих мужиков с настоящим братством, которое приходит только в общем деле. Именно сегодня это важно.

Мои заметки я отправила ребятам, чтобы избежать мелких ошибок. Они поправили текст: в одном месте надо было «водка», а было «спирт». И еще подобные мелочи. Один парень попросил убрать эпизод, где он рассказывает, как его отец в восьмом классе бил. Убрала.

Но далее следовали... указания, в каком «направлении» мне следует «переработать данную статью». Перечислены пункты: 1) О трудностях создания клуба. 2) Проблемы, объединяющие людей в клубе: а) объединение прошедших через Афганистан, б) организация на базе клуба патриотически направленного культурного центра города, в) работа с подростками, взаимодействие с коллективами школ...

Это хороший план отчета по-комсомольски. Но я написала о другом! Когда же, кем, надолго ли было утверждено в сознании хороших людей, будто положительные публикации в прессе должны быть исполнены по заказу, вкусу их героев? (Лелетко позвонил мне и сказал: «Народ может неправильно понять». Вот вам ответ, когда и кем.)

Я пытаюсь отстоять право своего взгляда на хорошее.

В сентябре 1926 года к причалу Ленинградского порта подошел пароход из Гамбурга. По трапу на берег с чемоданчиком книг и нот спустился 24-летний политэмигрант из Болгарии.

ДИМИТР ГАЧЕВ В ПИСЬМАХ И ДОКУМЕНТАХ

Октябрьская революция привлекла в Советский Союз многих коммунистов из разных стран мира. Среди них был и соратник Георгия Димитрова — Д. И. Гачев (1902—1946). В Москве он учился в консерватории, затем — в Институте красной профессуры, где, кстати, сблизился с А. В. Луначарским.

Д. И. Гачев — автор книги «Эстетические взгляды Дидро», статей «Вагнер и Фейербах», «Музыка в звуковом кино», «Декарт и эстетика», исследований о Стендале, Бетховене, Гейне, Франсе и др. Его работы — на стыке философии, музыки и литературы — до сих пор не потеряли своей научной значимости. В 30-е годы он работал в Гослитиздате — заведовал сектором западной классики. 23 февраля 1938 года он был принят в Союз писателей, а на следующий день арестован и обвинен в контрреволюционной троцкистской деятельности. Восьмилетний срок он отбывал на Колыме, где за несколько месяцев до освобождения ему «накрутили» еще один — на этот раз уже 10 лет. В начале 1946 года Д. И. Гачев умер. Существует несколько версий его кончины...

В 50—80-е годы его реабилитировали по обоим «делам», восстановили в партии и в Союзе писателей. В СССР и в Болгарии прошли вечера, посвященные памяти Д. И. Гачева. Создан документальный фильм о нем. Переизданы многие его статьи и книга о Дидро. Написаны мемуары. В частности, инженер Николай Яблин, болгарин, так озаглавил свои воспоминания о нем: «Незабываемые встречи: София, Париж, Москва, Колыма». Именно этими вехами обозначен жизненный путь Димитра Гачева из Брацигово.

Из писем Д. И. Гачева к родным в Болгарию

15.I.1926. Берлин. «...Сейчас мой вопрос окончательно разрешился! На днях прибыл из Москвы один из высоких товарищей и сказал, что моя стипендия уже разрешена... Это прекрасно, не правда ли? ...Жить двумя великими идеями: коммунизмом и музыкой и с энтузиазмом и любовью работать на их ниве — это для меня очень большое, даже невероятно большое счастье».

7.IX.1926. Париж. «Дорогие мои! Это — факт. Через несколько дней буду в пути. В субботу скорый поезд понесет меня к Идеалу. Я счастлив, бесконечно счастлив».

10.X.1926. Москва. «...Пять дней уже, как я здесь, в Москве, центре нового послевоенного СССР. Радость моя велика, неописуема. Провести несколько лет здесь, где кипит бурная жизнь и где создается новая, демократическая культура,— это больше чем счастье для меня. Остается и вам радоваться вместе со мной. Кончено уже с нищетой и всякими бессмысленными занятиями. С этого месяца начинаю учение в консерватории.

...Художественная жизнь — первая в своем роде. Ни в одной из многих европейских столиц, которые я посетил, я не видел того, что нашел и увидел здесь. Поистине здесь выковывается новая жизнь человечества».

«В Московскую Государственную Консерваторию.

Товарищ Гачев, политэмигрант из Болгарии, принят в Консерваторию в качестве слушателя. Однако ему не было предоставлено места в общежитии Консерватории из-за недостатка постельных принадлежностей. Принимая во внимание, что тов. Гачев, будучи эмигрантом, не имеет возможности устроиться где-либо в другом месте в жилищном отношении, кроме общежития Консерватории, и не в состоянии на собственные средства приобрести необходимые ему постельные принадлежности, Представительство Болгарской компартии в Коминтерне просит устроить его при общежитии Консерватории и в виде исключения предоставить ему вышеуказанные вещи.

Представительство БКП убеждено, что Консерватория удовлетворит просьбу Гачева, так как дело касается помощи многообещающему товарищу, на которого партия возлагает большие надежды в будущем, когда он окончит Консерваторию.

11 декабря 1926 г.

За Представительство БКП при И.К.К.И. Г. Димитров».

24.XI.1927. Москва. «...Да, мои дорогие сестры и мама, я живу так, как никогда и даже в своих снах не мечтал. Я двигаюсь в высококвалифицированной музыкальной среде, которая вдохновляется двумя возвышенными идеалами: искусство и коммунизм.

...Последний месяц ознаменовался и еще одним событием в моей жизни. Я встретил мою подругу, о которой я только мог мечтать... Мы прекрасно понимаем и подходим друг другу... Нас более всего связывают Бах, Бетховен, Вагнер, Мусоргский, Скрябин, Коммунизм, Природа».

Семья Гачевых. 1915

3.V.1929. Москва. «...Настоящее письмо несет вам великую радость! 1 мая у нас родился сын, которого мы назвали именем погибшего любимого брата Георгия».

26.VII.1938. Владивосток. «Мои дорогие Мама, Мирочка и Геночка! Вот уже неделя, как я нахожусь во Владивостоке. Отсюда скоро поеду в трудово-исправительный лагерь (вероятно, Колыма), куда я сослан на восемь лет[1] постановлением Особого Совещания НКВД от 14 мая 1938 г. Я остаюсь тем же верным сыном партии, как и раньше, тем же преданным коммунистом, как и раньше, так же верю в партию большевиков, в ЦК, в Сталина, как и раньше, и думаю, что вопрос о моей высылке будет пересмотрен. Я прекрасно сознаю, что меры, принятые партией и правительством в период подготовки новой войны, какой мы теперь переживаем, меры, направленные на изоляцию некоторых иностранных элементов, абсолютно правильны и исторически неизбежны.

Оркестр культбригады Северо-Восточных лагерей. Во втором ряду с флейтой Д. Гачев. 1943.

...Поездка по Транссибирской магистрали была чертовски интересна. Самое замечательное было то, что поезд кружил на протяжении 300 км по берегам величественного Байкала... Пересыльный лагерь находится недалеко от одной живописной бухты Тихого океана, и здесь бывают замечательные закаты солнца».

18.VIII.1938. Колыма (жене). «...И хотя судьба повернулась несколько иначе, я живу с твердой верой, что мне когда-нибудь удастся политически реабилитировать себя. А пока каждая вывезенная мною тачка драгоценной породы камня еще больше укрепляет у меня сознание, что она идет на усиление экономической мощи нашей социалистической родины. И это сознание крепит у меня волю и физические силы в далекой Колыме.

...Моя дорогая подруженька Мирочка, 10 лет мы прожили с тобой дружно, в интенсивной и плодотворной творческой работе на фронте социалистической культуры, куда партия нас послала. Ты для меня была и женой, и самым близким другом и товарищем, и незаменимым помощником в моей творческой работе. Эти десять лет для меня были самыми счастливыми годами моей жизни... Теперь, после случившегося со мной... я, однако, не могу дальше связывать твою судьбу с моей, и совершенно естественно, что ты должна расторгнуть наш брак. Прости меня за те оскорбления и огорчения, которые я тебе наносил. И теперь, как и раньше, твой образ для меня остается чистым, светлым и прекрасным... Прошу только от времени до времени уведомлять меня о твоем здоровье и о здоровье нашего драгоценного сыночка Геночки».

4.XII.1938 (сыну). «...В древние времена, две с половиной тысячи лет тому назад, жил замечательный маленький народ — греки — учитель всего человечества. Идеалом воспитания юношества у древних греков считалось гармоническое сочетание физического и духовного начала у человека. Человек должен быть крепок, здоров, красив и богат духом, существом всесторонне развитым... Так вот, милый сыночек. Твое развитие идет несколько односторонне. Умственно ты шагнул весьма далеко, а физически ты отстал — являешься второгодником... Твое тело, которое отстало, должно догнать твою душу... А для этого тебе нужно ЕЖЕДНЕВНО теперь, зимой, кататься на коньках и лыжах. Парк-то рядом, а там такой замечательный каток...»

12.IV.1939. Прииск «Разведчик» (жене). «Прошла благополучно первая свирепая колымская зима. Морозы достигали до 60°. Когда-то я не мог себе представить, что такое 50—60—70 градусов мороза, и вот пришлось испытать, и весьма чувствительно...».

14.VI.1939. «Верховному Прокурору СССР от Гачева Д. И., бывшего члена К. П. Болгарии с 1921—1926, ВКП(б) с 1926—1938, находящегося в заключении в СВИТЛАГЕ НКВД Бухта Нагаево.

Постановлением Особого Совещания НКВД от 14 мая 1938 г. я осужден на 8 лет заключения в исправительно-трудовых лагерях за «контрреволюционную троцкистскую деятельность». Арестован был я 24 февраля 1938 г. С первого дня следствия мне было предъявлено обвинение «подозрение в шпионаже». После провала этого обвинения — «контррев. деятельность» вообще. Ни к одному из этих обвинений следствием не были предъявлены никакие факты и доказательства, т. к. их не было и не могло быть.

...В марте 1934 г. я находился на лечении в санатории для Московского партактива (станция Голицыно). В санаторий приехал Пенджерков, болгарский революционер, недавно прибывший в СССР из Болгарии. Он принес завернутые во французской газете продукты. Французского языка он не знал и не понимал. Жил он тогда в одном номере гостиницы «Пассаж» вместе с покойным революционером Кабовым, недавно до этого приехавшим из Франции в СССР лечиться от туберкулеза, полученного им в итоге десятилетнего томления в фашистских тюрьмах в Болгарии. На столе у последнего находилась куча французских газет, и Пенджерков, отправляясь в санаторий, взял первую попавшуюся, ничего не подозревая, что там статья Троцкого. Увидя французскую газету, я, естественно, познакомился с ней. Эти же дни в нашей палате, где жили и два старых коммуниста, зашел разговор о фашистском перерождении троцкизма, и я сослался как на пример на антисоветскую статью Троцкого.

Вот и вся «история» моей «контррevол. троцк. деятельности». К сожалению, работники, ведущие мое следствие (фамилии их я не помню), вместо того, чтобы реабилитировать меня, применили ко мне столь недопустимые методы ведения следствия, что я считаю невозможным о них говорить подробно здесь. В итоге, доведенный до тяжелого физического и морального состояния, я был вынужден, с целью прекратить эту трепку, пойти на недостойный советского гражданина поступок — подписать клевету на себя. В подписанном мною протоколе фигурировало уже не случайное мое знакомство с одной из французских газет, а преднамеренное получение мною «троцкистской газеты». Отсюда как вывод — «факт» нелегального распространения к.р.-троцк. литературы. Мой случайный разговор в палате... превратился уже... в «пропаганду контрреволюц. троц. идей»...

Гражданин прокурор, я невиновен. Прошу пересмотреть мое дело и возвратить меня на вольную трудовую жизнь.

Мой адрес: Д. Гачев, Бухта Нагаево, город Оротукан, Прииск «Разведчик».

15.VIII.1939 (жене). «Дорогой мой дружок!.. Здесь, на Колыме, я имею много времени думать о «великих творческих эпохах» прошлого, об искусстве древних греков, о Ренессансе, о Шекспире, о классической немецкой философии и, наконец, о нашем любимейшем из искусств — о музыке. Не имея возможности слушать большую классическую музыку, я непрерывно ее напеваю или насвистываю. Я и здесь остался таким же неутомимым свистуном, как и на воле, и, по-видимому, таким же я останусь до самой моей смерти».

30.VIII.1939 (жене). «...Горький когда-то и где-то говорил: «Если у тебя в голове заведутся вши, это, правда, неприятно, но если в ней зародятся мысли — как будешь жить?» (цитирую на память, за точность не ручаюсь). И вот мысли, творческие мысли меня терзают уже полтора года беспрерывно... Но довольно морочить тебе голову мечтами и планами о творчестве. «Голодной курице просо снится»,— говорит старая поговорка. И неужели недолго мне будет сниться это просо, неужели я «враг народа» и должен пропадать в далекой и холодной Колыме? Нет, я не «враг народа», а коммунист, который благодаря какому-то страшному и до сих пор не объяснимому мне стечению обстоятельств арестован и осужден на 8 лет заключения в дальних лагерях. Я верю в разум и справедливость партии, и ошибка со мной (и не только со мной) должна быть исправлена соответствующими органами.

В тюрьме я впал в тяжелую физическую и моральную депрессию и подписал на себя клевету. Пусть тт. Димитров и Коларов, мои друзья — ты, Георгий, Дима, не вините меня за это! Я не железный человек, а просто человек, отсюда и слабость, допущенная мною в тюрьме. Ленин умел прощать Некрасову, когда в его лире зазвучали иные, фальшивые звуки. О, я не Некрасов, но моя «лира» в тюрьме фальшиво (и я бы сказал — трагически) забренчала. Собственно говоря, я в этом невиновен, а скорее винить здесь конкретную обстановку, в которую я попал. Поэтому я считаю, что имею право просить — т. Димитрова и Коларова и у вас менее строгого отношения ко мне. Во имя той, хотя бы небольшой пользы, которую я еще могу принести в строительстве советской и болгарской культуры,— сделайте все от вас зависящее и освободите меня!»

19.VIII.1940. «Разведчик» (жене). «На днях исполнилось два года моего лагерного существования и начался третий. Юбилей не из радостных, но ничего не поделаешь. Тем не менее в смысле здоровья — итог весьма положительный: физическая работа горняка почти совершенно излечила мои головные боли и ненормальности в работе желудка. Во-вторых, северная жестокая зима значительно закалила мой организм. К ней я уже был подготовлен моими альпинистскими занятиями на протяжении ряда лет. Мои хождения по Кавказу пошли в пользу. О другом, духовном росте можно и не говорить: я застыл на одном месте. Вернее, я потерял многое из того, что раньше знал хорошо или плохо,— память значительно ослабела. Вся моя духовная жизнь за два года состояла в прочтении нескольких книг классиков и советской литературы, отдельных номеров «Огонька», изредка устарелые газеты, и все. Последние месяцы я с трудом достал учебник английского языка Кобленца (у которого когда-то занимался) и здесь его скоро прошел.

...По прочтении твоего июньского письма я долго не мог уснуть... То, что Коминтерн дал положительный отзыв обо мне в Прокуратуру Союза и Миша (М. Б. Храпченко, тогда председатель Комитета по делам искусств.— **Г. Г.**) обещал содействовать,— может сыграть решающую роль в моем освобождении. Но, по правде говоря, я на этот счет не делаю себе никаких иллюзий и терпеливо готовлюсь к третьей колымской зиме. Именно: дело в очередности и сроке. А пока нужно ждать и ждать. Правда, я часто прочитываю про себя замечательные стихи Байрона — Лермонтова:

Пусть будет песнь моя дика.
Как мой венец, мне тяжелы веселья звуки.

Я слез хочу, певец,
Иль разорвется грудь от муки.

(Цитирует «Еврейскую мелодию» с искажениями, но важно: что удержала и как трансформировала стих память зека.— **Г. Г.**)

Часто также напеваю тот же романс Глинки «Сомнение» (который ты со слезами на глазах наигрываешь на рояле), особенно последний, заключительный мотив: «Я плачу, рыдаю». Но все же стараюсь превозмочь эти звуки и направить свою мысль на другое направление — по направлению мечтаний. Я как и был, так и остался мечтателем. Мечтателем я, по-видимому, и умру. Об этом можно написать целую лирическую повесть. Но теперь не место об этом болтать».

29.XII.1940—12.I.1941 (жене). «... Я уже, по-видимому, изрядно надоел со своей навязчивой идеей (все — о замысле романа «Борис Огнев».— **Г. Г.**), но ты меня прости. Видишь, я выдумал себе какой-то иллюзорный мир, с ним я сжился в моих мыслях и фантазиях, и иногда мне кажется во сне и наяву, что вот то, о чем я мечтаю, оно и есть в действительности. Но это всего короткие мгновения, которые исчезают, а затем еще ярче выступает настоящая действительность. Иногда мне кажется, что я не учился 22 года, не окончил два высших учебных заведения, не готовился к культурно-просветительной деятельности, никогда не знал счастья борьбы, труда, настоящего творческого труда, ничего не читал, не писал, ничего не видал, ничего не слыхал, не знал ни Толстого, ни Рембрандта, ни Бетховена и Чайковского, что я не глотал жадно европейскую гуманистическую культуру — там, на Западе, и у нас, в СССР, не изучал иностранные языки. Все это, может быть, и было когда-нибудь, но в отдаленном прошлом, которое уже забыто, воспоминания о нем стерты, стерта также острота былых впечатлений и переживаний. И не это как будто было основное в моей жизни, а нечто иное, а именно: лопата и тачка, топор и пила, что я с ними сжился или, вернее, поженился с давних пор, с юности, и стал уже профессионалом в этой области».

17.II.1941. «... Мое дело разбирается долго, очень долго. По-видимому, его скоро и не разрешат. Мысленно я настраиваюсь сидеть и сидеть. Я уже достаточно закалился переносить суровую колымскую зиму. Я работаю на открытых работах — на заготовке и перевозке леса и дров. Работал на морозе до 66 гр. по десяти часов, и видишь — даже не простудился. О головных болях я забыл почти. Но то, что я основательно попортил,— это сердце. Два с половиной года как я, за исключением непродолжительного времени, работаю на тяжелых работах. На них я испортил свой «пламенный мотор». ...К тому еще у меня началась цинга.

Когда-то я думал или надеялся спасать свое здоровье, участвуя в художественной самодеятельности своим ин-

[1] На 8 лет с правом переписки — это еще по тем временам гуманно. Оттого и есть у нас 41 колымское письмо. Однако, читая их, надо держать в уме, что они писались с оглядкой на лагерную цензуру. Иногда встречаются неточности в русском языке (болгаризмы). Я их не выправлял, так как стертые обороты ими освежаются.— **Г. Г.**

струментом. Но здесь искусством мало интересуются, и с мая прошлого года совсем оно у нас прекратилось.

...О художественном творчестве я больше не думаю. По-видимому, я был когда-то охвачен каким-то бредом сумасшедшего. Этот бред прошел, и я этим доволен».

25.VIII.1943 (жене). «...Теперь грандиозная война, которая охватила весь советский народ и на фронте, и в тылу... Твое сообщение о вероятной гибели нашего лучшего друга Георгия (Караджова, соученика Д. Гачева еще по гимназии «Иван Аксаков», затем работника Коминтерна: он пошел добровольцем в ополчение.— **Г. Г.**) меня потрясло. Солдатом революции был он, солдатом революции отдал жизнь».

10.XI.1943 (жене). «...Несколько слов о нашем художественном коллективе (флейта, которую мы ему послали, шла полтора года, две навигации, и наконец прибыла. Д. Гачева включили в Оротуканскую культбригаду, и условия его жизни улучшились.— **Г. Г.**). По своему характеру это эстрадный музыкально-драматический коллектив в лучшем смысле этого слова. В нем драматическая группа из четырех актеров, один певец (из Ленинградского Малого оперного театра — баритон), два плясуна, один виртуоз-балалаечник и оркестр в составе: 3 скрипки, кларнет (саксофон), флейта, цугтромбон, две трубы, два баяна, туба, контрабас (домра), две гитары, альт-балалайка и ударник — всего 16 человек. В наших программах преобладает классическая музыка, советские песни и обычно по одному номеру западноевропейской танцевальной музыки.

...По мере сил и возможности я стараюсь вести свою самостоятельную духовную жизнь, и, общаясь с «оракулами веков», я чувствую, что интеллектуально все еще существую».

10.V.1944. Нексикан (жене). «... Нексикан находится недалеко от морозного полюса земного шара, который больше уже не Верхоянск, а на стыке восточной Якутии и Колымы. Приехали мы сюда в январе, и тогда вплоть до конца февраля держались страшные морозы между 50 и 60°. В такое время по земле стелется густой туман, и днем можно различать предметы не дальше чем до ста метров. В течение целого месяца мы не имели никакого представления об окрестной природе, и только в конце февраля на пару дней несколько потеплело, туман поднялся, и перед нами несколько расширился горизонт. Теперь весна. В долинах и ущельях снег растаял, остался он лишь на сопках. Природа здесь очень живописная и для художников и вообще для поэтических натур является источником радости и эстетического наслаждения. Правда, здесь, на Колыме, многие потеряли элементарное чувство прекрасного, но оно у меня крепко живет и будет жить до последнего вздоха».

22.X.1944. Нексикан (сыну). «...Тот факт, что ты являешься одним из первых учеников школы, может быть, особенно щекочет твое самолюбие и делает тебя тщеславным. О, милый сын мой, знай, что подобное самолюбие и тщеславие — суета сует и всяческая суета, как говорил когда-то мудрый царь Соломон... Интеллектуальное благородство культуры предполагает и благородство характера. Простота, естественность, вдумчивость, сосредоточенность, доброта — вот к чему нужно стремиться...»

5.VII.1945 (жене). «...Что касается сердца, то здесь дело обстоит простонапросто плохо. Это не сердце, а какая-то руина... Я перманентно чувствую на левой стороне грудной клетки, что у меня там какое-то гнилое место, комок, который болезненно сжимается. А еще Декарт в свое время говорил, что если ты ощущаешь работу данного органа твоего тела, значит, он нездоров... А в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо — как поется в известной песенке...

Что касается головных болей — они совершенно исчезли — вот уже седьмой год. Но зато у меня сильно пошатнулась память — это уже плохо. Но мне, может быть, не придется больше базироваться на работе головного мозга и на самой нежной его оболочке, в которой сосредоточены, как говорят физиологи, мыслительные способности человека, так что катастрофическая потеря памяти не большая беда. Остается одно вегетативное существование — и то хорошо.

По внешнему виду я совсем состарился. Правда, на голове нет еще ни одной седины, но вот уже несколько лет, как меня по-простонародному окликают «батя», «отец»...

Наконец, с осени прошлого года я живу одной лишь мыслью, мыслью о моей Болгарии, которая вновь благодаря доблестной Красной Армии зажила свободно.

Я мечтаю о той широкой литературной, просветительской и публицистической деятельности, которую я мог бы развернуть там, и эта мысль, которая не покидает меня никогда, часто гонит мой сон, и утром встаю, не сомкнув ни на минуту глаза. К тому же теперешние белые ночи очень благоприятствуют этому».

10.VIII.1945. Нексикан (жене) «... Сегодняшнее твое письмо меня так обрадовало, что я, читая его, несколько раз прослёзывался. Последнее время при больших эмоциях я стал часто прослёзываться (не плакать, а именно прослёзываться). Не стал ли я слишком сентиментальный? Не признак ли это наступающей старости, хотя душой (не сердцем, конечно) я еще молод. Ну ладно, без лирики, к делу.

Мои заявления посланы наркомам в мае и июне с ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ характеристикой от местных организаций... Твое последнее письмо проникнуто такой бодростью и оптимизмом, что сам начинаю верить, что, возможно, меня реабилитируют. Я смотрю на это как на величайший акт моей жизни, как на событие, от которого я начну новую, богатую, плодотворную и творческую жизнь... Прошу передать Василию Петровичу (Коларову.— **Г. Г.**), что доверие, которое он и Георгий Михайлович (Димитров. — **Г. Г.**) оказывают мне, постараюсь оправдать в максимальной степени. За семь лет колымской жизни я не растерялся и не потерял себя. Мои письма — тому доказательство... Так что я мог бы броситься в дальнее плавание в любой момент, была бы только воля.

С осени прошлого года я живу в каком-то вечно возбужденном состоянии. Мысленно я живу только там, вместе с тобой, с моим лучшим другом, на переустройстве и строительстве новой Болгарии. Какие светлые перспективы, какие широчайшие поля деятельности, творческого труда, созидания!.. Я опять разболтался. Пожалуй, об этом лучше не мечтать. Если придет счастье, пускай приходит внезапно».

Из воспоминаний В. К.

«...Дмитрий Иванович уже готовился к освобождению: даже не готовил программу к 7 ноября. И срок его выходил уже в феврале 46-го. И вдруг ночью в барак культбригады входят конвоиры и уводят несколько человек, и среди них Гачева. Устроен был процесс. Культбригаду разогнали. То ли разговоры какие там подслушивали — люди же интеллигентные собрались в культбригаде и возбуждали зависть. Слух дошел, что на суде на Гачева орали: «Тебя прочат в болгарские Луначарские? Так этому не бывать! А за тачку не хочешь?..» И влепили ему еще 10 лет — на рудники иль на строительство дороги...»

20 марта 1946, пос. Нексикан. «Здравствуйте, Мира! Простите, что мы не знаем друг друга и я называю Вас — Мира, но Ваше имя врезалось мне в память еще с 1940 года — момента встречи на прииске «Разведчик», где я встретился с Дмитрием и разговорился с ним на его родном языке, где мы с ним работали пару лет, затем он уехал на Хету, а затем на Золотистый и оттуда уже попал в центральную агитбригаду Оротукан, и уже артистом Митя приезжал к нам на прииски, и я с ним встречался, как с близким человеком. Затем волею судеб Митя с агитбригадой переехал в Нексикан, где у него с Вами была регулярная переписка до известного времени, а затем вдруг оборвалась по неизвестным Вам причинам, и, сколько Вы ни писали, все кануло в вечность, и, сколько бы Вы ни писали, молчание. Многоуважаемая Мира! Тяжело и больно будет мне раскрыть Вам доподлинную правду — то, что я вчера узнал от одного артиста, ошеломило меня, как обухом по голове...

Дорогого Вам мужа и отца Дмитрия Ивановича НЕ СТАЛО. С работы (даты я не могу назвать — так эта весть меня ошеломила, что я не помню, что он мне дальше говорил) привели Митю, и он, болея сердцем, умер.

Сделайте запрос по адресу: Адыгалах Хабаровского края — Дорлаг — начальнику Дорлага т. Иванову... Или Кардычкину.

Адреса Вам своего не даю, если буду жив и здоров и закончу срок — постараюсь лично увидеть Вас. Хочу увидеть сына и рассказать многое.

Миша».

Из воспоминаний Николая Иосифовича Тохнира (г. Иркутск).

«Дмитрий Иванович меня образовывать старался: о литературе, философии, жизни рассказывал. Я жаловался ему, что память слабеет. У всех там — от работы и недоедания. Д. И. настоял, чтобы я стал «Евгения Онегина» учить наизусть (соседу эту книгу прислали), и я выучил и долго помнил... Пытался меня французскому учить...

Дмитрий Иванович очень дружил с профессором Иоффе. Когда нас перегоняли 15 тысяч человек зимой с одного прииска на другой, за 40 км, главное было — не отстать, иначе били плетьми (на лошадях был конвой); так этот Иоффе вышел из рядов и по голому полю пошел по снегу вбок. Ему кричали: «Вернись!» А он шел. И конвой его расстрелял. На саморасстрел пошел человек. Но таких смертников я мало видел. Еще Ковтюх был, которого Серафимович в «Железном потоке» как Кожуха описал. Мне показали его на пересылке под Владивостоком. Он лежал, отказывался есть, ни с кем не разговаривал, гордый такой: видно, перестал хотеть жить...

Для меня Сталин казался непричастен к этим делам, что с нами творилось. Но Д. И. понимал, что все это не без высшей руки делалось.

...Отморозил я раз ногу (три пальца у меня потом отрезали) и в санчасть ходил просить освобождения. Долго не давали. Однажды подхожу и вижу в окно: печку железную санитар разжег и посадил вокруг мертвецов. Люди замерзали насмерть в забоях или на работах дорожных, а чтобы освидетельствовать, кто умер, надо было снять отпечатки пальцев: с мерзлого же тела отпечаток не дается. Вот и размораживал он им руки, чтобы установить личность умершего (фамилии кто там мог точно знать? Перепутывались!) и поставить в формуляры... Или походишь — спотыкаешься, как о дрова. А это руки-ноги мертвых. А вот двоих на салазки связывают: блатной одного ногой опробывает и говорит: «Вот изобретатель паровоза Ф. Д. (Феликс Дзержинский) дубаря врезал...» А блатные не работали особо. Они так говорили: «Вы на воле начальники, там ваше житье, а здесь — наше. Здесь вы поработайте...»

Из воспоминаний М. Ш.

«...Как-то работали мы с ним в ночную смену в открытом золотоносном карьере. Два кайла, две совковые лопаты, огромный санный короб с лямками-упряжками — весь наш нехитрый арсенал... Задача состояла в том, что мы должны были разрыхлить кайлами взорванный и промерзший золотоносный грунт, загрузить им до отказа короб и, впрягшись в него, потащить его на высоченную насыпь... Мороз не менее 55 градусов. Туман. Едва видим друг друга. Стоять, ничего не делая, нельзя... Смерть... Спасение только в работе... Тихонечко, но беспрерывно, в течение четырнадцати часов, как говорил Гачев, научно... Работали молча... Говорили только по надобности... О времени не думали, старались забыть... Как великое счастье воспринимали команду об окончании работы... Мечтали добраться до барака.

И вот в эту ночь, когда наш короб был заполнен до отказа, Гачев подошел ко мне почти вплотную.

— Послушай, Миша! — сказал он мне и вдруг стал напевать мелодию. Это был лейтмотив Второго фортепьянного концерта Рахманинова...

Все это настолько не вязалось с обстановкой, что я попросту обалдел... Я взглянул в его глаза, и мне показались в его зрачках безуминки... И этот «готов», подумал я... А он, закончив пение, сказал:

— Ты только подумай, Миша, как этот истинно русский гений Рахманинов создал творение с таким глубоким пониманием восточного ладотонального строя, а?

— Иди ты к чертовой матери, сволочь! — вырвалось у меня.

— Ты что, ты что? Обалдел совсем? — пробурчал недовольно Гачев.

— Ладно тебе... Потянули... «Рахманинов»...

Когда кто-то нечаянно или нарочно упустил в шурф, наполненный водой, очень нужный инструмент, Гачев первый вызвался его достать... Бригада была в простое и могла пострадать не только материально... Он трижды нырял в шурф при 50-градусном морозе... Достал наконец... А когда одевался у костра, лязгая челюстями, сказал:

— Знаешь, Миша, вода не такая уж холодная...»

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СЕКРЕТАРИАТА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР от 2 октября 1959 г.:

1. Восстановить посмертно в правах члена Союза писателей СССР Дмитрия Ивановича Гачева.

2. Поручить Литфонду СССР выплатить семье покойного писателя Д. И. Гачева зарплату за два месяца, исходя из установленного среднемесячного лимита 3000 (три тысячи) рублей в месяц.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ БОЛГАРСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ВЫПИСКА ИЗ РЕШЕНИЯ № 1027 СЕКРЕТАРИАТА ЦК БКП от 25 декабря 1981 г.

В связи с 80-летием со дня рождения выдающегося болгарского ученого в области эстетики, музыкознания и литературоведения Дмитрия Ивановича Гачева (Димитра Иванова Гачева):

1. Научному объединению по искусствознанию Болгарской академии наук, Союзу болгарских композиторов, Союзу болгарских писателей, Дружеству эстетиков, искусствоведов и литературоведов и Окружному народному совету Пазарджика организовать юбилейное чествование Димитра Гачева в его родном городе Брацигово.

Печати, радио и телевидению — соответствующим образом отразить чествование.

2. Издательству «Наука и искусство» издать избранные произведения Димитра Гачева в двух томах.

3. Болгарскому телевидению подготовить и показать документальный фильм о жизни и научной деятельности Димитра Гачева.

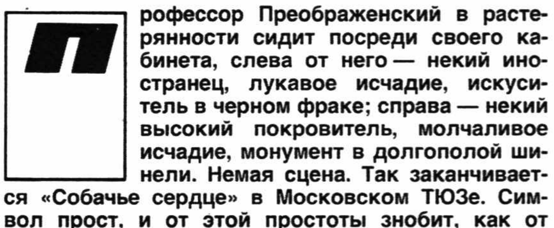
4. В городе Брацигово создать музей Димитра Гачева, а в Брациговском районе назвать его именем подходящее культурное учреждение.

Публикация Георгия ГАЧЕВА.

Бытует мнение, что когда по радио звучит классика,— кто-то умер. Когда все хорошо, классика не нужна.

УРОКИ МУЗЫКИ

Алла БОССАРТ,
Борис КОПИРОВСКИЙ (фото)

Профессор Преображенский в растерянности сидит посреди своего кабинета, слева от него — некий иностранец, лукавое исчадие, искуситель в черном фраке; справа — некий высокий покровитель, молчаливое исчадие, монумент в долгополой шинели. Немая сцена. Так заканчивается «Собачье сердце» в Московском ТЮЗе. Символ прост, и от этой простоты знобит, как от приговора. Роковой выбор русского интеллигента, два пути: за границу или — в лагерную пыль. Третьего не дано. Впрочем, был третий. Перестать быть интеллигентом. Раскаяться. Отречься. Раствориться.

Цвет русского искусства разбредался по Франциям — Швейцариям, которыми принято было мерить наши необъятные просторы; цвет русского искусства спасал — даже не жизнь — душу. Спасал совесть, язык, мысль. В словаре «Лярюс» рядом со словом «интеллигенция» в скобках уточнение: «русская». «Русская интеллигенция» — вещество особое, иных свойств, чем «intellect»,— созвучное, но другой природы. Прежде — дух. Прежде всего совесть. А потому и страдательность. Искупительная трагическая судьба русской интеллигенции впечаталась в гены, она как тавро и отсвет проступает на меченых лбах поколение за поколением.

Триумфальное шествие соцреализма предполагало коллективизм, энтузиазм и радость бытия. Директивное искусство не нуждалось в личной боли, личных идеях, личном поиске, в сомнениях и рефлексии русской интеллигенции. Директивный перст изгнал ее из кумачового рая и вычеркнул из энциклопедий.

Теперь они снова очень нужны нам — Платонов, Булгаков, Филонов, Шагал, Мейерхольд, Шостакович, Пастернак, Тухачевский, Вавилов. Теперь мы как бы вспомнили, что интеллигенция — это зеленая зона нации, без нее нечем дышать. Но, возвращая из забвения, как возвращали из лагерей, мы до сих пор, сурово насупив брови, глядим на нашу эмиграцию. «Хрущев прощает всех!» — ликовали пятидесятые годы. Восьмидесятые «прощают» Любимова, Войновича, Коржавина, Бродского, Неизвестного, того гляди, может, и Ростроповича?

Только вот за что?

Дмитрий Китаенко, помимо того, что он главный дирижер симфонического оркестра Московской государственной филармонии,— один из лидеров советской музыкальной интеллигенции, полемист, ДЕЯТЕЛЬ культуры. Очень характерно, что Дмитрий Георгиевич сам обратился к «Огоньку» с предложением обсудить состояние нашей культуры. Деятель, видимо, тем и отличается от «просто артиста», что в какие-то моменты над творчеством и занятостью у него начинает преобладать синдром, я бы назвала его, «социальной бессонницы».

— Дмитрий Георгиевич, давайте конкретизируем тему: подумаем о наших потерях, потерях-причинах и потерях-следствиях...

— Сейчас только об этом и думаю. Недавно у нас проходили концерты с Димой Ситковецким и Беллой Давидович. Впервые в Советском Союзе выступали наши артисты, живущие в эмиграции. Для всех нас, для музыкантов и для публики, это огромная радость: если Дима уезжал еще юношей, консерваторцем, то Белла Давидович была любимой, популярной исполнительницей. И праздник этот был для меня отравлен. Потому что повсюду я натыкался на дикие афиши: «Дмитрий Ситковецкий, Белла Давидович, Соединенные Штаты Америки». Мы как бы подписали наш разрыв. Мы фиксируем, что они — не наши артисты. Открещиваемся от них. Но это неправда! Я считаю, что все уехавшие — это наши артисты, которые к тому же, получив прекрасную русскую школу, помогли развиться за рубежом многим и многим, они пропагандируют нашу школу и нашу музыку. Свою просветительскую миссию они выполняют гораздо лучше, чем выполняем ее мы, выезжая на гастроли. Для меня репетировать с Димой и Беллой было делом совершенно естественным, вот мы встретились после разлуки и продолжаем работать вместе. Какие еще Соединенные Штаты? Ростропович — всегда — московский артист. Но приглашать его — до недавнего времени — боялись...

— Я никогда не могла понять, какая крамола может содержаться в музыке. Ну, литература, театр, кино — еще вроде бы понятно. Слово конкретно, почти материально. Живопись тоже наглядна: где «наше», где «не наше», где народные Шишкин и Шилов, а где чуждые народу Фальк, Шагал и Малевич — все видят начальники. Но музыка? Какая диверсия в творчестве Шостаковича или Прокофьева? Или теперь — Шнитке? Какая идеологическая опасность содержалась в исполнении Ростроповича?

— Дело в том, что люди, руководящие музыкой, не столько хотели и хотят запретить что-то, не столько не согласны с чем-то по существу, сколько стремятся доказать, что они руководители. Когда в одном музыкальном театре работал бывший начальник тюрьмы, то он своеобразно приглашал артиста в кабинет. «Введите!» — говорил секретарю. Когда высокий чиновник внушает тебе: «Ну зачем вам на гастролях четыре кларнета, ну один не поедет, остальные-то сыграют!» — испытываешь поначалу шок. Как объяснить, что у каждого своя функция? Я нашел аналогию: футбольная команда. И — чудо! — меня стали понимать в кабинетах. Более того, некоторые «невыездные» стали выезжать. Но жить-то так все время невозможно! Если из какой-то сферы человеческой деятельности уходят компетентность, профессионализм, эта сфера не может развиваться. Представьте себе, что некий министр издал такой приказ: с десяти до двух в Третьяковскую галерею ходить нельзя. А еще более рьяный запретил бы с десяти до двух читать Достоевского. Примерно так поступил бывший замминистра культуры Г. А. Иванов, передав Госоркестру СССР Большой зал Консерватории как основную репетиционную базу. Блистательный дирижер, деятель потрясающего размаха Евгений Федорович Светланов со своим замечательным коллективом, наверное, вправе был давно иметь свой дом, где он мог бы и работать, и отдыхать, и экспериментировать, куда он мог бы приглашать людей. Но когда сокровищницу страны, а может быть, и мира называют «базой» и делят между студенческим оркестром Консерватории и Госоркестром СССР, за которыми закреплены определенные часы, то парализуется концертная

жизнь этого зала. Благосклонность к одному коллективу потребовала принести в жертву всю музыкальную жизнь Москвы. И по сей день это катастрофическое положение сохраняется. Благое намерение приобрело уродливые формы из-за полного непонимания, что происходит.

Начальство ходит в Большой театр, потому что он — «главный», потому что это престижно, а сама музыка мало кого интересует. Вся эта мышиная возня с наградами, званиями и запретами никак не связана с понятиями «музыка», «искусство» и вообще «культура русского народа». За что надо ругать Шнитке? Или Денисова? Или Губайдулину? Люди пишут значки. И пытаются через эти значки выразить свою душу. Кому-то нравится, кому-то не нравится. Кто-то понимает, кто-то не понимает. «Этот композитор мне ближе». Как природа. Можно ли руководить природой?

— Еще как!..

— Вот и руководство музыкой — такие же абсурдные попытки, как поворот рек. Как можно математику или физику запретить писать формулы? Если не понимаешь, отойди в сторонку на цыпочках!

— А мне кажется, чиновники всегда ополчались, и сильнее всего именно на музыку. Какая охота шла на «музыку толстых», «музыку-джаст», по выражению Хрущева. Запрещали джаз, запрещали рок, но ведь одновременно запрещали и серьезную симфоническую музыку, ставшую сейчас классикой. Чуковский называет ритмические вопли, которыми дети сопровождают свои игры, «плясовыми и рабочими кричалками». Вот они, плясовые и рабочие кричалки, пользовались всегда неуклонной симпатией администрации... Понятно и безопасно. Безопасно — потому что однозначно понятно?

— Я надеюсь, что когда-нибудь мы откажемся от своего ханжества и признаем, что высокое искусство по определению не может быть понятно всем без исключения, «всему народу». Большинство (толпа или коллектив) — не критерий. Критерием может быть только знаток, специалист, человек, обладающий культурным багажом. Когда мы замахиваемся на эффектные лозунги, манящие своим высоким смыслом, но не обеспеченные правдой, мы промахиваемся. Конечно, искусство принадлежит народу в том смысле, что народу принадлежит все прекрасное, что есть на нашей земле. Но всегда, во все времена художники воспитывали народ, а не наоборот. Хотя всякое искусство, а музыка в особенности, питается из фольклорных источников. Но здесь уже речь не о назидании, а о живой ткани культуры, в которой тем более важен каждый элемент.

— К тому же народ — совсем не то же самое, что население... Стало общим местом, что «мы» дескать, бедные, но духовные, а «они», дескать, богатые, но бездуховные. Что по этому поводу говорят ваши зарубежные впечатления? С чем сталкиваются, скажем, в Америке эмигрирующие из Советского Союза артисты?

— О людях нашей профессии могу сказать точно: большинство себя реализует полностью. В Америке и особенно в Европе сегодня существует повышенное внимание к музыке. Американцы столь же аккуратно ходят на концерты, как к двенадцати часам на церковную службу. Как и церковь, абонементный концерт симфонической музыки необходим для жизнедеятельности организма. Это почти уже гигиеническая потребность. В результате насильственного поначалу втягивания в эту регулярную концертную жизнь родители готовят очередное поколение пробудившихся к искусству, прекрасных воспринимателей музыки. Из людей постарше многие сидят в зале с нотами. После концерта они нередко подходят и спрашивают, почему вы сыграли этот пассаж так, а не так, как исполнитель Н. Это не профессионально образованная публика, а просто знающие любители, они любят не только пластинку как эталон, а ходят в залы сравнивать.

— Высший пилотаж слушателя? Наверное, это элита?

— Это обычная, широкая публика, концертные массы. Если представитель определенного общественного слоя — политик, предприниматель, профессор колледжа — не ходит в концерты, отношение к нему коллег может быть поколеблено. (У нас даже отвечающие за культуру крупные чиновники не всегда могут отличить филармонию от консерватории...) Позиция массовой публики на Западе такова: музыку слушать престижно; музыку слушать полезно; музыку слушать радостно. А какое наслаждение выступать в студенческих городках, когда приходит вся профессура со всеми студентами! Вот после этого и чувствуешь, что не только концерт сыграл, но обменялся со своим слушателем неким драгоценным зарядом энергии, без которого ни ты, ни он существовать не может. Такой зал дает силы жить дальше.

— Так что же, выходит, русский музыкант уезжает из России в Америку не столько даже от начальников, сколько к слушателям, от непонимания и неприятия к приятию и осознанию?

— Конечно, существует целая человеческая партитура в тот момент, когда человек решается уехать. Я знаю семьи, которые боялись за судьбу своих детей, как они будут обучаться музыке, развиваться,— и это явилось той основной мелодией, которая увела семью за рубеж. У некоторых немыслимые условия жизни. Пианист, которому надо, скажем, готовиться к конкурсу, занимается и ночами, а соседи приходят вечером домой и хотят отдохнуть. И они подкарауливают его в подъезде, чтобы избить. И не надо все сваливать на шелест купюр! Страшнее всякой нищеты — приехать на гастроли, где тебя встречают на перроне представители филармонии с отмеченной командировкой и говорят: все. Ты нам не нужен. Вы-то со своим Моцартом, Вивальди, Бахом жили месяцы, готовились... А приглашается эстрада, и конец. И многие музыканты уехали от бессилия,— невозможно, когда твой труд вот так растирается.

То, что у нас не развита культура восприятия высокого искусства, понятно. Серьезная музыка, как и серьезная литература, театр, кино, требует сотворчества, работы аудитории...

— А Шариков всегда любил балаган...

— Вот именно. Потребительская позиция публики, установка на «развлекаловку» — плод многолетнего демонтажа культуры. Мы штамповали концерты-консервы: первое отделение — классика, второе — эстрада, все первоклассное, может идти за границу, как крабы. Мы укладывали наши идеи в спущенные нормативы, на всех собраниях принимали одно и то же решение, голосовали, голосовали, и вот наш стереотип поднятой руки из обычного бытового безразличия превратился в национальное заболевание. Многие думали по-своему, а жить продолжали, как нам указывали. И происходил разрыв внутри личности. Мы не замечали, что надвигается катастрофа. Социальная депрессия. Социальная шизофрения.

Но и сегодня, во время обновления, в наше вдохновенное время мы по-прежнему пользуется тем, что нам оставлено. Качаем и качаем. И ничего не создаем. Мы покупаем лицензию на пепси-колу, а на то, чтоб пригласить серьезный коллектив, артиста, выставку,— у нас нет валюты. Одновременно мы приглашаем эстрадные группы — модные, красивые, делающие колоссальные сборы... И сажаем свою культуру на льдину, баграми отталкиваем ее от материка, и она уплывает и уплывает, а все говорят: ну и плыви, и машут вслед и дуют в паруса.

— На фестивале в Одессе фильм «Воры в законе» получил приз «трех К» — кич, конъюнктура, коммерция. Если посмотреть правде в глаза, этот приз можно вручать в нашей стране очень часто, правда? Выясняется, что мы страдаем именно теми болезнями, которые неустанно приписывали западной культуре. Телевидение, радио, эстрада, да и кино, и театр в основном, так долго держали наш народ в черном теле бессмысленного, хотя и выдержанного идеологически оптимизма, что публика как бы утратила чувство реальности. Страсти вокруг рока принимают совершенно неадекватный характер. Освободившись от одной масскультуры, мы сломя голову бросились вдогонку за другой, а принципы и критерии все те же: обывательский вкус и прибыль. Тысяча безымянных атлетов с гитарами, похоже, вполне заменяют нам одного Ростроповича... А может быть, так и надо? Люди в конце концов хотят в концертных залах отдыхать, расслабляться, уноситься в иной, красивый, яркий мир... И живопись хотят видеть такую, чтобы «глаз отдыхал». И в кино поржать и поплакать от души. И западная публика все это имеет... И кич, и конъюнктуру, и уж, конечно, коммерцию.

— Дело в том, что на Западе и коммерцией, и культурой, и искусством занимаются профессионалы. И как профессионалы они понимают, что без культуры, так же как и без коммерции, процветание нации невозможно. Поэтому вкладывать в истинное выгоднее, чем в туфту. В развитом мире прошли времена гениев с чердака. Америка ничто не ценит так высоко, как профессионализм, мастерство, виртуозность. Армия продюсеров, администраторов, меценатов, организаторов искусства обеспечивает его жизнедеятельность, его авторитет и престиж в обществе. Наше невежество и ханжество изобрели жупел «коммерческого искусства», противопоставив ему «народное». На деле это значило, что искусству, не понятному неким бонзам, перекрывали кислород. Не вижу ничего позорного и безнравственного в том, что Ростропович, Нуреев, Годунов, Макарова, Барышников — богатые люди. Дурно и стыдно то, что артисты в России живут бедно. Мы хотим иметь нормальное вознаграждение за свою работу, денег никто не отменял. Почему нас уравнивают? Почему действуют оклады, установленные Сталиным лично: каждому оркестру, Большому театру и так далее? Появились превосходные коллективы, которые никак не могут вырваться из своей тарифной сетки, приблизиться к ведущим.

Высокое положение человека искусства в обществе говорит о высоком положении искусства, культуры в этом обществе — больше ни о чем. Поэтому в Соединенных Штатах великий советский виолончелист Ростропович стал советником президента по культуре, а у нас он был практически поражен в правах. Музыкант высказал свое мнение о писателе. И что же? Ему не разрешили ставить спектакль, «Летучую мышь» в Оперетте, не дали записать «Тоску» на «Мелодии». В одной из гастрольных поездок он вышел со своей виолончелью на сцену, и вполне приличный гражданин из зала поднялся и крикнул ему: «Уйди!» Ну вот он и ушел. Государство без культуры не может быть правовым. Потому что правовая обеспеченность и полноценность — это тоже выражение культуры как исторического социального опыта. Поэтому неофициальное мнение о Солженицыне стоило Ростроповичу родины.

— А родине — Ростроповича...

— Да. Никто не озаботился, что теряем мы не диссидента, а национальное сокровище.

— Пушкин со свойственной ему гениальностью сформулировал идею о взаимоотношениях культуры и коммерции: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать». Но у нас чаще всего именно рукопись-то и не продашь. В этом я вижу главное трагическое выражение нашего глобального непрофессионализма: при огромных аппаратах творческих союзов, академий, министерств усилия функционеров направлены главным образом на то, чтобы лишить творческого человека (поэта, изобретателя, учителя или артиста, неважно) аудитории. Лишить возможности высказаться. «Непрофессионал» подразумевает любителя. Наших многочисленных начальников я бы называла «антипрофессионалы». Потому что они не только некомпетентны, но и не любят того, чем и кем руководят. И чем профессиональней ходит под ними человек, тем больше его не любят. Чем, по сути, была расправа Союза писателей с Пастернаком, посмевшим воспользоваться своим поэтическим правом «продать рукопись», чем, как не экзекуцией антипрофессионалов над профессионалом? Хотя один хороший поэт сказал по телевизору, что поэзия — это не профессия, а состояние души... Мысль-то понятна, но ведь это — как «критика слева»: сами поэты рассматривают «профессию» как «продажу вдохновения». А ведь мастер всегда был в почете на Руси. Грабеж истребил крестьян, Швондер и Шариков — интеллигенцию... Где же взять ресурсы?

— Ну, ресурсы-то есть. У русской культуры могучие традиции, и они живы, несмотря ни на что. Наша страна — средоточие не только скверны, но и колоссального духа, огромного национального таланта. Но такая страна не имеет права быть изолированной. Все национальные культуры создают единую мировую культуру, ноосферу Земли. Артисты, художники — это сосуды, капилляры, нервы общей культурной плоти. В этом смысле наши поездки, вообще все наши контакты — отнюдь не просто работа или — тем менее — заработок. Этого требует деятельность артистического организма, нервной системы всего искусства. Когда мы замкнуты в своем Золотом кольце или Садовом кольце — но в кольце,— мы обедняем и свою, и мировую культуру. Жизнь людей искусства не предполагает жизнь в клетке. Мы не в зоопарке, чтобы нас демонстрировать, экспортировать, вывозя и увозя обратно. Отчаянный отъезд Кондрашина после того, как ему запретили продлить контракт с Амстердамским оркестром, был криком ко всем нам. Для меня — это первая крупная потеря. Я работал вместе с Кириллом Петровичем, он приглашал меня вторым дирижером. И я имел счастье наблюдать титанический труд **русского** музыканта. Русское искусство, русское наследие было его природой, он весь был устремлен на то, чтобы нести, открывать людям наши богатства, такие, как Четвертая симфония Шостаковича. Конечно, невыносимо трудно было работать этому подвижнику и просветителю в условиях, когда, например, незабываемая Тринадцатая симфония Шостаковича оказывалась под угрозой снятия в день концерта...

Художник может голодать, но изоляции не выносит. А у нас самым главным рычагом управления культурой была именно изоляция: историческая, географическая, нравственная. Мы не знали церковной музыки и современных зарубежных исполнителей, не могли обмениваться идеями, у нас действовал черный список музыкантов, «не рекомендованных к исполнению», мы не могли работать по контракту, выезжать и приглашать... И этот ржавый рычаг продолжает скрипеть, но давить на советскую культуру, держать ее в тисках. Люди оторваны духом от того, чем они руководят, что они должны делать и что видят,— отсюда и происходит безразличие. Оно изначально. Я помню, как рвался выступить у нас — не кто-нибудь, сам Бернстайн! Но Москонцерт сказал: дорого. Если же мы все-таки приглашаем на гастроли, то без всякой гарантии, что будем готовы к визи-

ту и примем. У серьезного артиста все расписано по годам. Он знает, что в 1992 году, 17 апреля, его ждут, и планирует это. А наши концертные начальники могут сказать: «Сегодня у нас другое мероприятие, вы подождите».

Почему спортивные организации могут набирать в свои сборные талантливых спортсменов со всего Союза, и ни жилье, ни прописка проблемой не являются (я, правда, надеюсь, что Юрьев день когда-нибудь наступит, и проклятая эта прописка вообще потеряет свою актуальность, потому что это атавизм, оскорбительная отрыжка крепостничества)... А мы лишены права пригласить музыканта из другого города и предоставить ему при этом нормальные условия для жизни. И варимся в своем соку, подворовывая друг у друга «игроков»... Мы запутались в аббревиатурах: АСО, ГАСО, БСО, ГМСО... Оркестры становятся конторами, предприятиями! Почему мы не дирижируем друг у друга в оркестрах? В Берлинской филармонии, например, где царит Герберт фон Караян, дирижируют и Бернстайн, и Мутти, и Джулини, и советские артисты. Там тоже, наверное, не такие уж идеальные отношения между дирижерами. Но соображения искусства все-таки выше личных амбиций, и никто не боится пригласить к себе сильного руководителя. У нас же княжеский подход во всем. От Древней Руси, что ли, это идет? Все время междоусобицы...

— А что «делят»? Какие основания для этой вражды между оркестрами?

— У меня субъективное мнение. Я считаю, что... звания и награды. Академический — не академический оркестр. Руководитель лауреат — не лауреат. И так далее. Среди музыкантов ажиотаж, а для администрации это — дополнительный рычаг: разделяй и властвуй.

— Тоже форма изоляции? Или сама изоляция извращает отношения?

— Это замкнутый круг. Наши крупные художники, если они лишены контакта с зарубежными коллективами, артистами, с другими эмоциями, взглядами, привыкают со стороны окружающих к заискиванию. Вот что самое страшное. Для меня равноправие даже важнее, чем свобода. Уважение, коллегиальность, все говорят друг другу «ты»... Мне это очень нравится. А у нас сейчас заискивание — **стиль** отношений руководителя и коллектива. Заискивание у человека не очень далекого вызывает манию величия. И он начинает хоронить музыку уже профессионально. Многие из Лысенок живут сегодня в музыке...

Разобщенность — не только дирижеров, всех деятелей культуры, всех творческих союзов — не позволяет сконцентрировать наши силы для оздоровления культуры. Человеческие ресурсы есть, и пока еще немалые. Но этим ресурсам нужна среда обитания, условия. Не для борьбы, а для работы.

— Начинать, видимо, следует с материальной независимости?

— Конечно, мы боимся оторваться от Министерства культуры, потому что у нас нет никаких средств.

— Может быть, многие проблемы музыкальных коллективов способен решить хозрасчет?

— Серьезное искусство везде на дотации своей страны, своего государства. Никакого хозрасчета здесь быть не может. Как Чайковский мог бы жить на своем хозрасчете, если бы не Надежда Филаретовна фон Мекк?

— Ну, на меценатов-то сейчас рассчитывать не приходится...

— И это очень печально. Общение с меценатом — лицом и личностью — носило конкретный характер. Меценат входил во все детали жизни художника, он разбирался в вопросе, он был хозяином своим деньгам и мог их тратить так, как того требовали нужды художника. Сейчас мецената заменил спонсор. Ну, во-первых, слово какое-то жуткое. Оно звучит как «кондор». Но самое главное, что спонсор не имеет лица. Это организация, причем далекая от ваших проблем, нужды «подшефного» ее лично не волнуют. К тому же спонсор сам несвободен в деньгах. Ему нужна санкция на то, чтобы выделить фонды; спонсор и в спорте, и в искусстве — лишь инструмент, механизм в руках все той же администрации, бюрократической власти. При наших условиях так называемое спонсорство — нонсенс. В Америке существует система вложения спонсоров в развитие музыкальной культуры. Но там эти спонсоры следят за жизнью оркестра, принимают участие в составлении программ, оплачивают приглашенных артистов, приобретают инструменты для «своего» коллектива. Это — реальное меценатство, реальная благотворительность. Наша благотворительность, едва начавшись, уже обросла элементами конъюнктуры и какой-то бестолковой азартной игры. Я не вижу конкретных каналов, куда и как идут деньги различных фондов. И никто не видит. Благотворительность подразумевает деловое, организованное, подвижническое направление, а не «вообще». Мы то и дело изобретаем колеса, и они у нас получаются то квадратные, то треугольные, и нас все время трясет. А ведь можно, не открывая ничего нового, взять за образец несколько моделей жизни музыкальных коллективов, хотя бы соцстран: оплата, обеспеченность инструментами, бытовая сторона залов (гараж, ресторан, подъезд)... Сделали бы телемост по филармониям! Тысяча двести оркестров в США и — сорок девять у нас. Да и не полностью укомплектованных.

Положение с музыкальной культурой в стране катастрофическое. Где-то вместо полного симфонического состава зрители должны слушать сорок человек, больше не помещается. В одном театре опера идет под фонограмму... Даже в Москве практически негде выступать, нет, по сути, ни одной удовлетворительной площадки. Большой зал Консерватории подкрасили к конкурсу Чайковского, может, он и дотянет до него с этой косметикой, с этим потемкинским ремонтом, а потом? Наш зал имени Чайковского — ведь тоже не концертный, это театр Мейерхольда. Чиновника пугает слово «дотация»: во что мы вкладываем? Музыка отзвучала, и мы ничего «с этого» не имеем. А между тем и Венская опера, и другие крупнейшие европейские залы и коллективы живут на государственные дотации и копейки, как вы понимаете, не считают. Есть рентабельность экономическая, а есть духовная. Это понимают во всем мире.

— Я не задаю вопроса о сравнительной оплате рядовых музыкантов — «у нас» и «у них». Чтоб лишний раз не дразнить общественность. Но удивительная цифра, которую вы назвали,— сорок девять оркестров на одной шестой части земной суши — заставляет предположить, что у нас есть и безработные музыканты?

— Всё у нас есть...

— ...И «лабая» в ресторанах или в безобразных «чёсовых» концертах по провинциям, каждый из них стремится решить для себя проблему изоляции... Марафон Рихтера тоже был, наверное, частью решения этой проблемы. Но вот насколько эффективна такая просветительская форма?

— Святослав Рихтер совершил, конечно, подвиг, промчав на автомобиле по всей стране с концертами. Мы еще недооцениваем значимости его поездки. Ведь люди за пределами Москвы и Ленинграда практически не слышат музыки. Нет гостиниц. Нет залов. Нет и зрителей... Поэтому так важна была в этой акции фигура именно Рихтера, генералиссимуса в музыке. Он излучает неслыханную энергию, страсть просветительства. Могучий живой источник культуры, он притягивает зрителей. К тому же, когда ехал Святослав Рихтер, ему помогали и партийные, и советские власти, филармонии, реклама, пресса. А поехал бы какой-нибудь молодой лауреат? Нет, при всем своем колоссальном значении, несмотря на весь подвижнический смысл, такой путь музыкального воспитания для тиражирования не годится.

— Так есть ли вообще выход? Кто будет возрождать музыкальную культуру при нашей системе музыкального воспитания? Мы получили письмо студентов фортепианного факультета Московской консерватории. Если бы даже они сами не употребили слово «вредительство», все равно явилась бы мысль, что музыкальная администрация задалась целью уничтожить очередное поколение пианистов. С тройкой по истории КПСС, политэкономии или незачетом по физкультуре талантливые студенты снимаются с отбора на конкурсы. «Многие замечательные ребята так и не смогли сыграть на отборочных прослушиваниях в течение долгих лет...» На факультете преподают педагоги, в чьи классы студентов загоняют силой. Никто не помнит ни одной встречи с Рихтером. Вместо того, чтобы с помощью прославленных исполнителей укреплять школу, «руководство факультета во главе с профессором С. Л. Доренским занято высчитыванием пропусков у студентов по общественно-политическим дисциплинам». Письмо кончается постскриптумом: «Поскольку пианисты находятся в данный момент в феодальной зависимости от декана, просим сделать все возможное, чтобы фамилии подписавшихся не попали в его руки». Трудно поверить, что этот документ родился на четвертом году перестройки. От него ощутимо несет тридцатыми — сороковыми... А ведь это Московская консерватория, культурный оплот, надежда национальной духовности!

— В стране такая ситуация, что молодежи сегодня вообще не дают быть конструктивной силой. Понимаете, молодое поколение напоминает мне щеночка, которого когда-то посадили на цепь и воспитали из него злую собаку, и они, естественно, вправе нас кусать, драть и огрызаться. Это нормальная реакция. Мы сами не научили их созидать.

— Можно перевоспитать и злую собаку. Но для этого ее надо очень любить...

— Вот именно. Для того чтобы стать нашими единомышленниками и сотрудниками, молодые должны поверить нам. Поэтому особая ответственность сегодня — на среднем поколении. Старшее уже не хочет, а скорее, и не может тратить свои силы. Мы же, сорока - пятидесятилетние,— связующее звено между стариками, хранителями печати старой культуры, и молодыми крушителями-негативистами. Мы прошли обновление оттепели, мы успели повидать мир, мы еще **застали.** Вы говорите «выход»? Выход в объединении. Зрелых художников с молодыми. Школы — с культурной жизнью. Деятелей культуры — друг с другом. Оставшихся — с уехавшими.

— Легко сказать...

— Пожалуй. Сейчас у нас слово действительно никак не может перейти в дело. Мы тратим энергию, которая ни на что не идет. Мы действительно не можем пока остановить процесс гниения, который охватил школу вообще, музыкальную школу в частности, и ее ключевые позиции: ЦМШ, Консерваторию, Гнесинку. Блат, формализм, бездуховность...

— О духовности говорить не приходится — не до жиру. Хоть бы знания, хоть бы какой-никакой кругозор! Знакомый восьмиклассник ЦМШ на вопрос, сколько концертов написал Чайковский, отвечает: «Много».

— Студенты жалуются, что Рихтера не приглашают в консерваторию? Я вам скажу больше: ни в одну школу никогда не приглашают никого из ведущих музыкантов. Если встречи с передовиками производства и спортсменами для наших подростков важнее, чем с дирижерами или композиторами, то почему тогда взрослые возмущаются, что молодежь «не тянется» к серьезной музыке? В музее Прадо я видел ватагу пяти-шестилетних ребятишек с экскурсоводом. Поговорили о нескольких картинах, и учительница их увела. Это обычные приготовишки из обычной мадридской школы. Обычное занятие. Ни в Третьяковке, ни в Эрмитаже я ничего подобного не видел. Концерты, выставки, стихи — пусть в гомеопатических дозах, но с младенчества. Ребенок должен расти в этой ауре, только тогда можно будет рассуждать о культуре нации.

Я говорю очевидные вещи. Но в том-то и кошмар, что бьемся мы за то, что давно для всех стало очевидностью.

Осточертело **бороться.** За все. За элементарные человеческие условия. За помещение, за время, за деньги, за отметки на экзамене, за визу, за творчество, за прописку, за афишу, за место в гостинице... Нас заставляют непрерывно ходить по совещаниям, где очень внимательно выслушивают,— и ничего не решают. Это уже превратилось в новую официальную форму деятельности органов, руководящих культурой. Пишут тома бумаг, изнуряют нас, но никто и никогда не проявляет интереса к нашей жизни! Вот мелочь — смотрите, наш буклет. Оркестр Государственной филармонии, главный дирижер Китаенко, а фотография... Кондрашина. Издали, правда. Или вот — я уже седой, а на буклетах лепят мои портреты двадцатилетней давности...

...Именно в пору той давности я увидела Дмитрия Китаенко впервые. Двадцать лет назад, изумительно молодой и лохматый, он стоял за пультом в яме музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко и дирижировал первой постановкой «Кармен» в первой редакции Бизе. Красавица-меццо Эмма Саркисян с фигурой манекенщицы и ярким артистизмом, прозаические синкопы в опере, полный замыслов и надежд юноша, натягивающий узду гениальной музыки... Хрустальным маревом гаснущих люстр окутана пора, когда мы были молодыми. Я несколько раз приезжала беседовать, а потом подписывать интервью к Дмитрию Георгиевичу в его доме на окраине Москвы, кажется, в Измайлово. К дому вела мокрая дорожка, по комнатам бродил грузный и грустный пес. Скрипели половицы и многочисленные лесенки. Масштаб рояля наводил робость. Повсюду валялись простые и затейливые, резные дирижерские палочки из темного и светлого дерева. Одна из них всегда во время разговора была зажата в руке хозяина. Он не был похож на музыканта. Рослый, плечистый, лобастый и сердитый. Мне он казался очень важным, а ему казалось, что все проблемы легко разрешимы.

Мстислав Ростропович был тогда еще в Москве, правда, Иосиф Бродский — уже в ссылке. Теперь они встретились в США. А Дмитрий Китаенко — неизменно — в кабинете зала Чайковского, с медной табличкой на двери.

Он сильно изменился. Вместе с сединой обрел аристократизм и грацию, а в руке во время разговора вместо дирижерской палочки сжимал патрон с валидолом.

— У вас есть надежда? — спросила я на прощание.

— Мы сейчас в состоянии Икаров. Может быть, многие разобьются. Но это состояние предполетности меня не покидает.

...Я вспомнила вдруг, что Икар погиб не потому, что дерзнул взлететь. А потому, что дерзнул взлететь слишком высоко. Близкое солнце растопило крылья.

Есть ли у нас материал прочнее воска?

Станислав КАЛИНИЧЕВ,
Марк ШТЕЙНБОК (фото)

ДОМ МИЛОС

Лидия Ивановна Иванова вопреки тому, что годы согнули ее, оказалась одной из самых активных и жизнерадостных обитательниц этого дома. По утрам она выходит в парк кормить голубей. Даже в непогоду. Птицы привыкли к ней, уже ждут, садятся на плечи и голову. А по воскресеньям и в церковные праздники она едет через весь город или во Владимирский собор, или во Фроловский монастырь на богослужение.

— Если есть возможность, мы ее подвозим на служебной машине,— рассказывает Людмила Андреевна Подуст.— Но в принципе она рассчитывает на себя, пускаясь в столь сложные для ее возраста путешествия... Оптимистка.

Людмила Андреевна возглавляет в Киеве территориальный центр по социальному обслуживанию пенсионеров. Это довольно разветвленная служба милосердия, где постоянно трудятся более трехсот человек. В нее входит 14 районных отделений, сосредоточенных на поиске различных форм помощи одиноким старикам. Но дом, в котором живет Лидия Ивановна Иванова,— пока что один в городе.

Оговорюсь сразу: он совсем не похож на то, что мы привыкли называть домом для престарелых. Здесь нет ничего обобществленного, нет заданного режима. Это просто жилой дом на шесть этажей, построенный по индивидуальному проекту в некогда дачной местности — Святошине, в районе Второй просеки. В нем 92 отдельные квартиры, однокомнатные, но каждая со всеми удобствами: ванной, кладовкой, кухней, балконом...

Есть и особенности: у входа круглосуточно дежурит вахтер, на первом этаже — медпункт, столовая, регулярно работают продуктовый и овощной ларьки, в определенные часы дежурят приемщики из Дома быта. Есть тут и кинозал, библиотека. В общем, пожилому человеку тут можно и год, и два жить, не выходя за ворота усадьбы.

Идея такого дома в том, чтобы избавить одиноких от одиночества, облегчить им жизнь. Ведь что значит остаться одному в городской квартире? У соседей дети, работа — им не до тебя. А тут все такие, как ты. Общество. Но и вместе с тем собственная квартира, где мебель твоя — какую купил, такую и поставил, хочешь, готовь обед сам, хочешь, спустись в столовую. Можешь пригласить гостей, можешь запереть квартиру и уехать куда-то в гости.

Мы зашли в квартиру Алексея Феоктистовича Шпараги. Ему 75 лет, участник войны, потерял на фронте руку... Но несмотря на это, очень любит плотничать. Оборудовал на балконе верстачок и мастерит: то тумбочку, то полку.

Елена Ивановна Светлых в прошлом фельдшер, тоже участница войны, переселилась сюда с любимым котом Марсиком. Мы увидели ее в пустом кинозале (дело было днем), где она играла на пианино, вспоминая старые мелодии.

Есть тут и несколько супружеских пар, которые оставили квартиры в городе и предпочли эту обитель своих сверстников.

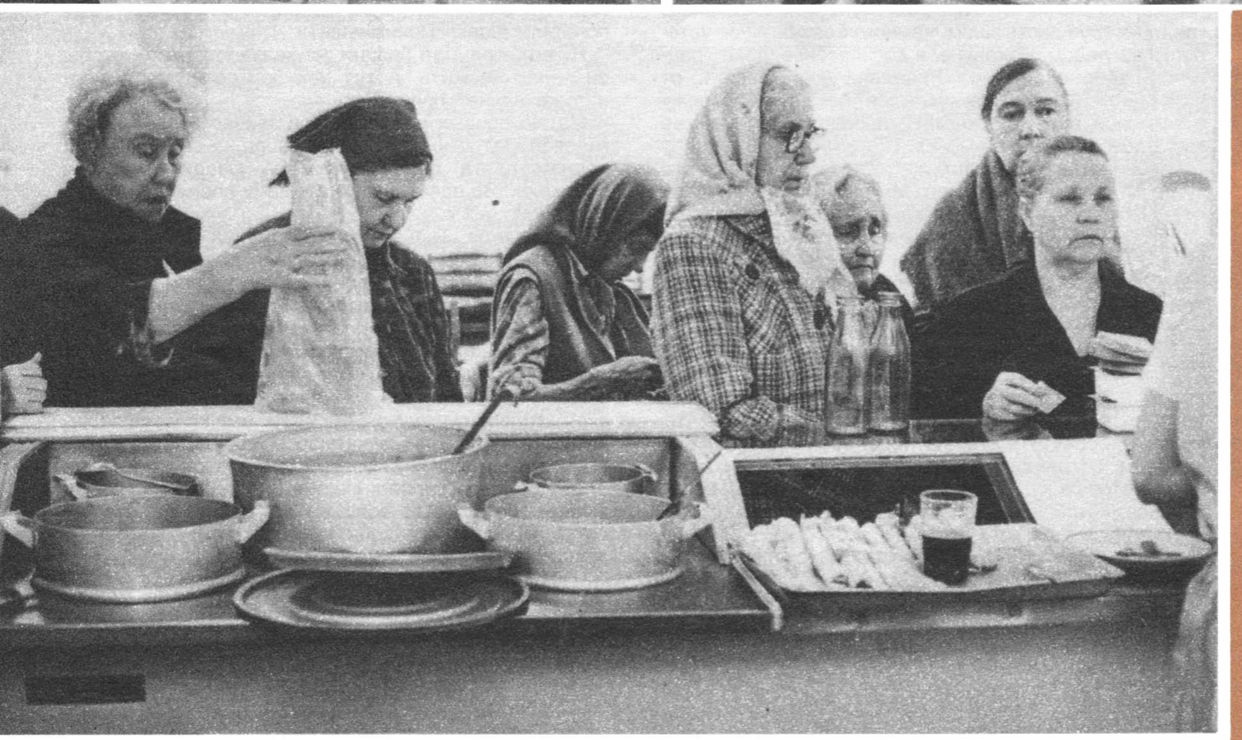
— Каков порядок заселения в такие дома?

ЕРДИЯ

— Первый ордер сюда был выписан в марте прошлого года. Но всю весну и лето многие квартиры оставались пустыми. У нас условие: одинокие старики, но такие, кто может себя обслужить, должны сдать городскую квартиру, тогда переселяются к нам. Вначале многие боялись, думали, что тут своего рода казарма. Знаете, люди очень опасаются потерять самостоятельность. Но потом они поняли, что именно они хозяева тут, причем хозяева не только квартиры, но всего дома...

Остается добавить, что, учтя первый опыт, исполком Киевского горсовета принял решение построить еще шесть таких домов. Для города это не очень накладно, потому что, переселяясь в них, старики оставляют свои городские квартиры, порою весьма просторные. Главное, как мне кажется, укрепляется новая форма милосердия к пожилым людям: очень демократичная, позволяющая бережно отнестись не только к их физическому здоровью, но и к привычкам, и к чисто человеческим слабостям.

УБИЙСТВО В СПАЛЬНОМ ВАГОНЕ

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО ДЕТЕКТИВА

Себастьен ЖАПРИЗО

РОМАН

Открывая комод, чтобы взять перчатки и сумочку, она взглянула на фотографию. Он попал в газовую атаку в 1914 году. А так был нежен, мил. Он был единственным человеком в мире, который не вызывал у нее желания спрятаться, и так страдал в конце, что умер с облегчением.

Грех. У нее было два любовника, один в 18 лет до брака, во время каникул, когда она готовилась к сдаче экзаменов, второй — после, в прошлом году, и она невольно спрашивала себя, как могло случиться и то и другое.

Она не сохранила никаких воспоминаний о первом, не знала его имени, не помнила, был ли он красив или уродлив. Запомнилось только ощущение страха, что кто-то придет, и он тоже, видимо, этого боялся, потому что не раздел ее, а только задрал юбку.

Когда теперь при ней говорили о девушках, ей снова было неловко, и не потому, что она сердилась на себя за ошибку молодости, а из-за отсутствия воспоминаний. Это было что-то мимолетное, поспешное и немного нечистое. Та маленькая идиотка, которая позволила все это проделать на краю постели,— мочà ей, что ли, в голову ударила? — была другая, не она.

Выходя, Элиана Даррэс еще раз поглядела на себя в зеркало, подумала о надзирательнице пансиона, о маленькой дурочке со смятыми юбками, о женщине, которая спустя двадцать лет дала себя поцеловать в пропахшем жареным картофелем и красным вином бистро напротив кинотеатра «Дантон».

Странно было вспоминать об этом. С разрывом в двадцать лет у нее были любовники одного возраста, они словно слились воедино, словно первый из них не состарился. Второй тоже готовился к сдаче бесконечных экзаменов и заходил в бистро поиграть на бильярде.

Лифт остановился между этажами. Она стала нажимать кнопки, спускаясь и поднимаясь, пока он не пошел только вниз. Но едва начав спускаться, остановился снова. Она подумала, что какой-то дурак или шутник открывает наверху дверцу шахты. Кончится тем, что все разладится, надо позвать консьержа. Она не любила консьержа, который никогда не здоровался и не прощался и всегда был одет во что-то грязное.

Она нажала кнопку последнего, пятого этажа, лифт поднялся и остановился на четвертом, неизвестно почему. Тогда она попробовала нажать еще несколько кнопок.

Самое удивительное, что тут она вспомнила Эрика. Однажды, ожидая ее на лестнице, он все время открывал и закрывал дверь шахты, пока она поднималась к себе. И тем принуждал ее то спускаться, то подниматься, до тех пор, пока она не начала кричать. Он делал это ради забавы, потому что ему было 20 или 19 лет. Красивый капризный рот, как у них у всех. Он, не торопясь, раздел ее на большой постели, где она спала одна, ведь они умеют вас свести с ума и знают об этом.

Она плакала, выходя из лифта, а он сказал, что был в ярости, дожидаясь ее. Он действительно долго ждал, позже она дала ему свой ключ. И подчас, возвращаясь по вечерам, находила его уснувшим, с закинутой за голову рукой, с ногами на ковре. Красивый рот и черные волосы (надо же позвать консьержа) были нежные, как у ребенка.

Эрик приходил к ней в течение пяти или шести недель, может, два месяца. Некоторое время потом ей казалось неудобным появляться в бистро на площади Дантона. Он задолжал ей, был удобный повод разыскать его, на что-то надеясь. Но она не сделала этого. О чем думают, когда вас убивают?

Однако еще до того, как возникло воспоминание об Эрике, продолжая нажимать на кнопки, она внезапно поняла, что ее собираются убить. Подняв голову, она подумала, что он ведь находится выше меня, в лифте нет крыши, он наблюдает за мной, потешается. Нет, в самом деле, что думают, когда вас убивают?

Она снова подняла голову к совсем близкому верхнему этажу, и тогда грянул выстрел, разорвавший ей грудь и отбросивший ее, как куклу, на деревянные панели кабины. Она успела подумать, что нет, быть того не может, это неправда. Шея ее и плечо еще упирались в стенку. Значит, кто-то, как Эрик, стоит надо мной, знаю я их всех, каждый готов одарить тебя своим мокрым красивым ртом, знаю их смех и шепот, как у пансионерок после ухода надзирательницы. Как у того мальчика и малышки из Авиньона. Распоротое брюхо лошади с фотографии о войне 1914 года, моя разорванная грудь, дуреха, та самая, что опрокинулась теперь в лифте, и та девочка в темноте спального купе.

СПАЛЬНОЕ МЕСТО № 221

Эрнест-Жорж-Жак Риволани, шофер-экспедитор, родившийся 17 октября 1915 года в Мё (департамент Сена-и-Марна) и проживавший: тупик Вийу, дом № 3, Клиши, был убит пулей 45-го калибра из Смит-Вессона в затылок, в упор, около 23 часов, как раз за 11 дней до своего дня рождения, по случаю чего его жена уже купила ему пару меховых ботинок.

Он лежал в выходном костюме, уткнувшись лицом в цементный пол, подвернув под живот руку и закинув другую за голову, под самой дверью своего гаража, куда собирался, но не успел поставить машину — «ситроен», 1952 года,— мотор которой заглох посреди двора. Вдове он не оставил ничего, кроме непогашенных фар автомобиля и троих детей, старший из которых заканчивал школу.

— Какая подлость,— сказал Малле.

Он не спал всю ночь, потому что именно ему позвонили в час ночи, и теперь, стоя в распахнутом плаще, только качал заросшим тупым подбородком, глядя на труп застывшим, немного безумным от усталости взглядом. Накануне, в воскресенье, пока Грацци и Габер ездили от Риволани к актрисе и от актрисы к Кабуру, он мотался по всему Парижу с записной книжкой жертвы, проверяя помеченные там адреса.

Грацци, у которого не было телефона, потому что он не желал платить за него 35 тысяч франков (и так денег ему всегда не хватало), проспал сном праведника с 11 вечера до 8.15 утра. Выбритый, в дурном настроении и чистой рубашке, он выглядел готовым к работе. Таркэн еще не прибыл, потому что решил подстраховаться и заехать на Кэ поговорить с «нужным человеком»: Грацци, мол, хороший полицейский, но не мешает иметь прикрытие, ясно я выражаюсь?

— Какая подлость,— повторил Малле, качая головой.— Его жена сначала кричала, а теперь, когда дети с ней, молчит и смотрит на тебя, словно ты можешь вернуть ей мужа. Все время вспоминает меховые ботинки, у меня голова от этого кругом идет, которые купила ко дню его рождения. Говорит только об этом. Ему было холодно в кабине грузовика. Клянусь тебе, это так.

Грацци кивал головой, смотрел на распростертое тело и думал о том, какой он болван, что дал всучить себе это дело. За двадцать лет должен же я был научиться делать только то, что умею. А Таркэн все не едет.

Риволани упал вперед. Отброшенный выстрелом из крупнокалиберного револьвера, он прополз еще метр под выстрелом, который был такой силы, что половину его головы разнесло на части, и в глубине бокса виднелась большая лужа крови.

Один из жандармов как раз возился там. Грацци отвел глаза и посмотрел на «ситроен». Малле, как намагниченный, следовал за ним так близко, что можно было различить запах его волос. Они у него были густые, как и в бороде, дважды в день он смазывал их дешевым бриолином.

На залитом цементом дворе друг против друга стояли десять трехметровых боксов с поднимающимися вверх дверями, которые запирались на замок. Дом Риволани находился в конце улицы, в тупике, заросшем редкой травой.

Как и каждое воскресенье, если он не был в поездке, шофер с женой и старшим сыном, парнем лет тринадцати, который сегодня пропустил школу и в ближайшие дни будет героем происшествия для своих товарищей, отправились в кино.

— Когда они вернулись?

— В одиннадцать — одиннадцать пятнадцать вечера. Ездили в кинотеатр «Сен-Лазар». Из-за этой истории в поезде Риволани решил повезти их на что-нибудь веселое. Потом, высадив семью у дома, поехал ставить машину в гараж. Жена говорит, что он пользовался ею только по воскресеньям, чтобы съездить на дачу или в кино. Забеспокоилась она, когда тот не вернулся спустя целый час. И как только сын лег спать, отправилась в гараж, решив, что он задержался, чтобы что-то починить. На ее крики сбежались соседи и сообщили о случившемся в комиссариат Клиши.

Грацци смотрел на аккуратные сидения машины, на щиток. В свободные часы Риволани приходил сюда с сыном. Они чистили машину, обсуждая ее достоинства,— уверенный в себе отец и уверенный в отце сын. Точно так же и Грацци будет вести себя с Дино, когда тот подрастет, и у них будет машина.

— Никто ничего не слышал?

— Ничего. Пока жена не закричала. Самое страшное, что она сама погасила фары, она помнит, как погасила фары. Понимаешь?

Ну вот, подумал Грацци, не хватало только, чтобы он начал хныкать. А тут как раз появится Таркэн и тоже начнет приставать.

Малле привык недосыпать и сейчас только качал головой. Затормозив посреди двора на своей «403-й» черного цвета, подъехал патрон. Сзади у машины был крюк. Во время отпуска к нему крепился прицеп с лодкой.

Не подходя, Таркэн слегка помахал рукой Грацци и Малле, вошел в бокс, колыхая брюхом, как беременная женщина, и наклонился над трупом. Жандармы и заместитель комиссара Клиши наблюдали за ним. Секунд через тридцать он поднялся, освещенный внезапно появившимся в этот октябрьский понедельник солнцем, и с облегчением произнес единственную за все утро толковую фразу:

— Этакую пушку можно купить только у спекулянта, дети мои. С 45-м калибром по улицам уже не бегают. Сын шлюхи, который пользуется такими пулями,— профессионал. Но тут он сделал серьезный промах, потому что если вы встречали гангстеров, оставляющих после себя такую визитную карточку, значит, вы их знаете лучше меня!

Продолжение. См. «Огонек» №№ 15—17.

Пуля была крестообразно обрезана тщательно, и не просто, а подпилена таким образом, чтобы оставить четыре отметины на цели. В лаборатории Ротру, повидавший за 30 лет много всякого свинца, заявил, что такими пулями во время минувшей войны в Азии пользовались англичане. Проникая внутрь, пуля разрывается. Он рассказал еще, что слышал о процессе над двумя профессиональными охотниками из Фор-Лами, которые тем же способом убивали животных.

Их было пятеро у стола патрона — Грацци, Жуи, Безар, привезший чемодан Жоржетты Тома, Аллуайо и Парди, мрачный корсиканец, куривший, прислонясь к косяку двери. Малле поехал спать. Габер охотился за девушкой из Авиньона, проверяя агентства по найму и комиссариаты полиции.

Лицо Таркэна лоснилось, на губах повис погасший от слюны окурок. Таркэн принял эстафету от Малле и все время качал головой, уставившись в одну точку с видом человека, который не может найти свой зонтик.

Затем выругался, сказал, что слишком терпелив и чтобы у него всегда была под рукой бутылка пастиса. Так чем он, Грацци, занимался с субботнего утра?

— Суббота была позавчера,— сказал Грацци.— Потом было воскресенье. Вы что, рассчитывали, что за это время мы накроем этого субъекта?

— Кто говорит «накроем»?

— Это я так говорю.

Парди пошевелился у двери и сказал тягучим голосом с акцентом Тино Росси *, что слово найдено точное, шофер был накрыт, как нежелательный свидетель.

Наступило молчание. Они все так думали.

— Его кто-нибудь успел допросить? — поинтересовался патрон более спокойным тоном.

— Да, вчера днем я посылал к нему Габера. Шофер должен был утром приехать, чтобы дать показания.

Грацци вынул красную книжечку и, полистав, нашел то место, где записал слова Жан-Лупа об их разговоре. Вернувшись от Кабура, которого они не застали дома и чью квартиру обыскали (назло консьержке, без санкции — слегка, ни к чему не прикасаясь), они сидели в своей комнате за столом, освещенном лампой. Кабур и причины его исчезновения начали их серьезно беспокоить. Жан-Луп куда-то торопился. На листке было написано всего несколько слов, которых едва хватило бы на три строчки донесения.

— Раз в неделю Риволани ездил на юг. Туда возил разные товары, обратно — свежие овощи. На прошлой неделе около Берра у него испортился грузовик, и он оставил его чинить. А раз это должно было занять несколько дней, то решил вернуться поездом. В конце недели ему предстояло отправиться за грузовиком.

Не снимая шляпы, Таркэн сказал, что спрашивал не о его жизни.

— Он сел, стало быть, в поезд в пятницу вечером. Его описание пассажиров совпадает с описанием Кабура и актрисы. Мы были у нее вчера днем. Сейчас она, должно быть, ожидает в приемной.

Грацци посмотрел на часы: было 11.30. Ей, вероятно, уже наскучило там ждать. Наблюдавший за ним Таркэн приказал Жуи проверить это и спровадить старуху. Если понадобится, за нею пошлют.

— Принимая во внимание характер его работы,— продолжал Грацци,— можно себе представить, что он сразу же засыпал, где бы ни садился. И в купе он улегся первым и встал последним. Ничего не видел и не слышал.

Голос Тино Росси позади Грацци произнес: наверняка ведь что-то произошло. Уж коли кому-то понадобилось дожидаться возвращения шофера из кино, то не для того, чтобы наказать за то, что он спал без просыпу.

— Во всяком случае, он ничего не помнил. Видимо, у убийцы память получше.

Раздался звонок внутреннего телефона. Таркэн взял трубку, покачал головой, несколько раз сказал: да, спасибо, старина,— повесил трубку и заявил, что Грацци сильно повезло — появилась все же улика: револьвер.

— Ротру категорически утверждает, что это Смит-Вессон с глушителем, недавнего выпуска, купленный человеком, знающим толк в оружии. Да, цыпочки мои, с глушителем, но в виде груши, а не цилиндра, он может нарисовать это на бумаге.

Грацци так ненавидел слово «категорически» в устах патрона, что становился несправедлив. Поэтому он сказал, что Ротру уже не впервые определяет цвет глаз человека по кусочку свинца, а потом все оказывается наоборот. Так что не смешите своим рисунком.

Сам Грацци не смеялся, а пристально смотрел своими большими голубыми глазами на Таркэна, который разглядывал его галстук. Внезапно тот всхлипнул, словно собираясь проглотить окурок, а заодно и Грацци. Но промолчал. Только сдвинул шляпу на затылок и повернулся к окну.

Продолжая смотреть ему в спину, чуть повыше плеч, Грацци сказал, не переводя дыхания, своим ясным и сильным голосом, что лучше поторопиться, потому что, если хотите знать мое мнение, Кабур тоже исчез, а он так поспешно покинул квартиру, что даже не потушил свет в туалете. Если будем мешкать, то еще кого-нибудь пристрелят. Пока у нас только женщина с тремя детьми и шофер грузовика.

Таркэн ответил, что и этого уже не мало.

Он неподвижно стоял у окна, скорее спиной, чем боком, в широком пальто, на котором уже давно разошелся один шов,— вполне обыкновенный человек. И, видимо, говорил себе: это не Кабур, это профессионал, и все случилось в поезде, так что, если я смогу послать десять парней по оружейникам и раздобыть кое-какие сведения у отдела борьбы с наркотиками, не пройдет и 48 часов, как он будет наш. Его схватят, передадут Фрегару, а этот дурень Грацци может и дальше изображать Шерлока Холмса, если ему это нравится.

Раздался звонок телефона. Таркэн медленно обернулся, снял трубку усталым жестом, покачал головой, затем выругался и — что такое? Где? В лифте? — положил пухлую руку на аппарат, сказал, что Грацци действительно надо поспешить и всем тоже, потому что теперь они по уши увязли в этом деле. Актриса не придет, ее пришили два часа назад. Он снова взял трубку, буркнул: ладно, едем, вы с кем разговариваете?

Ее положили на кровать. Чтобы оставить лифт на месте, тело пришлось нести вниз на руках. Одна туфля с высоким каблуком упала, и ее бросили в коридоре.

На лице Элианы Даррэс застыло удивление. Пуля пробила грудь, врезавшись в нее, как снаряд, но нигде, кроме платья и пальто из настоящего леопарда, не было следов крови.

Прибежавший Жан-Луп растолкал полицейских и заместителя прокурора. Таркэн и Грацци стояли у постели. Он едва поздоровался с патроном, опустил глаза и тотчас сморщился, словно его тошнило. Грацци увел Жан-Лупа к лестнице.

Теперь и ему, Грацци, было страшно.

Итак, Жоржетту Тома убили в купе поезда в субботу утром. В субботу вечером вышла только одна газета, остальные — в понедельник. В субботнем номере был напечатан обычный список пассажиров. В понедельник газеты подробнее рассказали о Кабуре, Гароди, Даррэс, Риволани. Что-то явно напугало убийцу. Произошло, видимо, нечто очень важное, раз он убрал еще двоих пассажиров из того же купе.

Грацци подумал о Кабуре, исчезнувшем в субботу вечером, оставив в ванной зажженную лампу. Убийца он или жертва?

Грацци вспомнил о молодой девушке из Авиньона, которую Габеру не удалось пока найти. Может быть, более хитрый и лучше информированный убийца уже идет по ее следу?

— Они убили Риволани? — спросил Габер.

— Точно так же, как ее. Подойдя вплотную, настоящей пушкой. Почему ты сказал «они»?

Рисунок Ильяса АЙДАРОВА

* Тино Росси — известный эстрадный певец, тоже корсиканец.— **Прим. пер.**

— Не знаю,— ответил Габер.

Он был очень бледен, но держался прямо. 23 года. Сегодня утром он, видимо, изрядно ненавидел свою профессию. Грацци ненавидел ее тоже. Положив руку на открытую дверцу лифта, он думал: «они» нашли Риволани в воскресенье вечером, поэтому в понедельник в газетах сообщения не было. С Кабуром, вероятно, так же. А с малышкой Бомба́?

— Что-нибудь разведал о девушке из Авиньона?

— В отелях ничего. Я обошел все комиссариаты. Днем пойду искать в агентствах по найму. Но это займет немало времени, знаешь ли, если я буду работать один. Этот тип действует быстрее меня.

Показав на лифт, Габер сказал это низким, недовольным, страшным голосом. Грацци подумал: ну, теперь все, не сомневался я, что однажды все именно так и случится. Таркэн, конечно, получит возможность два-три раза в год кататься на лодке, иначе и быть не может, такое и с министрами случается, а я окажусь конторским служащим в провинциальном комиссариате или, если мне хватит мужества, поступлю в страховую компанию, в большой магазин, неважно. Все было очень просто: перед ними безумец, который действует быстрее.

— Ловко он придумал с лифтом.— сказал Грацци усталым голосом.

Он взял Жан-Лупа за плечо, повел на пятый этаж и встал как раз над пустой кабиной.

— Она садится в лифт. Он дает ей немного спуститься, затем открывает дверцу шахты. Каким образом он узнал, что это она,— не знаю. Быть может, следил за нею с лестницы. Открывает и закрывает дверцу, пока та нажимает на кнопки. Когда она поднимается, он останавливает лифт. Понимаешь? Спокойно довозит ее до четвертого этажа, останавливая там, где хочет.

Грацци закрыл дверцу, двумя пальцами изобразил человека с револьвером, повторив: здорово придумано, этот псих — ловкий парень.

— Почему она не позвала на помощь?

— В этом-то все дело. Зовут тогда, когда лифт не работает! А он работал! Но не опускался, а поднимался, вот что. Может, она думала выйти на другом этаже.

Они услышали, как Таркэн громко разговаривает этажом ниже в окружении полицейских и жильцов дома. Спустились вниз.

Патрон посмотрел на Грацци, упершись взглядом в его живот, засунул руки в карманы пальто, сдвинув шляпу на затылок, и спросил: так есть или нет у этого сына шлюхи глушитель, господин Холмс?

— Есть,— согласился Грацци.— Но что нам это дает? Пока мы будем рыскать по оружейным магазинам и картотекам, обольщать отдел борьбы с наркотиками, он опять успеет воспользоваться своим глушителем! Кстати, эту грушу, раз он такой ловкий, он мог изготовить и сам.

— Ему бы понадобилось для этого много разных вещей.

— Нам каждый день возвращают сотни нигде не зарегистрированных пистолетов.

— Но не глушители.

— А вдруг это политическое дело?

— Вот было бы здорово! — сказал Таркэн.— Сочиняю докладную, передаю дело в органы безопасности. Они его быстро разыскивают, и еще до того, как все закончится, я буду спокойно на пенсии.

— Может быть, это иностранец?

— Вот именно,— промямлил Таркэн.— Может, чех — они хорошо вооружены. Но влетит не таможенникам Орли, а нам.

Телефон стоял в комнате возле постели, на которой лежала Элиана Даррэс. Пока Грацци набирал номер, Габер, не глядя на женщину, стал осматривать содержимое ее сумочки.

По телефону Малле сказал, что не выспался, произнес что-то непристойное. Но все же, поспав часок, он снова обрел хорошее настроение, даже побрился и переоделся. Грацци сказал Малле, что он будет связным на Кэ, пусть сидит на стуле и звонит каждый час в Марсель, чтобы их поторопить. Пусть скажет: это очень важно.

Жуи уже допросил мадам Гароди. Он застал ее в зале ожидания, когда искал Элиану Даррэс. Нашел, что она красива, хорошо одета, труслива, скрытна. Она ничего не помнила, ничего не знала, пришла только подписать показания и как можно скорее уйти.

— Давно она ушла?

— Около получаса.

— Она знает о Риволани и актрисе?

— Нет.

— Найди ее и затаись.

— Зачем?

— Если не понимаешь, то нечего и объяснять. Спрячься и не спускай с нее глаз. Я не хочу, чтобы ее нашли с дыркой в голове.

— Может быть, окружить дом «накидками» *?

— Вот именно. Нам недостает только рекламы. Я хочу схватить этого типа, а не дать ему драпануть!

— Кстати, о рекламе. В коридоре полно газетчиков. Что им сказать?

— Сейчас 12.12,— ответил Грацци, посмотрев на свои наручные часы.— Если газетчики успеют сегодня что-нибудь напечатать, то пулю в голову получишь ты, клянусь здоровьем сына!

Он повесил трубку.

Парди обедал дома и подошел с полным ртом. Он пользовался телефоном соседа, который давно корил себя за эту любезность.

— Мне нужен Кабур,— сказал Грацци.

— Я получаю приказы только от своего патрона,— произнес голос Тино Росси.

— Так это приказ.

— Что случилось?

— А ты как думаешь?

— Ладно, ладно,— сказал Тино Росси.

И сам повесил трубку. Грацци был уверен, что он найдет Кабура. Парди работал методично, как машина, серьезно, не паникуя, глубоко убежденный, что в один прекрасный день прогремит или — почему бы и нет? — станет начальником полиции. Ему всегда удавалось найти кого требовалось, ведь он был корсиканцем и повсюду имел друзей. У Таркэна один Парди умудрялся обедать дома.

Аллуайо нигде не было. Вероятно, жевал бифштекс в дешевеньком ресторане на улице Дофин, выставив перед собой на клеенке все свои пузырьки с лекарствами и рассказывая официантке о желудочных болях. Этот вернется на Кэ точно по часам на Дворце правосудия. Прямой, как палка, похожий на англичанина и очень бледный, покуривая сигарету — единственную за день, но зато самую дорогую.

— Пусть вызовет днем мадам Риволани, родню Кабура, родню Даррэс, снова того, который перепродает машины, и сестру Жоржетты Тома и опросит их. Пусть найдет вечером мужа Жоржетты Тома и Боба. Перезвоню к двум.

Грацци повесил трубку.

— А мне что делать? — спросил стоявший возле него Габер.

На нем был не обычный шотландский «дьюфклот», а синий плащ из блестящего нейлона и желтый галстук.

— Поедешь вместе со мной на площадь Клиши, пообедаем. Потом ты возьмешь машину, пока я поговорю со студентом с улицы Дюперре. Ты должен мне найти эту Бомба́.

Жан-Луп кивнул, но еще более неуверенно, чем всегда.

В пивной с большими стеклянными окнами, поглядывая на площадь, разрезанную на солнечную и теневую стороны, они поели тушеную капусту, как два месяца назад, когда вели дело о мошенничестве, на раскрытие которого ушло восемь дней, и когда именно Таркэн отгадал, кто виноват.

Грацци думал о шофере, его меховых башмаках, о том, как он шел, выйдя из машины, по цементному двору, как, сняв замок, открывал дверь, и все такое. Он не слышал, как убийца подошел к нему и выстрелил в затылок, отчего тот был отброшен на метр, а затем пришла его жена и погасила фары.

— Ты можешь сказать, что́ так напугало убийцу? Что он мог знать, этот Риволани?

Габер с полным ртом ответил: не знаю. В общем, если бы Риволани хоть что-то знал, то рассказал бы ему, ведь он сам его допрашивал.

— Ты не понимаешь,— возразил Грацци,— быть может, он ни на что и не обратил внимания, но что-то могло броситься в глаза. А это имеет для нас значение! Как ты думаешь, зачем в течение двух дней убивают еще двоих, находившихся в купе?

Габер ничего не ответил, кивнул, допил свою кружку пива, отлил половину оставшегося у Грацци и тоже выпил.

— Он наверху,— сказала консьержка.— Надеюсь, вы не станете его донимать, он и так очень расстроен.

Им открыл брюнет, лет двадцати, высокий, красивый парень по фамилии Эрик Гранден, с матовой кожей и прядью волос на лбу. Просматривая документы, Грацци увидел, что настоящее имя его Шарль. Он непрерывно курил «Житан», прикуривая одну сигарету от другой, с дрожью в длинных нервных пальцах. Худощавый. Надетый прямо на тело пуловер казался ему великоватым.

Комната была маленькая, вся забитая книгами. Зажженная газовая плитка стояла на столе прямо среди тетрадей и отпечатанных лекций.

— Я готовил себе кофе, хотите?

Он подал Грацци кофе в чашке, а себе налил в стакан, куда плеснул немного вина. На его руке были анодированные часы. И носил он их на внутренней стороне запястья, точно так же, как маленький Жан-Луп.

— Мне их подарила Жоржетта,— сказал он.— Предупреждаю ваши вопросы: да, я был ее любовником, я любил ее, она меня тоже любила, и в ту субботу утром, тогда, когда все это случилось, я собирался на факультет. Консьержка, которая принесла мне белье, может это подтвердить.

Она уже это сделала. Кроме белья — двух выстиранных сорочек, как всегда и, вероятно, бесплатно,— та принесла ему еще молоко и хлеб.

— Я ничего не знаю, ничего не понимаю и узнал обо всем из газеты только вечером у приятельницы в Масси-Палезо. У меня была машина Жоржетты, она все еще у меня. Я ничего не понимаю.

Лицо его было измученным, в глазах настоящие слезы; он отвернулся, чтобы зажечь очередную сигарету.

Грацци стоя выпил кофе и осмотрелся. На стене были наклеены вырезанные из газет, не имеющие смысла фразы и фотографии разных животных с большими ласковыми глазами.

— Я учусь в ветеринарном институте,— объяснил он.— На третьем курсе.

Его интересует исследовательская работа. Когда-нибудь он обзаведется фермой в Нормандии и сделает ее клиникой-лабораторией, где будет скрещивать великолепных животных, с такими же, как у этих, ласковыми глазами. Или отправится в Австралию, Южную Америку, еще куда-нибудь, где есть неосвоенные земли и, конечно, животные. Люди не интересуют его. Они гадкие и мерзкие существа.

— С каких пор вы с ней знакомы?

— Два года. Я поселился тут два года назад.

— Вы сразу стали ее любовником?

— Нет. Много позже, с полгода тому назад. Но я часто приходил к ней, мы вместе обедали, болтали.

— Вы знакомы с Бобом Ватски?

— Это он нашел мне комнату. Мы познакомились в одном из заведений Латинского квартала. Он играет там на саксофоне. Если вы думаете, что это сделал он, то ошибаетесь.

— Он был тогда ее любовником?

— Да.

— Вы это знали?

— Знал.

— Вы что, были ее любовниками одновременно?

В его блеснувших глазах промелькнуло удивление, он коротко рассмеялся и сказал, что у него много подружек.

— Иногда по вечерам вы встречались с ним у нее?

— Ну и что из того?

— Ни вы, ни он не ревновали ее друг к другу?

Он снова рассмеялся коротким и невеселым смехом, пожав плечами, так как понял, к чему клонит Грацци, и это показалось ему глупым.

— Если вы думаете, что ее убили из ревности, то выиграете больше времени, поискав где-нибудь в другом месте.

Он неожиданно повысил голос и сказал: да черт же возьми, Жоржетта вольна была любить кого хочет, он не только не ревновал, но, случалось, они обедали втроем, когда он сталкивался у нее с Бобом, он может еще рассказать инспектору многое, но тот все равно не поймет. А что — разве это запрещено законом?

Грацци не очень понимал, симулирует ли он гнев, чтобы скрыть нервозность, или всё из-за тех чувств, которые он, Эрик, сам себе не мог объяснить.

— А Пьера Бекки вы знаете?

— Кого?

— Стюарда Пьера Бекки... Ладно, не важно. Вы слышали что-нибудь от Жоржетты Тома об актрисе Элиане Даррэс?

Он ответил нет, нет, никогда. Зажигал одну сигарету «Житан» от другой. Отвернулся, чтобы бросить окурок в картонку.

— А о шофере по имени Риволани? Постарайтесь вспомнить. Риволани. Это важно, если вы хотите нам помочь.

Закрыв от дыма глаза, тот покачал головой, провел рукой по лицу. Ответил нет, не помнит, ничего не знает.

— Вы говорите, что в субботу были у девушки в Масси-Палезо.

— У молодой женщины, а не девушки. Она замужем, у нее трое детей. И это совсем не то, что вы себе вообразили.

— Стало быть, вы не должны были встретить в тот день Жоржетту Тома?

— Я даже не знал, что она приехала. Она мне ничего не говорила, знаете ли. Бывало, что мы не виделись неделями. Я возвращался поздно, она задерживалась на демонстрациях своей продукции. Если хотела, чтобы я оставил ей машину, подсовывала под дверь записку, и я отдавал ключи и права консьержке.

Он прямо в глаза смотрел Грацци, прижавшись бедром к столу, скрестив руки, в одной из которых была зажата сигарета, с прядью на лбу. Несчастный и упрямый.

«Я только теряю время»,— решил Грацци. И ушел.

Спускаясь по лестнице, он думал о пятидесятилетней вдове, погасившей фары, не понимая того, что делает, и о молодой улыбчивой женщине, переходив-

---

* Прежняя форма французских полицейских — «ажанов».— **Прим. пер.**

шей из рук в руки сотрапезников после обеда. Грацци почувствовал себя еще больше, чем всегда, старым, грузным и ничего не понимающим.

На лестнице он столкнулся с мальчиком в плаще, поднимавшимся в мансарду, таким же белокурым, каким брюнетом был тот, наверху, но моложе, серьезным и задумчивым. Он ему смутно кого-то напомнил. Вероятно, встречал его уже здесь позавчера.

— Вы приятель Грандена?

Парень остановился на ступеньке, покраснел, ничего не понимая, сказал: нет, мсье, нет.

Грацци спустился вниз, вспоминая свои 17 лет, свои 20 лет и прочие глупости.

Он позвонил на Кэ из кафе на площади Бланш. Аллуайо вызвал мадам Риволани, мужа Жоржетты Тома, Боба Ватски, сестру Кабура. Все обещали прийти во второй половине дня.

Жившая в Кретейе сестра Кабура должна была приехать с детьми, потому что ей не на кого было их оставить после школы. Она даже не знала, что ее брат ездил в Марсель.

— Где Малле?

— Говорит по другому телефону. Полчаса назад они позвонили и сообщили о странных показаниях горничной из отеля. Ну, отеля «Мессажери». Малле хочет с ней связаться. Ему это кажется важным.

— В чем там дело?

— Тебе надо спросить его самого, я не очень понял.

— Ладно. Я еду. По актрисе ты ничего не обнаружил?

— У меня адреса из ее записной книжки. Продюсеры, актеры. Те, с кем я уже побеседовал, знали ее плохо. Хотя они прямо и не говорят, но она была порядочная зануда.

Было четверть четвертого, когда он приехал на Кэ, забыв взять у таксиста квитанцию для отчета.

Как раз допрашивали мадам Риволани. Он наблюдал за нею издали. На ней было красное пальто, которое она завтра же выкрасит в черный цвет. Сидела на стуле очень прямо, стиснув в зубах край платка. Аллуайо печатал на машинке, не смея поднять на нее глаза.

Малле склонился над столом, рассматривая свои заметки. Посмотрев на Грацци красными от усталости глазами, он рассказал:

— В среду вечером, когда Жоржетта Тома и стюард вернулись в отель, около 11 часов, горничная услышала их разговор на лестнице. Ее зовут Сандра Лей. Говорил с нею по телефону. Она повторила услышанные слова, приблизительно это звучало так...

Он взял листок со стола.

— Жоржетта Тома сказала: «Да нет, со мной ничего. Не обращай внимания. Я не совсем уверена». Они как раз поднимались к себе в номер и, проходя мимо Сандры Лей, замолчали. Все. Горничная утверждает, что Жоржетта Тома тогда не поздоровалась с нею, словно не видела. И это показалось ей странным, потому что красотка обычно всегда говорила ей что-нибудь приятное.

— О чем она подумала?

— Она особенно запомнила фразу «Я не совсем уверена». Говорит, что эти слова расслышала точно. И подумала, что красотка беременна и что это ее не очень радует.

— Глупости. Вскрытие обнаружило бы это.

— Красотке могло показаться. Разве нет? Во всяком случае, они тотчас послали кого-то к стюарду. Сейчас позвонят.

Таркэн тоже решил, что это глупости, но что Жоржетта Тома могла и ошибаться по поводу беременности.

Он сидел за столом в пиджаке, в шляпе, и Грацци увидел перед ним папки Уголовного розыска и Управления безопасности со сведениями о кражах и пропажах револьверов. Тот перехватил взгляд Грацци и сказал: не стоит ломать голову, я осторожен, просто решил подстраховаться. С ума сойти можно, сколько пистолетов исчезает и переходит из рук в руки.

— Их крадут даже у нас,— продолжал он.— В феврале был схвачен один жулик, который стибрил пистолет у полицейского из комиссариата в Сен-Сюльпис, пока тот возвращался домой. К счастью, пистолет был не заряжен. Потом тот же полицейский подстрелил этого же воришку, когда он грабил кассу.

Таркэн похлопал рукой по папке и заметил: много всяких интересных вещей можно узнать из этих папок.— Что с тобой, откуда ты?

Грацци уселся в кресло напротив, расстегнул пальто и рассказал о маленьком Эрике Грандене.

— От этих парней тоже многое можно узнать.— заметил Таркэн.— Пришел бы как-нибудь пообедать в субботу и поговорил с моим. Ему 22 года, но вряд ли когда-нибудь он проявил больше благоразумия, чем в первый раз, когда сделал гули-гули в яслях Сен-Антуана. Желаю тебе почаще радоваться своему отроку.

— Мы были такими же,— возразил Грацци.

— Ну да? У тебя было на что курить одну пачку «Житан» за другой? Ты когда-нибудь собирался приобретать ферму в Австралии? Тебе случалось после ужина делиться с приятелем подружкой? Нет, мой мальчик, они пришельцы с другой планеты.

В 3 часа 50 минут Малле снова связался с Марселем. Пьер Бекки не помнил ту сцену, говорил, что Жоржетта Тома, как и другие, знала свои взлеты и падения, но он не обращал на это внимания. Все это уже не имело значения, потому что корсиканец-инспектор, тот самый, что прислал первое донесение, сообщил еще одну информацию. Он говорил, досадуя на себя, потому что совсем не знал, поблагодарят его за нее или назовут дураком.

Малле не сразу его понял. Однако то ли от усталости после трех бессонных ночей, то ли от внезапного ощущения, что в руках оказалось что-то серьезное, у него закружилась голова. Сказал спасибо, устало повесил трубку и еще некоторое время пристально смотрел в пустоту, почесывая нос. 700 тысяч франков *! Стоимость дешевой машины. Но разве за 700 тысяч убивают?

Он встал и пошел к двери. Обернулся к Аллуайо, сидевшему у телефона, и сказал:

— Жорж, Жорж, я тебе говорю, не стоит нервничать, теперь он в наших руках.

Войдя в кабинет патрона, он застал там и Грацци. Сказал:

— Извините, может быть, это и пустяки, но красотка, актриса и шофер гроша ломаного не сто́ят.

На прошлой неделе в табачной лавке в Марселе был продан лотерейный билет, выигравший 700 тысяч. Это, конечно, не самый крупный выигрыш, однако что вы об этом думаете?

Патрон от удовольствия гадко улыбнулся. Медленно соображающий, Грацци еще пару секунд смотрел на Малле, стоявшего у двери. Потом вскочил и протянул руку к телефону.

Таркэн уже говорил с дежурной на коммутаторе, требуя соединить его с Национальной лотереей, быстро, а в Марселе вызвать префектуру и бар — табачную лавку на улице (Феликс-Пиа, подсказал Грацци) Феликс-Пиа, не знаю, как пишется, не знаю номера, поторопитесь.

Билет за номером 51 708 (группа 2) был продан в баре — табачной лавке на улице Феликс-Пиа вместе с двадцатью тремя номерами той же серии в минувший четверг октября.

Хозяин заведения считал, что шум поднят зря. В 1935 году он уже продал самый крупный выигрыш. Теперь он продает более пятидесяти выигрышных билетов ежегодно. И это не приносит ему никакой выгоды. Вот слова «билет, приносящий смерть» могут, конечно, подействовать на воображение. Но ведь господа из Парижа — взрослые люди и способны понять, что он вполне обойдется без такой рекламы.

Кто купил билет, он не знал. Точно так же, как и то, кто продал. Их было трое в баре: хозяин, хозяйка и официант, Роже Трамони, хороший парень, страдающий астмой.

В среду вечером, в шесть часов, когда из лотереи приехали за непроданными билетами, шестнадцать из них, в том числе и выигрышный, улетучились.

Жоржетта Тома заходила к ним во вторник вечером, чтобы встретиться с Пьером Бекки. Тот играл в карты с клиентами.

Она ждала конца партии, потягивая аперитив и болтая с хозяйкой.

Может быть, в это время она и купила билет, но в таком случае ей его продали не господин и не мадам Ламбер, которая как раз отправилась разогреть ужин. А он сам весь вечер не отходил от кассы.

Нужны показания официанта Роже, но бедняга как раз уехал в отпуск в Приморские Альпы, да и вряд ли он что-либо вспомнит. Конечно, разыскать его можно, но это займет некоторое время. Господа из Парижа, вероятно, догадываются, что за 700 тысяч не убивают. Нет, он не дает им советы, нет. Но все-таки...

— Убивают и за меньшую сумму,— сказал Таркэн.— Раз она купила билет, все очень логично. В тот вторник, ожидая, когда ее стюард закончит играть в белот, она заказывает стаканчик и болтает с хозяйкой. Затем идет к табачной стойке, где официант продает сигареты, просит пачку любых и говорит: «Покажите-ка ваши лотерейные билеты, вдруг есть мой любимый номер».

Таркэн вынул из внутреннего кармана пиджака сигарету, поискал спички, попросил — огня, пожалуйста, Грацци может ему поверить, все было именно так, он своими глазами видит эту сцену, как в кино.

— В среду, малыш, она отправляется закусить со своим негодником в пиццерию на улице, название которой я забыл.

— Феликс-Пиа,— сказал Грацци.

— Вот именно. Я все вижу так, словно сам там был. Мягкий свет, звуки медленного вальса, все такое.

— В пиццерии Сен-Морон нет оркестра. Я это знаю, сам там был.

Таркэн встал, протянул свой указательный палец к галстуку Грацци и, обойдя стол, сказал:

— Бедный глупыш, вот тут-то я тебя поймал. Я размышляю, я не говорю о деталях. Вероятно, это не оркестр, но, можешь быть уверен, там есть радио или телевизор.

— Не понимаю.

— Ты никогда ничего не понимаешь. Тебе случается слушать радио по средам? Как ты думаешь, что хотят люди услышать в среду вечером? Тираж лотереи, лапша ты, вот кто!

Грацци сказал: — Ладно, ладно, не старайся, что дальше?

— Она не подпрыгнула,— сказал Таркэн,— не проглотила тарелку, не проронила ни слова. Немного повитала в облаках. Так что этот тип даже не заметил ничего и лишь спросил: «Что с тобой? Устала?» Она ответила: «Да нет, цыпленочек, ничего. **Я не совсем уверена».** И это точно, она не была уверена. Ей нужно было оказаться в комнате, и пока тот мирно ложился в кроватку, она проверила свой билетик. Говорю тебе, все именно так и было.

Он раздавил окурок, посмотрел на часы, взял трубку и сказал Грацци:

— Твоя красотка была личностью.

Он хлопнул себя по груди и сказал: — Алло.— Грацци чистил ноготь и вспоминал перемаркированное буквой «Ж» белье, молодую брюнетку, купившую при выходе из отеля в четверг утром газету, дабы убедиться, что она выиграла достаточно, чтобы теперь приобрести новую машину «Дофин» с инициалами, женщину лет тридцати с внимательной улыбкой, которая умудрилась сохранить все — удивление, радость, невозможность закрыть глаза, но только не 700 тысяч франков.

16 часов 20 минут.

Билет 51 708 был предъявлен к оплате неизвестным в субботу 5 октября около 11 часов 30 минут в помещении Национальной лотереи на улице Круа-де-Пети-Шан в Париже.

Кассиры вспомнили человека, немного нервничающего, когда он складывал 7 тысяч новых франков чистыми купюрами в старый сафьяновый бумажник. Они наверняка узнают его. Память на лица входила в их профессию.

Приметы: лет 35—40, длинное лицо, длинный нос, рост 1 м 70 см, шатен, высокая прическа, словно для того, чтобы выглядеть выше ростом, очень худой, бледный, серое пальто, без головного убора.

16 часов 30 минут.

Жуи звонил из бара рядом с домом Гароди. Он следовал за женщиной по пятам. Она сделала покупки в Галерее Лафайета, в лавках на авеню Оперы и улице Лувра, очень быстро, заранее зная, что ей нужно: блузку из джерси, туфли, которые Жуи назвал красивыми, две пары трусиков из нейлона — сиреневые и белые.

— Раз ты это видел, значит, она тебя засекла.

— Да, на улице Лувра. Мы поболтали. Я сказал, что охраняю ее.

— Ты рассказал ей о Риволани и Даррэс?

— Пришлось.

— Что она ответила?

— Что это ужасно, что едет домой. Она действительно вернулась туда. Я напротив дома.

— И оставайся там.

16 часов 35 минут.

Версия комиссара Таркэна: Жоржетта Тома выиграла 700 тысяч франков в Национальной лотерее. Узнала об этом в пиццерии Марселя, но подумала, что не расслышала. Проверила на следующий день в утренней газете.

Замечание следователя Фрегара: — Почему промолчала?

Ответ инспектора Грацциано: — Инициалы на белье, инициалы на дверцах машины, бешеный эгоизм. И вообще зачем трепаться?

Версия Таркэна: кто-то узнаёт в четверг или пятницу, что у Жоржетты Тома есть лотерейный билет стоимостью в 700 тысяч, и тоже покупает билет на «Марсельца», отходящего в пятницу, чтобы следовать за ней. По каким-то причинам красотка задержалась в купе после ухода других пассажиров. Тогда он вошел к ней, убил, забрал лотерейный билет и получил деньги на улице Круа-де-Пети-Шан.

Замечание Фрегара: — Зачем, так сильно рискуя, убивать в поезде?

Ответ Грацциано: — У него ничего не оставалось, как сделать это там. Вероятно, некто знал, что она отправится получать деньги сразу по приезде.

Перевел с французского А. БРАГИНСКИЙ

Продолжение следует.

* Автор дает исчисление то в старых франках, то в новых на два нуля меньше.— **Прим. пер.**

КУВЕЙТ: ПРОГРЕСС И ТРАДИЦИИ

**Владимир НИКОЛАЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора**

РАЗУМ

Молодой социолог, профессор Кувейтского университета Басхив сказал мне, что его отец, бедуин, умер несколько лет назад, так и не научившись читать. А сам профессор, родившийся в шатре кочевника, получил образование в Кувейте и США (точно так же, как и многие тысячи его сверстников).

Совсем немного времени прошло с тех пор, как страна начала свое стремительное движение, можно сказать, от феодализма к современной цивилизации, в этом году она отметила 28-ю годовщину своей независимости. Крошечное государство пользуется всемирной известностью, потому что после Советского Союза и Саудовской Аравии является третьим поставщиком нефти на мировом рынке. Да, судьба послала Кувейту неслыханное богатство. Но не этот дар небес поражает больше всего, когда знакомишься со страной. Поражает то, как вчерашние кочевники, пересев с верблюда в «мерседес», мудро распорядились своим богатством. Это самое сильное впечатление, какое я вынес из Кувейта.

За сорок лет корреспондентской работы я побывал во многих странах на четырех континентах, но нигде не встречал «Фонда для будущих поколений». Он был создан в Кувейте, как только в 1976 году правительство страны установило свой контроль над добычей и реализацией нефти. Ежегодно десять процентов от нефтяных доходов поступают в этот фонд. Забота о детях? Внуках? Нет. По подсчетам, запасы нефти иссякнут лет через двести.

Этот фонд — один из многих примеров той дальновидности, с какой я встретился в Кувейте. Другой аналогичный фонд способствует развитию науки. Это организация не государственная, частная. Она служит прогрессу фундаментальных и прикладных наук (технических, естественных, гуманитарных), финансирует исследовательские работы, выделяет средства на подготовку ученых и на координацию их деятельности (научные издания, конференции, симпозиумы и т. п.). Фонд награждает за выдающиеся достижения в науке и культуре, что-то вроде наших Государственных премий. Откуда на все это деньги? 315 кувейтских компаний ежегодно отчисляют в фонд пять процентов прибыли.

После ознакомления с этим фондом нельзя было не побывать в Институте научных исследований, где в основном и идут в реальное дело деньги, выделяемые фондом. Этот институт — комплекс научно-исследовательских учреждений разного профиля, как бы собранные вместе отраслевые институты нашей Академии наук. Треть специалистов — из Кувейта, остальные — из других стран. В институте я услышал: «Все это стоит больших денег, но мы вкладываем их в самое главное — в людей, ради их блага».

Инвестировать, то есть вкладывать деньги, в бизнес (и с выгодой для вкладчика) — одна из основных задач в деловой жизни страны. С непростой механикой этого процесса я ознакомился в Инвестиционном бюро с помощью его директора Фахада. Он получил образование в Кувейте, Египте и США. Рассказывал он мне и о том, как группа кувейтских специалистов в течение двух лет в Гарвардском университете в США занималась прогнозированием возможных путей развития Кувейта. С таким же вниманием относятся здесь и к перспективам развития многих стран, в которые есть возможность вкладывать деньги, их изучают досконально, чтобы не ошибиться. По-моему, не ошибаются. В этом я имел возможность лишний раз убедиться во время беседы с министром финансов Джасимом Аль-Харафи. Бюджет, инвестиции, резервы — вот главные затронутые им темы. Не без гордости он подчеркнул, что в стране практически нет инфляции и что бюджет сбалансирован. О надежности и устойчивости кувейтской экономики в международном финансовом океане говорил мне и генеральный директор кувейтской биржи Хишэм Аль-Отеби.

Вот один из многих руководителей экономики — министр планирования Абдаль-Рахман Аль-Авади. Родился в 1935 году, учился в Кувейте, Бейруте (в Американском университете), в Шотландии (Абердинский университет), в США (Гарвардский университет). Автор научных работ. Обладатель нескольких научных степеней и званий (в разных странах). По образованию медик. Много лет трудился над созданием системы здравоохранения в Кувейте, был членом Национального собрания, министром здравоохранения. Несколько лет в стране было такое министерство — здравоохранения и планирования, которое он возглавлял.

Во время нашей беседы он как бы спроецировал в будущее все то, что я узнал о сегодняшнем Кувейте. Перспективы богатые и реальные. Все учтено и предусмотрено. Самый большой проект на ближайшие годы — строительство нового города в пустыне.

При разговоре о планах на будущее возникла у нас и такая тема — ресурсы страны (помимо нефти). Как от многих других кувейтцев, я услышал и от министра: «Люди! Интеллект!» Но есть и другие резервы. Кувейт до сих пор завозит к себе со всего мира массу товаров и продовольствия. Планы развития предусматривают, что страна с каждым годом будет все в большей степени обеспечивать себя всем необходимым. В этом с особой наглядностью убеждаешься, когда беседуешь о будущем в Бюро по сельскому хозяйству и рыбному промыслу.

Уже сегодня доля кувейтских продуктов в общем потреблении весьма заметна. В песках создаются оазисы, а в них — фермы. За последние два года их количество возросло с двухсот до тысячи. Я побывал на нескольких фермах в районе Вафры. Более ста километров от столицы едешь по голой и ровной, как стол, пустыне и вдруг попадаешь в зеленый оазис. Деревья, кусты, поля, теплицы, обилие самой современной техники.

Понятно, что сельское хозяйство в пустыне стоит недешево. Но с ростом урожаев цены на продукцию снижаются. «Для нас,— говорят местные специалисты,— это задача стратегическая, мы стремимся к тому, чтобы в будущем обеспечить себя своим продовольствием». Для этого еще ведется большая просветительская и пропагандистская работа, вчерашних кочевников учат вести хозяйство на земле.

Основа агрокомплексов в пустыне — вода и электроэнергия. Они идут в Кувейте вслед за нефтью. Ежедневно по телевидению после сводки погоды сообщают, сколько за день было израсходовано воды и энергии (по сравнению с тем же днем в предыдущем году). Вода — опресненная морская или из глубоких скважин, энергия — от мощных тепловых станций. Все шире разворачиваются работы по использованию солнечной энергии.

Какова же политическая система страны? Это эмират (княжество), основанный в XVIII веке правящей и сегодня династией Сабахов. Кувейт — конституционная монархия, наследственный эмират, но после смерти эмира из числа членов семьи Сабахов избирается новый правитель, то есть нет такого правила, чтобы власть автоматически передавалась старшему сыну эмира. А семья за несколько веков, сами понимаете, сильно разрослась, ее членов в Кувейте встретишь на многих руководящих постах, так что есть из кого выбирать. Есть парламент — Национальное собрание. Во время войны между Ираном и Ираком его деятельность была приостановлена из-за сложившейся обстановки. Политических партий нет. Есть Федерация профсоюзов Кувейта и Союз студентов.

Политический строй прочно переплетен с исламом, который является государственной религией. Но в конституции страны записано, что каждый имеет право на свободу верования. Впрочем, ислам доминирует безусловно. Изумительной архитектуры мечети, одна лучше другой, можно встретить буквально на каждом шагу. Утром молитва муллы, усиленная современными техническими средствами, начинает новый день. Ее же слышишь в полдень и вечером. Молятся всюду, не только в мечетях. Спешат по университетскому коридору бойкие студентки. И вдруг сбрасывают туфельки и исчезают за тонкой перегородкой. Помолятся там несколько минут и продолжают свой путь. Студенты делают то же самое за своей перегородкой, отдельно от девушек.

ЖИЗНЬ

Столица страны покоряет, прямо-таки завораживает каждого, кто с ней познакомился. Это общее мнение. Такое впечатление, что самые изобретательные зодчие со всего мира собрались на свой главный праздник. Гигантский город среди пустыни, не похожий на другие города. Не только учреждения, официальные здания, но и жилые дома отличаются своим оригинальным обликом, и убогих близнецов среди них не встретишь.

Удивляют не только изящество и красота, но и удобство, целесообразность каменных шедевров. Можно подолгу любоваться каждым фасадом, а внутри зданий можно часами, словно в музее, знакомиться с озарениями и находками, которые, разумеется, говорят о мастерстве и вкусе зодчих, но главная их цель — доставить человеку максимум удобств и наслаждения от самого пребывания в этих стенах.

Местные жители предпочитают жить не в больших современных домах, а в своих собственных, как правило, двухэтажных. Дома эти тоже, как игрушки, глаз радуют. И все они — разные.

И еще одна отличительная черта столицы — она непрерывно строится, растет. Если выбирать для нее какой-нибудь символ, то сегодня им, несомненно, будет подъемный кран. Всего два-три десятилетия назад здесь было типичное поселение среди пустыни, будто вросшие в раскаленную землю приземистые слепые дома и бесконечные глухие стены. Сегодня такой Кувейт увидишь только на старых фотографиях.

В изданном в Кувейте в 1988 году «Статистическом обозрении» говорится: «Правительство Кувейта обеспечивает соответствующим качественным жильем граждан Кувейта со средним и низким доходом. Оно также предоставляет им землю и достаточные займы для сооружения своих домов». Мне объясняли, что при постройке жилого дома основную часть расходов берет на себя государство, при этом особое внимание уделяется новым молодым семьям. Так что существующий здесь лозунг «Каждой семье — свой дом» вполне реален, он не обнадеживает, а отражает то, что есть на самом деле. Доходы от нефти используются со смыслом.

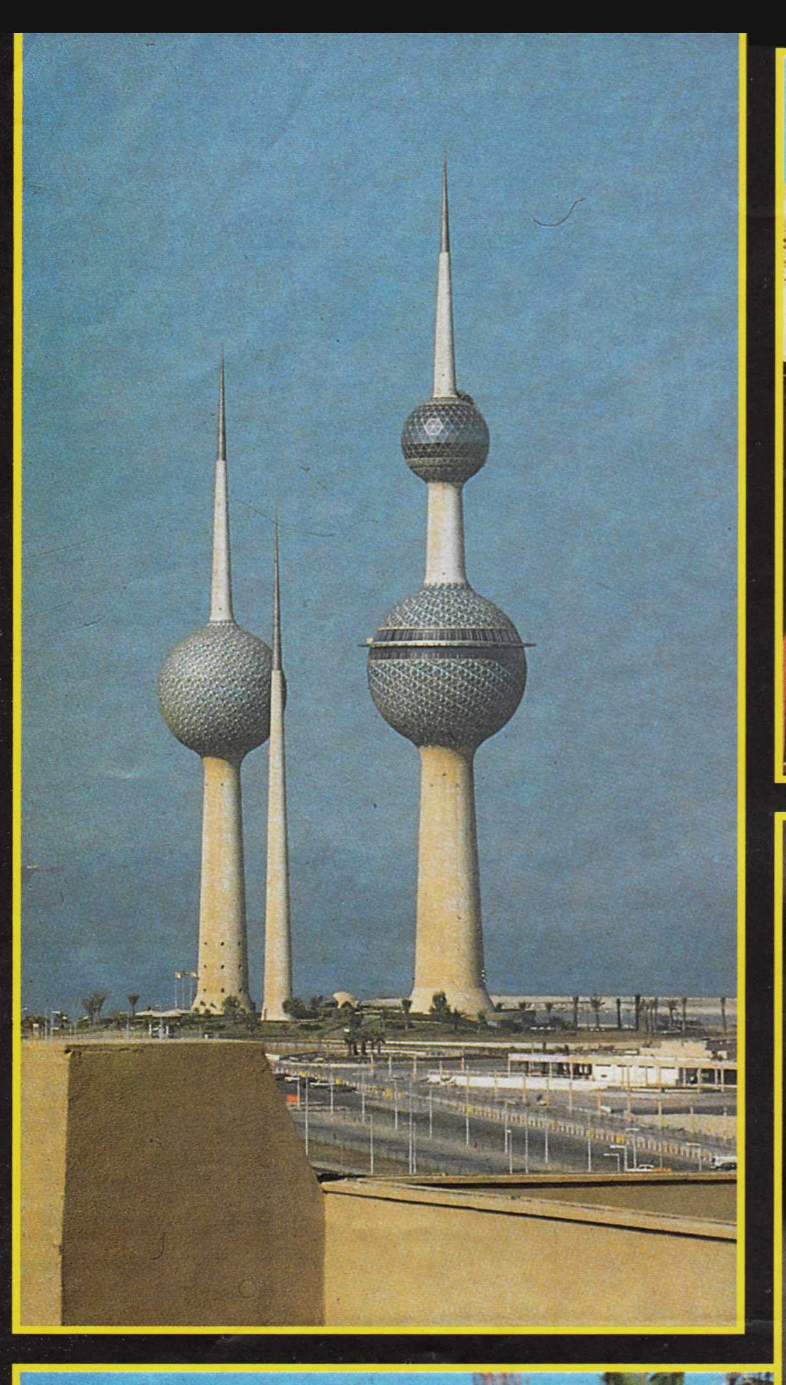
В том же статистическом справочнике говорится: «Широчайшее развитие и распространение системы образования отвечает самым главным задачам страны. Правительство гарантирует образование всем гражданам, начиная от детского сада и кончая университетом». И это там, где совсем недавно образование ограничивалось несколькими школами при мечетях. Полвека назад в стране было только две средних школы. Сегодня все дети в возрасте от 6 до 14 лет обязаны по закону посещать школу. Обучение бесплатное. Причем и в этой системе, как и повсюду в Кувейте, видишь не только основательный глубокий подход, но и широту взглядов, разумное человеческое, а не чиновное, бюрократическое отношение к делу. Так, большинство школ государственные, но есть и частные. В последних учится более

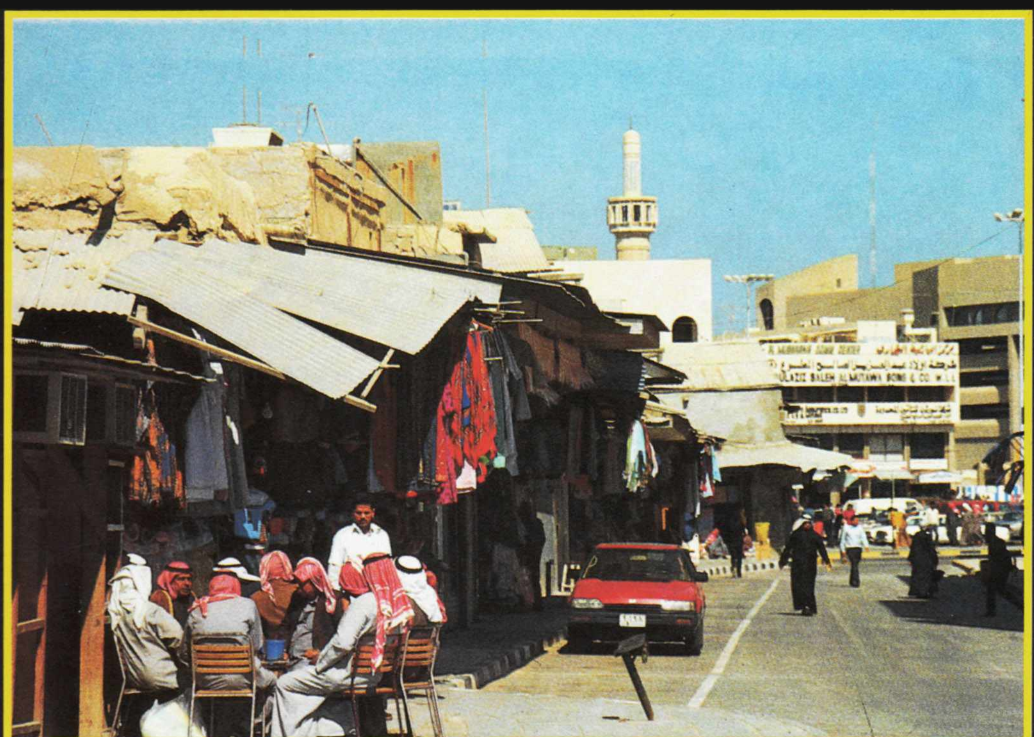
Кувейтские башни: символ страны.

Водители такси на стоянке.

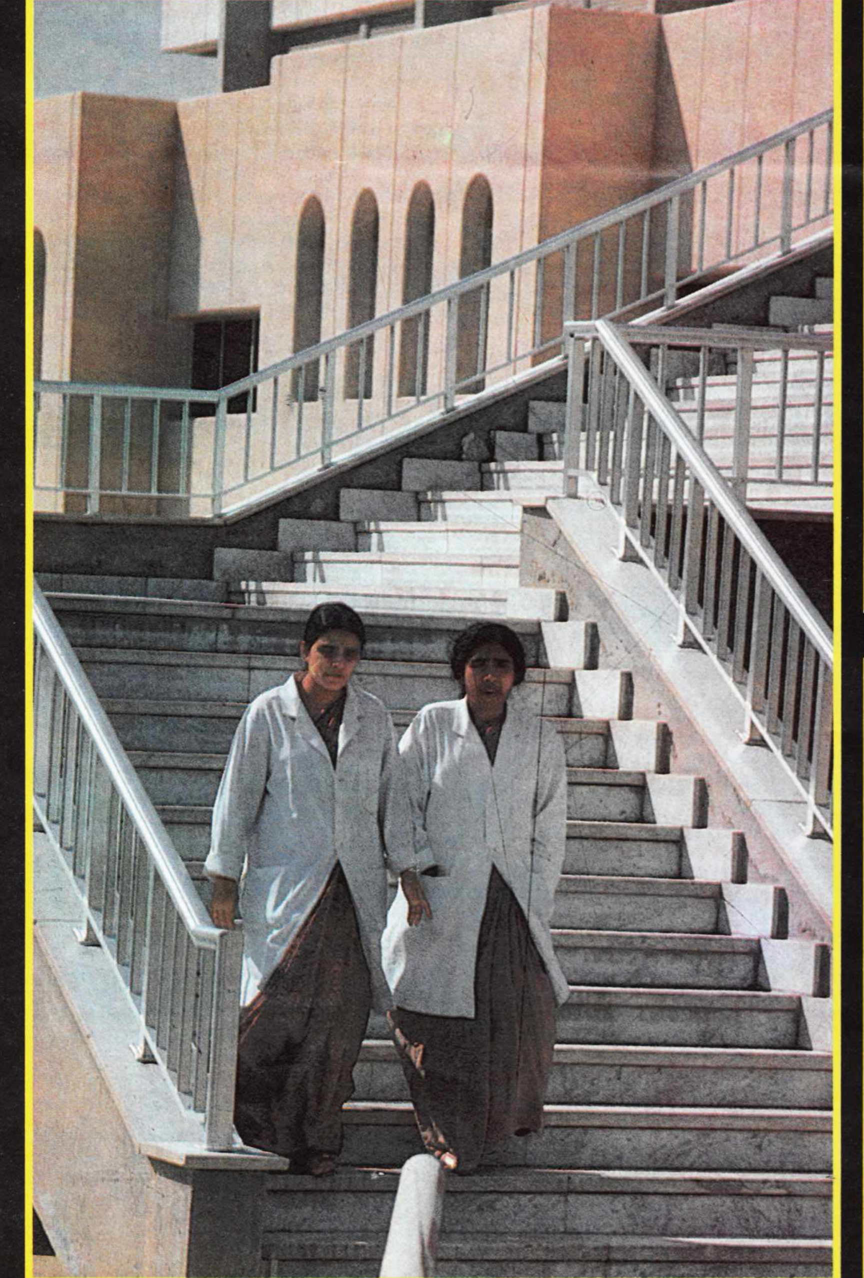
Последние остатки старого города.

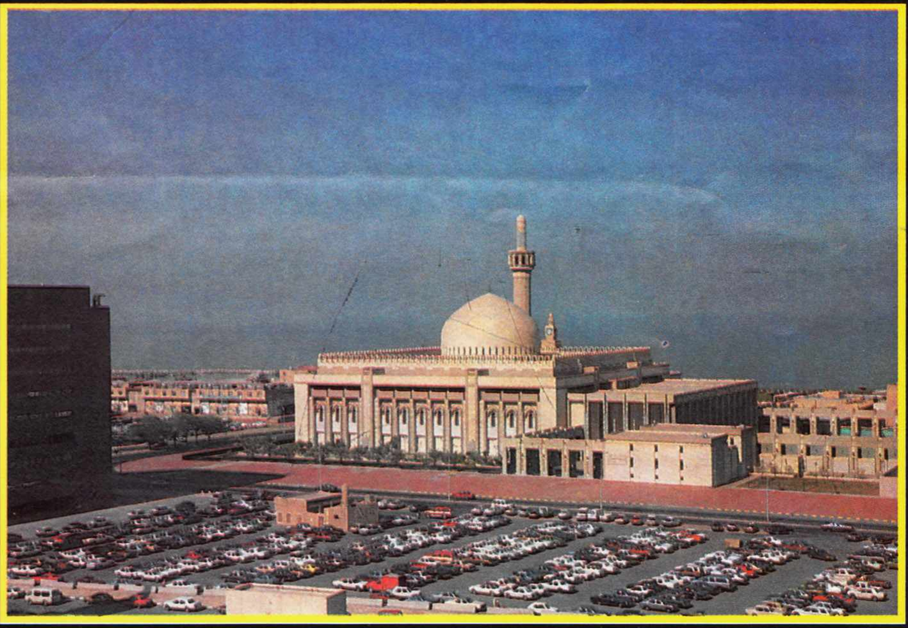
Молодежь.

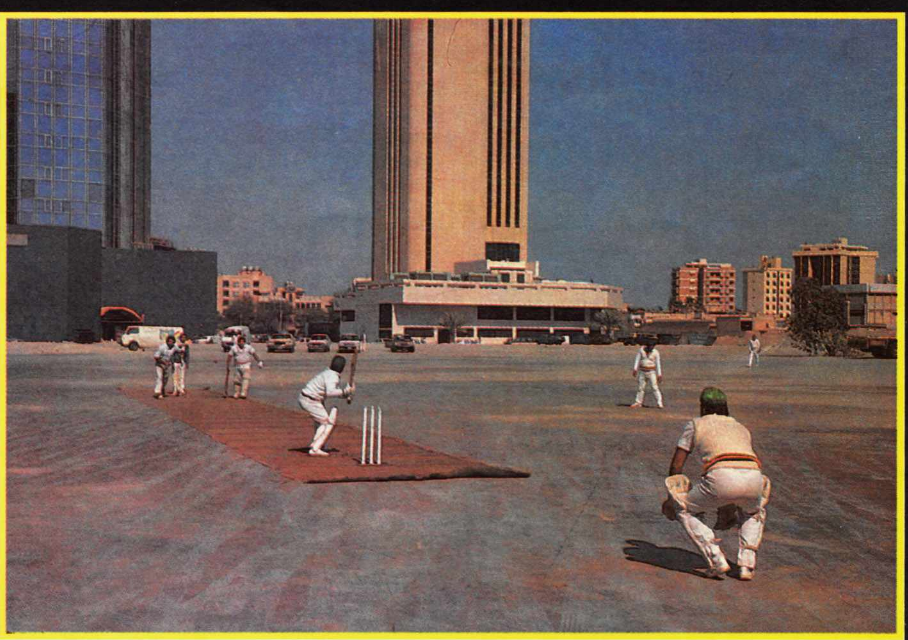

100 тысяч школьников, из них 60 тысяч детей местных жителей, а 40 тысяч — иностранцев (всего в стране более чем полмиллиона учащихся, то есть почти треть населения).

Обращают на себя внимание творческий подход к образованию и воспитанию детей, постоянный поиск, отсутствие застывших форм. Школьники втягиваются в широкий круг деятельности помимо занятий в классе. Их пытаются не только накачать знаниями, а приобщить к общественной жизни, пробудить в них чувство собственного достоинства и ответственности. Их привлекают к работе школьной администрации, что, кстати, дает учителю дополнительное время для участия в самом процессе обучения. У детей стараются не подавить естественные наклонности, поощряют развитие их интересов, то есть то, что у нас зовется внеклассной работой, здесь второстепенным элементом не является.

В стране успешно ликвидируется неграмотность. Именно эта государственная программа служит прочной основой для всей системы образования. В 1981 году был принят закон о полной ликвидации неграмотности. Сегодня в этой системе работает более ста учебных центров.

Помимо всеобщего среднего образования, есть так называемые специальные институты, в которых вчерашние школьники осваивают технические навыки. Учеба и общежитие в них бесплатные, каждый учащийся получает ежемесячно стипендию в 150 кувейтских динаров (один динар равен 3,6 американского доллара). Лучшие студенты этих институтов продолжают образование за счет государства за рубежом.

Довольно подробно познакомился я с Кувейтским университетом. Он был основан в 1966 году. Сегодня в нем — 17 тысяч студентов, около 900 профессоров (треть из них — кувейтцы). За годы существования университета сотни его выпускников дополнительно учились в США, Англии и других странах (за счет государства).

Несколько часов я провел на медицинском факультете и в университетском госпитале. Я не специалист, но повидал в разных странах немало лечебных учреждений, особенно в США. Казалось бы, видел последние достижения науки. Но факультет и его госпиталь меня просто ошеломили своей организацией, чистотой, порядком и оборудованием. Кстати, даже госпиталь (обыкновенная, казалось бы, больница!) расположен в огромном здании, которым нельзя не любоваться.

И на каждом шагу сталкиваешься с новым для тебя подходом к делам, казалось бы, обычным, давно устоявшимся. Например, на медицинском факультете все экзамены (во время учебы и выпускные) принимают не университетские профессора, а иностранные, специально для этого приглашаемые.

Все жители государства Кувейт (не только его подданные) пользуются бесплатным медицинским обслуживанием.

Проблемы, связанные со снабжением населения продовольствием и товарами, я не поднимаю в этом очерке, потому что в Кувейте их нет. Не видел я там нищих и бездомных, каких встречал во множестве в других жарких странах. Есть, разумеется, и в Кувейте свои проблемы, о них я скажу ниже.

...Сегодня в Кувейте редко встретишь женщину с закрытым лицом. И нет такого закона, по которому она должна отгораживаться от людей темным покрывалом. Но есть семьи, где этот обычай еще существует. Тут все решает слово старшего в семье.

А так в школах и даже в университете количество школьниц и студенток несколько превышает число представителей сильного пола. Часто можно видеть женщину на таких постах, на каких раньше ей и не снилось быть.

С университетом меня знакомила его проректор Раша Ас-Сабах. Женщина средних лет, уроженка Кувейта. Училась в Кувейте и США. Специализируется на итальянской литературе эпохи средневековья. По нашим понятиям — доктор наук, защитила диссертацию в 27 лет. Знает языки: арабский, английский, французский, итальянский, испанский, немецкий, латынь. Автор многих научных работ. И очень интересный собеседник. От нее я узнал о многих проблемах, житейских делах.

Есть студенты, их большинство, весьма консервативных, с западной точки зрения, взглядов на женщину. Так, студентки и студенты питаются раздельно, в разных половинах кафетерия, не говоря уже о том, что молятся врозь. Впрочем, это в студенческой среде еще обсуждается, а вообще в порядке вещей. В ресторане в одном банкетном зале собираются мужчины, в другом женщины (из одной семьи, компании, по одному поводу). Я заглядывал к тем и другим. И тут, и там — весело.

В то же время заработная плата за одну и ту же работу у женщин и у мужчин одинаковая.

Практически нет многоженства. Но по традиции жена не чувствует себя в семье столь же свободно, как ее муж. Одной ей не следует выходить из дому и т. п. Сохранилось и традиционное для Востока почтение к старшим по возрасту (по-моему, и к мужчинам, и к женщинам).

В Кувейте уже больше ста кувейтско-русских семей. В общем, наши женщины так или иначе попадают под влияние традиций, далеких от нашего понимания равноправия. С другой стороны, им не нужно нести на своих женских плечах мужские тяготы. Да и положение их (не только русских) зависит от морального климата в каждой конкретной семье.

Традиции, которые на первый взгляд могут нам, иностранцам, показаться, мягко говоря, странными, при ближайшем рассмотрении не так уж смущают вас.

Подружился я там с одним врачом. Жена у него русская, двое сыновей. Я спрашиваю его, как он к ней относится. Оказывается, примерно так же, как и большинство его соотечественников к своим кувейтским женам, то есть, судя по нашей морали, строго ее держит. Например, не нравится ему, если она одна на машине хотя бы на рынок поедет. А из дальнейшего разговора с ним узнаю, что летом, в самые жаркие месяцы, жена с сыновьями ездит на родину, к нам. Я говорю ему, что такая поездка посерьезнее, чем одной — на рынок. Как же он, муж, решается ее отпускать? А он, изумленно глядя на меня, отвечает: «А как же иначе?! У нее там папа и мама».

Еще немного о женщинах сегодняшнего Кувейта.

Балкис Аль-Наджар — директор Центра по изучению языков при Кувейтском университете. Очаровательная брюнетка средних лет в модных очках и прекрасно сшитом европейском костюме. Училась в Кувейте и США. Пост у нее видный. В Центре — более 12 тысяч студентов, это одно из самых крупных учебных заведений такого профиля в арабском мире. Центр отвечает за изучение английского и французского языков на разных факультетах университета, а также за изучение арабского иностранными студентами. Недавно здесь начали изучать и русский язык. Мы долго беседовали с Балкис, причем не только об учебных делах. От нее я узнал немало о больших переменах к лучшему в судьбе кувейтской женщины и в обществе в целом. Оптимизм и уверенность в будущем — вот, пожалуй, чем окрашены ее высказывания.

Вафа — глава пресс-бюро Кувейтской биржи. Понятно, что при финансовом могуществе страны биржа является одним из ее столпов, и я с удивлением увидел молодую женщину во главе пресс-бюро. Вафа говорит, что ее отец был против этой работы, но она поступила по-своему. Это тоже новая примета. Кстати, она сказала мне: «Я убеждена, что, в принципе, женщина, как правило, на любом месте может работать лучше, чем мужчина, то есть с большей пользой для дела».

В Кувейте я познакомился с двумя журналистками — англичанкой и француженкой. В беседах со мной они горячо возмущались положением местных женщин, жизнь которых, разумеется, отличается от современных западных нравов. Но я не разделяю запальчивости обеих моих собеседниц. Все-таки в Кувейте по отношению к женщине, на мой взгляд, сделано уже гораздо больше, чем еще предстоит сделать. И процесс этот идет поступательно, шаг за шагом, эволюционно. Думаю, что революционные преобразования в данном случае пользы не принесли бы.

Что еще сказать о жизни кувейтцев? Есть у них одно общее пристрастие — автомобиль. Их здесь видимо-невидимо! Говорят, что каждый уважающий себя кувейтец одним не ограничивается. Машины современные, быстрые, особенно на загородных шоссе (150—200 километров в час). Не только я обращаю на это внимание. В еженедельнике «Уикэндер» публикуется статья «Почему мужчины за рулем становятся тиграми». Это публицистическое и психологическое исследование посвящено тому, что на языке ГАИ в любой стране называется автолихачеством. К нему здесь относятся строго.

С виду спокойные, с чувством собственного достоинства, кувейтцы могут демонстрировать свой южный темперамент не только за рулем. На футбольном стадионе тоже. Во-первых, сами игроки. Весьма быстры и техничны, но очень эмоциональны. И зрители тоже переживают все перипетии игры бурно. Видел я матч между сборными Кувейта и Объединенных Арабских Эмиратов. В напряженном, нервном и трудном матче команда Эмиратов победила со счетом 1:0. На поле были стычки. Двоих игроков унесли, одного удалили, штрафных было множество. Стадион негодовал. А через несколько дней был уволен бразильский специалист, тренер сборной (шестой подряд за семь последних лет!).

Но все же гораздо больше ситуаций, в которых кувейтцы демонстрируют свойственную им достойную сдержанность. В этом убеждаешься, побывав на дивании — традиционных мужских посиделках. Десятки родных и знакомых приходят в дом, в гости, в течение целого вечера сидят беседуют, пьют чай или кофе из крошечных чашечек. И уходят не все сразу. Кому сколько нужно, тот столько посидел — и ушел. Вот на такую диванию пригласил меня в свой дом министр внутренних дел шейх Салем.

В большом зале (в нем спокойно можно играть в баскетбол), застланном ковром, сидят по стенам два-три десятка мужчин. Роскошное убранство, превосходная мебель. Сам дом министра — очень большая вилла или небольшой дворец. Правда, тут надо учесть, что он член королевской семьи (шейх). Все беседуют со своими соседями, а один из гостей — с хозяином. Потом к главе дома подсаживается еще кто-нибудь, но тоже ненадолго. Все — степенно, чинно.

Кстати, пьют только чай и кофе, поскольку в стране «сухой закон». Нигде не продают спиртного (даже пива!): ни в магазинах, ни в ресторанах. Правда, в домах оно есть. «Как же так?!» — спрашиваю я. Отвечают: «В законе записано, что нельзя продавать алкоголь, а больше ничего не записано». Словом, при желании и при деньгах выпить можно и в Кувейте, но пьяных на улице я там не видел ни разу.

В кувейтской газете я прочитал, что население страны достигло 1,9 миллиона человек. Не так уж много даже для небольшой страны? Не в этом дело, а в том, что кувейтцы составляют только сорок процентов ее жителей. Остальные — представители, как утверждает статистика, 120 стран, в основном арабских, азиатских и африканских. Приезжают на время, главным образом по контракту — на заработки. Сюда многих гонит нужда, в Кувейте они находят возможность как-то поправить свои дела, помочь близким на родине. Они нужны быстроразвивающейся стране, но она маленькая, поэтому поток этот приходится ограничивать. В стране есть тенденция постепенно сокращать процент рабочей силы из других стран, что вполне реально при растущей рождаемости местного населения и улучшении его условий жизни, включая медицинское обслуживание.

Но условия жизни временных кувейтцев хуже, чем у местных жителей, а стать им гражданами Кувейта очень трудно (уж больно мала страна). Поэтому неизбежны на этой почве неудовольствия и трения. Во время моего пребывания в Кувейте газеты несколько раз сообщали о протестах индийских рабочих, даже о забастовках.

Из внешнеполитических проблем в Кувейте, по-моему, на первом месте стоит вопрос об арабском единстве. Об этом много пишется и говорится. В силу своего экономического могущества и трезвой внешней политики страна пользуется немалым влиянием в арабском мире, а ситуация в регионе, к сожалению, сложная. Поэтому в последнее время в разных странах региона все чаще ставят вопрос об укреплении не только политических, но и экономических связей, о создании общего рынка арабских стран.

Серьезной является и проблема безопасности в связи с общим напряженным положением в регионе, на него не могли не наложить негативного отпечатка и годы ирано-иракской войны. Посольства, многие государственные и общественные здания усиленно охраняются. Случались и террористические акты. Правда, по незнакомой тебе столице ходишь один совершенно свободно и спокойно, ощущаешь, что за порядком и безопасностью смотрят внимательно.

И в заключение немного о наших связях с Кувейтом. Во время моего пребывания там наша делегация нефтяников во главе с министром В. Динковым вела переговоры с кувейтскими коллегами. Это было уже не начало, а продолжение сотрудничества. Например, недавно был заключен с нашим «Техноэкспортом» контракт по установке оборудования на кувейтском нефтеперерабатывающем комплексе. Во время недавней ирано-иракской войны Кувейт нанял у нас танкеры для более безопасной транспортировки нефти. Одновременно с нашими нефтяниками в Кувейте находилась делегация Московского университета, которая подписала соглашение о расширении уже имеющихся связей между двумя учебными центрами. А вообще Кувейт был первой из стран Персидского залива, которая установила отношения с нашей страной (вскоре после обретения им независимости в 1961 году).

Много, подробно и объективно пишет кувейтская пресса о нашей перестройке, о жизни нашей страны. В одном из номеров местной газеты я насчитал сразу шесть сообщений о Советском Союзе (от политики до литературы).

Мои кувейтские встречи начались с беседы с министром информации шейхом Джабером. Он говорил о гласности в Кувейте, о демократичности и доброжелательности его общества, о гармонии прогресса с национальными традициями страны. Во всем этом я убедился, находясь в Кувейте, встречаясь с кувейтцами. Теперь я знаю, что у нас есть еще один далекий близкий друг, с которым нужно крепить и расширять наши связи.

Кувейт — Москва.

Персидский залив.

Студентки-медички.

В центре столицы.

Уличный бейсбол.

ТРАГЕДИЯ В НОРВЕЖСКОМ МОРЕ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Ваиз ЮНИСОВ
Фото А. ЗАХАРОВА

Весенними вечерами североморцы собираются в ДОФе (Доме офицеров флота) и смотрят спектакли «Свалка» и «Темная история». А в иные дни, когда сцена освобождается, матрос-механик раздвигает занавес и автоматически опускает киноэкран — на днях, например, жителям города показали дошедший, наконец, и до северных окраин советский боевик «Воры в законе». Был полный аншлаг, и люди выходили на свежий воздух, закуривая после просмотра, и толпами направлялись по главной улице Североморска в сторону залива, где у морвокзала застыл в камне Алеша — неизвестный матрос, защищавший Заполярье. Не спектакли, увы, и не фильм обсуждали люди и не о закрученном киносюжете спорили. О другом. Почему в мирное время так мужественно и так нелепо погибли североморцы-подводники? Как такое могло случиться, что перспективная атомная подводная лодка «Комсомолец» не удержалась на плаву? Будут ли ее доставать с глубины 1500 метров?

«Американцы смогли бы провести операцию по подъему лодки за три дня. У нас же нет таких техсредств» — такое мнение бытует в среде моряков, специалистов водолазно-подъемных работ.

Слухи, догадки, споры...

Выступление в программе «Время» вице-адмирала, члена Военного совета Северного флота С. Варгина вызвало, прямо скажем, недоумение. И не только у людей флотских. И не только у североморцев. Он заметил, что сейчас изучается возможность подъема лодки с целью установления причин аварии. Неужели это главный и один-единственный повод предстоящего и возможного подъема корабля? Зачем же сейчас, когда весь мир знает, что субмарина была одной из глубоководных и что на ней разрабатывались новейшие направления науки и техники, еще (в который раз!) зашторивать вопрос о ее уникальности — читай, секретности?

Мы столько лет жили под немым знаком секретности! И только теперь, когда случилась серьезнейшая за всю историю наших атомных подводных лодок авария, узнаем, что из затонувших за 30 лет (начиная с 1959 г.) по разным причинам это пятая по счету; три погибшие атомные подводные лодки принадлежали Северному флоту, две — Тихоокеанскому. Причем одна из них тонула дважды.

...В тот день, 7 апреля 1989 года, подводный корабль «Комсомолец» возвращался из автономного похода на небольшой глубине. Пожар, как предварительно установила правительственная комиссия, произошел в 11.02 «по Москве» вследствие короткого замыкания. Сначала в 7-м, а затем и в других отсеках. После аварийной тревоги, как рассказывает офицер Б. Коляда, атомная энергоустановка была заглушена, и лодка всплыла на поверхность. «Пожар полыхал уже везде: на боевых постах горела проводка, силовые щитки,— вступает в разговор инженер вычислительной группы лейтенант А. Третьяков,— взрывались на глазах, и ребята буквально голыми руками их отдирали, чтобы хоть как-то ликвидировать очаги пламени». Замечу, все это происходило при задраенных наглухо отсеках — таков порядок подводной службы. И не будь инструкции, смысл которой «умереть, но не допустить проникновения огня в соседний отсек», лодка погибла бы гораздо раньше.

Действуя согласно инструкции и выполняя свой воинский долг, самыми первыми погибли старший матрос из трюмной команды Н. Бухникашвили и мичман В. Колотилин.

О том, с каким пожаром вступили в схватку моряки-подводники, свидетельствует начмедслужбы «Комсомольца» старший лейтенант Л. Заяц:

— Одного за другим аварийные партии вытаскивали обгоревших и угоревших моряков на мостик. Когда ребят пробовали вынести на свежий воздух, у них вместе с тельняшками слезала кожа. Сильно пострадали моряки из 5-го и 6-го отсеков, с трудом удалось «откачать» корабельных коков. Индивидуальные дыхательные аппараты (ИДА), как выяснилось на пожаре, оказались не совсем пригодными. Они помогли, безусловно. Но не в такой степени, чтобы можно было долго находиться в удушливой среде, хотя предполагалось, что эти дыхательные аппараты — серьезная защита от удушья. Я, к примеру, надев ИДА, почувствовал себя плохо минут через пятнадцать. А через 20 минут три моряка потеряли сознание в масках.

Многие из тех, кому 7 апреля посчастливилось выжить, рассказывали мне в военно-морском госпитале Североморска, что ИДА — крайне неудобное в экстремальной обстановке средство защиты: два баллона, мешок с воздухом и маска, которую редкий моряк сможет надеть быстро. Начмедслужбы Леонид Заяц, переживший эту драму, видел, как и отчего погибали моряки:

— Утонули физически ослабленные от удушливого газа и не умевшие плавать.

Конечно, не команду и не руководство Северным флотом следует винить в плохих ИДА — тех, кто их проектировал, разрабатывал, тиражировал на весь ВМФ СССР. Компетентная комиссия тем не менее заявила прессе, что корабль был технически исправным и подготовленным к дальнему плаванию. Атомный реактор? Да. Ядерные торпеды? Да. Но никак не ИДА, которые являются частью аварийно-спасательного имущества корабля. И от этой части зависит, пожалуй, не менее важное: жизнь и здоровье моряков, в конце концов их боевая задача в данной ситуации — борьба за живучесть родного корабля.

Но что было дальше?

Подлодка примерно час как раскачивалась на волне. Дым и пар из 7-го отсека стелились по морю. Экипаж, возглавляемый капитаном 1 ранга Евгением Ваниным, продолжал тушить огонь на борту.

Из разговора с мичманом и комсоргом «Комсомольца» Александром Копейко я понял, что сигнал бедствия в штаб Северного флота был подан не сразу после всплытия на поверхность. Те минуты молодому мичману вспоминать трудно: в глазах тревога, и пальцы быстро-быстро перебирают пуговицы коричневого госпитального халата. Еще свежа в памяти трагическая гибель «Адмирала Нахимова». (Саша тогда учился в Одесском техникуме, сам читал и думал о трагедии в Черном море много. Но все равно пошел в моряки. Правда, никогда не мог предположить, что и с ним такое может случиться. Но вот это случилось.) И на борту Александр себя вел не так, как старший пассажирский помощник и парторг «Адмирала Нахимова», который в трудный час бросил экипаж и партийные документы.

— Мы пересекли 72-ю широту. Радистам я сообщил наше месторасположение,— вспоминает мичман.— А они начали передавать закодированные сигналы бедствия в Североморск. Было это, если не ошибаюсь, в 12.26.

— Вы подали сигналы SOS?

— Нет. Военные моряки не используют сигнал SOS. Именно поэтому ни одна из спасательных служб Скандинавии не расшифровала сигнал лодки о пожаре.

Прав Александр Копейко. Командир Ванин не имел полномочий дать открытый международный сигнал без приказа. Но почему этого не сделало руководство ВМФ?

...Уже подсчитано: с момента передачи по спутниковому каналу сигнала бедствия прошло 4 часа 49 минут. Время вполне достаточное для того, чтобы подоспеть к горящей лодке и спасти моряков. В этой ситуации мы могли бы обратиться к норвежским властям, ведь уже существует межправительственное советско-норвежское соглашение о предоставлении помощи гражданам двух стран, оказавшимся в экстремальной ситуации на море. Есть и многосторонняя Конвенция об охране человеческой жизни на море 1974/78 года. Более того, в Мурманске и норвежском Буде специально для этого созданы аварийно-спасательные штабы. Уверен, мы оказали бы помощь — и незамедлительную,— если б норвежская подводная лодка терпела бедствие где-нибудь у Земли Франца-Иосифа.

Почему же мы не обратились? Боязнь рассекречивания? Надежда штаба Северного флота на собственные силы? На днях между тем журнал «Штерн» дал рисунок подлодки в разрезе, репродукцию этого рисунка опубликовала «Комсомольская правда». Какая уж там секретность! Западногерманские журналисты, как ни странно, весьма прилично осведомлены о подводных делах ВМФ.

Если подсчитать: из Буде к месту гибели «Комсомольца» на средненьком спасательном судне — 1,5—2 часа ходу. В Буде узнали о драме, случившейся в 180 километрах юго-западнее острова Медвежий... через 12 часов после пожара и спустя 6,5 часа после гибели нашего корабля.

Люди флотские уверены: на обычный радиосигнал бедствия подоспело бы обычное норвежское судно, которому нет никакого дела до сверхсекретности подводной лодки. По крайней мере не было бы стольких человеческих жертв, погибших в ледяной воде, не было бы мужества во имя спасения своей жизни и жизни товарищей по команде.

Забегая вперед, отмечу: в Главном центре спасательной службы (Северная Норвегия) крайне удивлены тому, что сигнал о пожаре и эвакуации не был дан в обычном порядке, как это принято в международной практике,— а в закодированном виде и на национальных частотах. Норвежцы считают, что штаб Северного флота, видимо, недооценил

всю сложность обстановки, в которой оказалась лодка.

Через 15 минут после ее гибели министр обороны Норвегии Ю. Й. Хольст получил информацию о пожаре на нашей лодке по военным каналам. Его действия спустя несколько дней будут обсуждены в парламенте и оценены как пассивные, поскольку он не принял мер по спасению советских моряков.

Как же оценить действия штаба Северного флота, с которым в трудный час связался командир подлодки капитан 1 ранга Е. Ванин? Если не считать, что штаб полагался исключительно на свои силы, то, кажется, грамотно, оперативно: в воздух экстренно была поднята авиация, а в район о. Медвежьего вышли самые скоростные корабли ВМФ СССР, в том числе и атомный крейсер «Киров», и спасательный корабль «Карабах». Самыми «близкими» к месту трагедии оказались гидрографическое судно «Колгуев» и плавбаза «Алексей Хлобыстов» (спасенные наши подводники добрым словом отзываются об экипаже плавбазы — моряки вернули моряков к жизни, окружив потерпевших теплом и человеческой заботой).

Но до помощи еще было, ох, далеко. «Комсомолец» еще держался на плаву, и все, кроме 7-го, отсеки подводники потушили. Что происходило в роковом 7-м отсеке — установит компетентная комиссия, но тогда, когда почти вся команда в ожидании помощи находилась на палубе, помогая раненым и отравившимся товарищам, этот отсек доверия не внушал: от него по-прежнему шел пар, и вокруг кипело от перегрева море. К 7-му подключили противопожарную систему ЛОХ (лодочная объемно-химическая), но попытка ликвидировать очаг всей аварии оказалась тщетной.

Старший лейтенант В. Грегулев, начхимслужбы подлодки:

— Помню момент, когда лодка стала неожиданно заваливаться кормой вниз. Я тогда еще подумал: молодцы всетаки ребята Сергей Дворов и Игорь Орлов, успевшие заглушить атомную энергоустановку. Мы стали прыгать в воду — из-за сильного дифферента стоять на палубе уже не представлялось возможным. Кто-то крикнул: «Плоты — на воду!»

Плоты «Комсомольца», как выяснилось в считанные минуты, и те оказались не приспособленными к оперативному спуску. Семен Григорян, мичман, пробовал это сделать с 1-м плотом. Спассредство, рассчитанное на 20 человек, никак не отсоединялось, и минуты, нервные и торопливые, для Семена вылились в часы. Крепеж, наконец, уступил силе, приложенной мичманом, и плот соскочил в воду. У моряков была надежда, что он вот-вот автоматически заполнится воздухом, но он не «раскрывался» и быстро уплывал в море. Семен бросился ко 2-му плоту, но и его не удалось спустить на воду, как полагается: крепеж держал плот по-предательски мертво. Семен потерял все надежды и подумал, что если плот не отсоединится от лодки, то он вместе с кораблем пойдет на дно. «Все равно — конец!» — подумал мичман и мертвой хваткой вцепился в крепеж. Сильная волна, хлынувшая через палубу, выбила моряка вместе с плотом. Раскрылся плот почему-то вверх днищем.

Моряки, облепившие 100-килограммовую «посудину», и не пытались ее перевернуть в нормальное положение. В ледяной воде — занятие бесполезное. Оперативно, грамотно провели спасательную операцию летчики ВМФ. К погибающей лодке они прибыли вовремя. Но что они могли сделать там, на высоте, для тех, кто еще держался в море?

Экипаж майора Г. Петроградских установил стабильную радиосвязь с кораблем и поддерживал с ним непрерывные переговоры о текущем моменте. На протяжении почти 4 часов. Переговоры летчики репетовали на материк. В момент возникновения пожара с лодки было сообщено, что экипаж готов самостоятельно бороться за живучесть, есть жертвы. Чуть позже командир Е. Ванин высказал несколько просьб, которые были связаны с доставкой дополнительных противопожарных средств, с возможной отбуксировкой подлодки. Ближе к 17.00 сообщения стали более тревожными. А потом с «Комсомольца» поступило сообщение о срочной эвакуации...

Повторю: летчики сделали почти все, что от них требовалось. Именно они по рации и выстрелами из ракетниц выведут к месту трагедии суда, сбросят в море свои спассредства.

«Было сброшено три плотика,— поделились со мной в Главном управлении кораблестроения ВМФ СССР.— Но ни один не раскрылся».

Почему?

Аварийная лодка быстро уходила под воду. К тому времени лишь четыре человека шли по списку погибших от пожара. Остальные 38, оставшиеся выживать в море, умрут от переохлаждения, разрыва сердца, утонут. Вечная им память, до последнего мига не бросившим боевого поста!

В 17.15 субмарина скрылась под водой, унося в своем чреве шестерых моряков, включая и командира Евгения Ванина. Впятером они успеют перебраться во вспомогательную камеру, которая является составной частью подлодки и приспособлена к катапультированию с глубины в экстренных случаях. Шестой, капитан 3 ранга Анатолий Испенков, так и погибнет, застигнутый врасплох волной, в самой лодке.

Пятеро остались во вспомогательной камере, рассчитанной по количеству мест на весь экипаж. Стрелка глубиномера двигалась вниз: 50 метров, 100, 200.

Командир:

— Виктор, отсоединяй купол. Иначе так и утонем с лодкой.

Мичман Виктор Слюсаренко (единственный оставшийся в живых в камере) пробовал отсоединить купол, но столкнулся с тем же, с чем и Семен Григорян в истории с плотиками. Камера-катапульта будто вросла, вспоминает Виктор, в корпус. «Отказ гидравлики? Может, механизм отсоединения заклинило?»

Командир торопил:

— Еще немного, и нас раздавит море.

Камера никак не отсоединялась, а шла вместе с лодкой на дно. Стрелка глубиномера показывала уже 250, 300 и, задрожав, остановилась на 400. В этом замкнутом пространстве, под невообразимо дикой толщей воды, как специально — могли спастись все — лежали 5 спасительных комплектов небезызвестных ИДА. На такой глубине, при сильном перепаде давления на всплытии их необходимо надеть, иначе — мгновенная смерть.

Маски успели надеть лишь двое.

— Я так думаю, что мы были на глубине 600 метров, когда, по мнению командира, стали взрываться переборки между отсеками,— рассказывает Виктор.— Сильный взрыв всколыхнул всю лодку, и некоторые из нас попадали. Взрыв, должно быть, и отсоединил нас от тонущего корабля. Мои товарищи не успели надеть масок — и погибли. На моих глазах погибли, понимаете! А камера, как поплавок, летела вверх...

Кто испытывал не готовую к экстремальной ситуации камеру всплытия?

Мичман А. Копейко:

— Я этот взрыв чувствовал ногами. Да и все мы, кто был на плотике, почувствовали ударную волну. Подумали: лопнул наш резиновый плот. Конец, стало быть. Ощупали плот — вроде порядок. Потом кто-то видел, как всплыла и тут же, видимо, черпнув воды, ушла на дно камера-купол.

...В этот миг Виктору Слюсаренко удалось выбраться из купола. Но каким образом сумел моряк проплавать в Норвежском море автономно от плотика?

— Он у меня сильный,— Ольга Слюсаренко, жена Виктора, вся в слезах от радости,— и хороший пловец. Южный Буг переплывает спокойно.

...В 18.20 по московскому времени 30 моряков, оставшихся от экипажа погибшей подводной лодки, были подняты на борт плавбазы «Алексей Хлобыстов». Живых, спасенных из ада, останется всего 27.

Не много ли жертв ради живучести суперсекретного подводного корабля? Да и была ли действительно подготовлена лодка в техническом отношении, в мелочах, которые для многих оказались роковыми?

Североморск — Мурманск.

Фото Игоря ГАВРИЛОВА

ОСОБЫЙ РАЙОН

Обозреватель «Огонька» Анатолий ГОЛОВКОВ вернулся из командировки по Закавказью, побывав в Нагорном Карабахе и Грузии. Предлагаем первый из его очерков.

«Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут».
(Нагорная проповедь. От Матфея, гл. 5, стих 7)
«И когда Мы даем вкусить людям милосердие, они радуются ему».
(Коран. Сура 30. Румы, 35)

Когда нас собрали в одну колонну, мы пошли рядом под гипнозом святой мечты о всеобщем равенстве, братстве и счастье.

И пришли мы к новому времени, когда наконец обрели иное зрение. И увидели совсем другими мир, и нашу дорогу, и самих себя на этом долгом пути...

СТЕПАНАКЕРТ. ВЕСЕННИЙ ПЕЙЗАЖ 1989 ГОДА.

Человеку, впервые попавшему в этот город, ко многому приходится привыкать, многое открывать для себя заново. Нужно усвоить, что вы не просто в другом регионе Союза, а на территории, живущей по своеобразным законам. Что власть тут принадлежит не облисполкому, не обкому партии, а Комитету особого управления НКАО... Что въехать в зону можно лишь по паспорту или по специальному пропуску военной комендатуры... Что, если вам предлагают остановить машину, лучше не искушать судьбу и нажать на тормоза... Что с часа ночи до пяти утра — комендантский час... Что рослые ребята в пятнистых комбинезонах, касках и бронежилетах — суровая реальность Особого района.

Степанакерт живет спокойной жизнью. Посмотришь со стороны — будто бы и не было ничего. Не было шумных демонстраций и митингов. Будто бы бледного, трясущегося от страха человека по фамилии Кеворков, от одного взгляда которого некогда съеживалось все живое в радиусе километра, не уговаривали среди ночи прийти в горком партии, окруженный толпой, под охраной милиции, чтобы он, первое лицо в области, перестал лгать Москве о том, что в городе «мутит воду кучка экстремистов», и дал телеграмму в ЦК КПСС об истинном положении дел...

В Степанакерте спокойно. Только даже далеко за полночь горит свет в кабинетах членов Комитета. Только время от времени где-нибудь разобьют камнями стекла в рейсовом автобусе или украсят железнодорожные вагоны скверными надписями. Все это уже «мелочи» по сравнению с прошлогодними событиями.

А на полях возле села Куропаткино, где отведена пахотная земля многим колхозам НКАО и где, как ни вглядывайся, не заметишь межи, работают рядом люди — армяне и азербайджанцы: хлеб сеять надо. Человеку, впервые приехавшему в Нагорный Карабах, рано или поздно приходится задавать себе не совсем простые вопросы. И отвечать на них — тоже, потому что ничто здесь не угнетает так, как сомнение. А до правды добраться нелегко сквозь лабиринт скопившихся эмоций. Через петитные строчки некоторых газет. И молчит Ленин на постаменте возле обкома партии.

Так было положено начало цепной реакции взаимных претензий, провокаций, столкновений, неуправляемого, массового психоза. Так выплеснулся наружу межнациональный конфликт на политической почве, в который так или иначе втянуто одиннадцать с половиной миллионов человек. Так мирное движение карабахцев-армян, требования которого не пожелали или не сумели вовремя расслышать, обернулось болью, бедою, кровью невинных людей: азербайджанцев и армян...

Как отозвалось карабахское движение в Ереване и Баку, уже хорошо известно. Еще будучи в Москве, я созвонился с ученым-этнографом Эльдаром Намизовым.

— Когда у нас в Баку в ноябре и начале декабря 1988 года проходил многотысячный митинг,— рассказывал он,— некоторые историки, социологи, этнографы предупреждали власти, что у людей напряжены нервы. Что не надо трогать «площадь», лучше подождать естественного завершения событий. Однако к нам не прислушались и провели разгон неоправданно жестоко. Чего же добились? Тех, кто разбрелся потом по всему городу, контролировать было практически невозможно: начались вспышки насилия. И если до разгона митинга уголовные элементы избивали кого попало, то тут они сразу же превратились в «патриотов» и пошли бить армян. То же самое было до этого в Сумгаите. Еще два года назад ученые предостерегали: в городе напряженные социальный и демографический фон, ситуация чревата взрывом. Но мер принято не было, и взрыв-таки произошел.

Ну, а теперь наступает новый этап внутриполитического сознания. Общее внимание теперь перенесено на суверенитет республик. Что реально представляет собой этот суверенитет сегодня? В экономическом плане его фактически нет. В культурном тоже. Остается суверенитет границ. Но если идти путем пересмотра границ, можно в конце концов перекроить всю карту Союза. Тогда начнется непрерывный процесс перехода территорий из одного подчинения в другое и властям придется искусственно поддерживать равновесие национального состава...

Узел карабахских проблем — это около трехсот тысяч беженцев, армян и азербайджанцев, бездомных людей, живущих чаще всего в тяжелых условиях. Это разбитые семьи, искалеченные судьбы, загнанные глубоко внутрь гнев и скорбь; это первое разочарование в политике, всколыхнувшей всю страну весной 1985 года.

Национализм может исказить психику человека, превратить его в мутанта. Национальное самосознание — возродить даже некогда утраченные гордость, честь, способность к солидарности. Вот почему людей в Нагорном Карабахе иногда будто бы подводит память, и им вдруг совсем не хочется вспоминать, что от кеворковщины страдали в равной степени и армяне, и азербайджанцы, и русские, и евреи... Все, кто жил в регионе. Что на первых весенних митингах прошлого года рядом с армянами стояли и азербайджанцы. Не потому, что они были согласны со всеми декларациями. Просто за десятилетия они привыкли быть рядом.

Но здесь никогда не забудут трусости областного партийного руководства. Не забудут, что сначала из Степанакерта лгали Баку и Москве, сознавая, что шутят с огнем. Здесь, как ни говори, что все люди Земли — братья, что не бывает плохих народов, а есть отдельные

выродки и бездарные руководители,— всегда будут помнить Аскеран, Сумгаит, сентябрьские поджоги домов в Шуше и Степанакерте.

Будут помнить, будут помнить.

КАКАЯ ПРАВДА НАМ НУЖНА...

Дни, проведенные в Нагорном Карабахе, несли встречи с десятками людей — армян и азербайджанцев. Я начитался в Москве газет, насмотрелся телепередач. Я считал себя подготовленным к встрече с этими людьми, поскольку в прошлом году из Нагорного Карабаха возвращались мои друзья — журналисты, часами рассказывающие о том, что видели и слышали, иногда со слезами на глазах. Потом они писали об этом. Но их почти не печатали.

Кто-то решал не только за журналистов и за их главных редакторов — за десятки тысяч, миллионы людей: нужна нашему обществу полная правда или не нужна? А если нужна, то какого рода? В океане вольной трактовки карабахских событий утонули, так и не напечатанные, отвергнутые начальством очерки Николая Андреева и огоньковца Владимира Чернова, многих других публицистов. Правда, можно было расслышать честный голос известинца Павла Гутионтова и, если повезет, раздобыть номер «Авроры» с очерком Александра Василевского. При этом все отлично понимали: правдивые публикации согревают сердце карабахцам, лживые — вызывают забастовки.

Еще до приезда в Нагорный Карабах, мучительно пытаясь найти альтернативу, я вспоминал своих товарищей из Баку и Еревана. Думал о Гайке Котанджяне, который открыто выступал против партийного бюрократа Демирчяна, о художнике-модельере Рафе Сардарове, интернационалисте по духу и убеждению, о незнакомом мне писателе Акраме Айлисли, который дал интервью бакинской газете «Вышка» 12 марта этого года.

Вот что сказал в нем Акрам: «Кое-кто готов рвать себе горло, дабы докричаться до толпы, для которой нет большего удовольствия, чем слышать желанные сердцу слова из уст своих «избранников», по мнению толпы, не иначе, как «отцов нации», а на деле — духовных фальшивомонетчиков». И еще: «Невежественными, безответственными лозунгами и требованиями нельзя добиться какого-либо национального, да и вообще любого прогресса. Прогресс — плод разума».

Акрам Айлисли высказался, таким образом, спустя совсем немного времени, очевидно вспоминая, как минувшей зимой в Баку неистовствовала многотысячная толпа под зелеными знаменами, толпа, которая требовала покарать непокорных.

Но... Молчала по поводу межнационального конфликта почти вся российская интеллигенция, от которой так ждали слова и в Ереване, и в Баку, и в Степанакерте.

Молчал и «Огонек», понимая, что часть бюрократии немедленно бы обвинила журнал в подыгрывании тем или иным силам. Молчание в прошлом году было позицией. Сталин умер 36 лет тому назад, а любителей найти виновных, чтобы потом отыграться на них, более чем достаточно. Только покажи, где очередной «враг народа», только намекни, только свистни — и машина сработает испытанно и безотказно.

1988 год. Хроника

18 СЕНТЯБРЯ. В 18 часов 30 минут начался санкционированный городскими властями митинг на площади Победы в Степанакерте. Через час стало известно о столкновениях в селе Ходжаллы. Часть участников митинга двинулась туда, и около девяти вечера произошло столкновение между жителями города и села. Раненые — с обеих сторон. В тот же день в Шуше и Степанакерте начались взаимные поджоги домов, драки и погромы.

21 СЕНТЯБРЯ. На территории НКАО и Агдамского района Азербайджана введено особое положение и установлен комендантский час.

ТРЕЩИНА

В Нагорном Карабахе пролилась кровь, но, видимо, еще под впечатлением поступавших сведений, продолжалось считаться, будто виноваты одни лишь «экстремисты». Известно, что мнение легче сформировать, чем потом развеять, особенно если речь идет о признании ошибок. Может быть, с точки зрения сегодняшнего дня понятнее, что закавказский конфликт — это отнюдь не «антисоветские происки». Что можно, к примеру, по-разному относиться к митингам в Баку, но с мнением азербайджанского народа надо считаться. Что столь непопулярный сегодня в некоторых кругах «Крунк» — не что иное, как 50 человек, избранных открытым голосованием. «Крунк»-то, конечно, можно считать бывшим — он распущен указанием свыше. Но реалии весны 1989 года таковы: значительная часть членов бывшего «Крунка» активно участвует в нормализации обстановки в НКАО. Один из них — председатель горисполкома, другой возглавляет производственное полиграфическое объединение, есть несколько директоров предприятий, представители местной интеллигенции.

Уж сегодня-то, по прошествии года непрекращающихся митингов и забастовок, наверное, можно понять, что «коррумпированным элементам» может быть под силу контролировать сферы производства и торговли, но они не в состоянии вывести на площадь сто тысяч человек — в Баку или Ереване.

Трагедия карабахского движения, повлекшая за собой непредсказуемые последствия, в том, что никто не отважился дать политическую оценку Сумгаиту. За это, думается, и родственники погибших, и карабахцы, и ереванцы, и даже бакинцы должны сказать отдельное спасибо Кямрану Мамед-оглы Багирову, который растерянно метался между Степанакертом, Москвой и Баку. А также — мудрому его учителю Гейдару Алиеву. Это прежде всего они сделали все для того, чтобы выставить сумгаитскую резню в глазах советской общественности обычным «хулиганством».

Мудр и дальновиден был Гейдар Алиевич Алиев на посту первого секретаря ЦК КП Азербайджана! В отличие от своего ереванского коллеги Демирчяна, который, даже когда под ним зашаталось кресло после июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС, не обращал свои взоры к Эчмиадзину. Впрочем, обращать куда-то взоры было уже в большой степени бесполезно. А вот Гейдар Алиевич дал понять своему народу, что партийное руководство республики в общем-то не против ислама, и мусульманская религия стала резко и быстро набирать силу в Азербайджане. («Это на работе я коммунист,— признался мне семь лет назад один партийный функционер,— а дома, извини,— мусульманин!») Параллельно, не одергиваемый, рос шовинизм среди населения. Разумеется, глупо выставлять шовинизм азербайджанцев как «биологическую сущность» народа, что любят делать некоторые армяне. Но не считаться с националистическими настроениями сегодня уже нельзя — будь то ереванские поклонники дашначества, наша русская, доморощенная «Память» или мусаватистские активисты крайне правого толка.

В семнадцати районах Армении фактически не осталось ни одного азербайджанца. Ни одного армянина в нагорнокарабахском городе Шуше, в традиционно азербайджанских селах, в Агдаме. Мало их в Азербайджане, а если и вернулись, то во всяком случае уж никак не 40 тысяч, о чем 15 марта этого года сообщила своим читателям «Комсомольская правда». Трещина пошла вширь и вглубь. Ослепление достигло предела, когда эти 300 тысяч беженцев с той и с другой стороны изгонялись с садистской жестокостью: написать об этом, перечисляя реестр взаимных обид, невозможно...

Почему бежали армяне из Сумгаита? Вопрос риторический. А почему — из других мест? Потому что их едва не подталкивали в спину, как и азербайджанцев, живших в Армении. Поневоле пустишься в бега, когда глава местной Советской власти, директор совхоза или партийный секретарь говорит без обиняков: «Извините, товарищи, но гарантировать вашу безопасность больше не могу. Так что собирайте вещички». Пора и об этом сказать вслух: неслыханные примеры жестокости при изгнании людей с обжитых мест, со своей «второй родины» проявляли как азербайджанцы, так и армяне. И, конечно, власти в Армении в такой же степени не могли поручиться за бородатых молодых людей в черных рубашках, как и власти в Азербайджане за действия «активистов» с красными повязками на лбу. И мы стали свидетелями некоей разновидности сегрегации при социализме, когда люди, десятилетиями растившие хлеб и строившие дома, жившие рядом, в один прекрасный день почувствовали себя врагами.

1989 год. Хроника

12 ЯНВАРЯ. Принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О введении особой формы управления в Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР».

28 ФЕВРАЛЯ. Из передовой статьи в газете «Советский Карабах»: «Сосед мой, если нам с тобой нужна дружба, если тебе хочется, чтобы я считал тебя своим соседом, мы вместе должны заклеймить позором тех, кто год назад, 27, 28, 29 февраля, организовал массовые убийства в Сумгаите. Заклейми всех тех, кто — вольно или невольно, прямо или косвенно — попустительствовал Сумгаиту».

5 МАРТА. Из интервью Председателя Комитета особого управления НКАО Аркадия Ивановича Вольского газете «Советский Карабах»: «ВОПРОС. Многие говорят, что с введением особого положения военные разоружили только армянское население. ОТВЕТ. За период с сентября прошлого года в НКАО и Агдамском районе от населения принято на хранение, а также изъято 3502 единицы оружия. В том числе у армян 1923 и у азербайджанцев — 1579...»

Конфискованные стволы уже не станут причиной смерти людей. Комитет принялся наводить порядок, избегая репрессий, с 20 января, когда вступили в силу его полномочия. Не был задержан или арестован ни один человек, за исключением случаев мелкого хулиганства. Из города выведены бронетранспортеры, которые еще прошлой осенью украшали улицы, сокращено количество патрулей. А напряженность есть. Ее не увидишь, но начнешь чувствовать, когда поживешь в Особом районе. Группки людей вполголоса переговариваются между собой на перекрестках под наблюдением милиции и солдат внутренних войск... Нелепые слухи время от времени ползут по городу... То и дело на стол членов Комитета ложатся такие листовки, что цитировать их просто неприлично...

6—12 МАРТА. Забастовка в Степанакерте. Причина — те же слухи, ложь в листовках, разбросанных чьей-то недоброй рукой.

Эту последнюю забастовку никак не ожидали не только члены Комитета, она оказалась «сюрпризом» даже для бывших «крунковцев».

Мне же показалось странным, что даже в вынужденных условиях власти, основанной на силе, при том, что приостановлены полномочия органов Советской власти на местах, что никто в Особом районе не отважится предпринимать какие-то действия без одобрения Комитета,— даже в этих условиях, получается, Комитету трудно держать под контролем регион.

Директора предприятий, которым еще в декабре был послушен город, которые сегодня вполне лояльны «начальству», тоже недоумевают и разводят руками. И в этом, пожалуй, нет лукавства. В НКАО действительно появились некие скрытые силы, пытающиеся влиять на общественное мнение. Судя по всему, речь идет о «партии национального самоопределения Армении», которая работает в подполье, имеет тесные связи с диаспорой. Ничего удивительного! На карабахском движении, истоки которого искренни, которое никогда не ставило (и не ставит) иных целей, кроме одной, умещающейся в коротком слове «миацум» (воссоединение),— на этом движении кто только не пытался спекулировать! От западной прессы и радио до наших отечественных радикалов, окрашенных во все цвета радуги.

Если бы не преднамеренная дезинформация, которой пичкали Москву ревнители от политики, центр сумел бы вовремя и без труда рассмотреть, что карабахское движение направлено против власти в той форме, в какой она существовала при Кеворкове. Власти, лишь формально Советской. Власти, постепенно лишившей армян гражданских прав, кроме права помалкивать и не возмущаться. Всех человеческих привилегий, кроме одной — чувствовать себя армянами.

Возможно, если бы кому-то еще год назад удалось убедить карабахцев, что беды их — вовсе не по вине азербайджанского народа, а лишь тех, кого тоталитаризм развратил до положения вельмож с партбилетами в кармане, готовых на любое вранье ради сохранения власти (в чем они, понятно, мало чем отличаются от своих собратьев, скажем, в Узбекистане),— многих бед можно было избежать. Но нет! Не без усилий того же Кеворкова, не без стараний Багирова движение приобрело иную окраску. Темпераментные, честолюбивые люди в конце концов вынуждены были ответить на провокации. И быстро поняли, что консолидация на национальной основе оказалась самой прочной, самой понятной и для горожан, и для жителей села. Что лозунги национального единения в этой ситуации действуют безупречно. И люди пошли за людьми.

МАФИЯ ИЛИ НЕ МАФИЯ?

Константина Карловича Майданюка, старшего следователя по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР, я застал в задумчивости. Майданюк просто устал: он в Нагорном Карабахе уже давно.

— Вы тоже настаиваете, что всю эту кашу в НКАО заварила мафия? — спросил я его.

— Нет,— не раздумывая, ответил Майданюк.— Я так не считаю. Скорее, это устойчивая версия. Понимаете, мы настолько привыкли всем неожиданным явлениям навешивать ярлыки, что было трудно как-то сразу найти объяснение происходящему. Мне кажется, год назад мы были к этому еще попросту не готовы. Мафия?.. Можно ли представить, что местные ворюги и взяточники могли организовать десятки тысяч людей на упорную политическую борьбу лишь ради того, чтобы в мутной воде ловить золотую рыбку? Насколько я знаком с положением вещей, все даже наоборот — ведь тут же прервались привычные связи. Когда в область поступает дефицит, его сначала сбывают в Агдам (разумеется, по спекулятивным ценам), а там уже — «потребителям» — в геометрической прогрессии...

— Признаться, я тоже всегда думал, что там, где пахнет большими деньгами, межнациональная рознь заканчивается. Вор-азербайджанец прекрасно понимает вора-армянина.

— Вот именно,— согласился Майданюк.— Но речь идет не столько об уголовной мафии, сколько о политической... Я, например, не могу найти другого объяснения тому факту, что местная прокуратура, вместо того чтобы помогать следственной группе из Москвы, противодействовала установлению истины. Под чьим-то нажимом люди, уже давшие показания, начинали от них отказываться. Тут все пронизано родственными связями, знакомствами. Это стена. И денежными отношениями проникнуто буквально все. Коррупция в НКАО — реалии нашего хозяйствования и результат действия власти на местах. Она мало чем отличается от коррупции в других областях и республиках страны.

— Стало быть, Константин Карлович, речь идет о глубоко эшелонированном сопротивлении? Как же далеко простираются коррумпированные связи?

— На уровне автономной области — вплоть до бывшего первого секретаря Кеворкова. На уровне республики — до людей, работавших в центральном аппарате Азербайджана. До суда я не имею права называть их имена. Хотя двое представляют для нас особый интерес, потому что они связаны с погромом прокуратуры НКАО 12 сентября прошлого года...

— И у вас есть какие-либо подтверждения версии о связях уголовных элементов между Степанакертом и Баку, когда национальные отношения просто не принимаются в расчет?

— Сколько угодно! Ведь управление экономикой страны пока что идет централизованно. И снабжение по восходящей линии — сверху вниз. Комитет особого управления пробивает и уже пробил в Москве многое. Но планы, их корректировка, материально-техническое снабжение, финансовое обеспечение — все это определяет центр. Ни один вопрос в НКАО не решался без взяток, за все платят. Мы располагаем фактами о том, что на все виды товаров, услуг существовали — а, возможно, существуют до сих пор! — свои расценки: например, трактор «оценивается» в триста рублей, большегрузная машина — в пятьсот. Как же рассчитывались? Из своего кармана? Отнюдь! Выкраивали левое сырье — тот же мрамор, гранит, известковый кубик — и сбывали его на сторону за наличные...

Нет более заветной мечты у уголовной мафии,— вынес я из разговора с Майданюком,— чем поскорее слиться с «политиками»: современные главари всяких отечественных «коза ностр» рвутся к власти. И, наверное, уже достигли многого на этой ниве: и в Армении, и в Азербайджане, и в других республиках. Залогом успеха в исполнении этой мечты является наша несгибаемая административно-командная система: куда проще безнаказанно воровать, заручившись поддержкой, предположим, партийных или государственных органов!

Не по этой ли причине они стояли плечом к плечу с земляками (которых обирали не один год!) на весенних митингах в Нагорном Карабахе в прошлом году? Не ради ли этого они готовы выкрикивать любые лозунги, идти на любые демонстрации, участвовать в любых забастовках, шагать в любых колоннах?

Однако не все покупается среди гор и долин этой неподатливой земли. И не все продается.

БЕЖЕНЦЫ

Пионерский лагерь «Искра» — в черте г. Шуша. Здесь не видно нарядных белых рубашек, красных галстуков, не слышно барабанного боя и звука горна. А дети есть. Они тут давно живут вместе с родителями, некоторые ходят в школу. Спят — кто на кровати, кто на полу; ночью старшим нужно постоянно вскакивать, чтобы поддержать огонь в печке-буржуйке.— я уж не видывал таких со времен послевоенного детства. Это азербайджанские дети.

Армянские — бегают по коридорам гостиницы в Степанакерте, поднимая немыслимый гам. Они приехали сюда из Шуши.

Другие армянские мальчики и девочки, которых поселили вместе с родителями в бывшем студенческом общежитии, чаще всего молчаливы и тихи. Они — из Сумгаита...

Они все давно уже не были рядом, армянские и азербайджанские мальчики и девочки, потому что их раньше считали просто детьми страны. И отдыхали они в пионерских лагерях вместе, а не порознь. И я готов держать пари: если их все же собрать вместе, неопытный взгляд не отличил бы, кто какой национальности. Все темноволосые, смуглые, с большими внимательными глазами. Но есть и другая правда. Уже трехлетний малыш-армянин, только что научившийся говорить на родном языке, знает, что такое «миацум». А его сверстник-азербайджанец со слов иных из родителей может сказать, что армяне — это враги аллаха и что они враги всех азербайджанцев... А взрослые?

Лаура Сааковна Арустамян со своей семьей жила в предместье Сумгаита — Джейранбатане. 27 февраля прошлого года они с мужем Андроником поехали забирать из сумгаитского роддома невестку, Лиану. В 17 часов в городе началась демонстрация: шла огромная толпа с кумачовыми транспарантами («Знаете, почти как 1 Мая, только молча...»), на которых было начертано: «Смерть армянам!». Дальше Лаура Сааковна ничего рассказать не могла...

Чудом вырвались они в Баку, к ее брату, а оттуда — в Степанакерт («Нам еще повезло, все живы остались...»).

Губа Тамид кызы Шукурова со своими родственниками приехала в Шушу из села Сараван Азизбековского района Армении. Она и другие женщины работали в совхозе доярками. В марте, после событий в Сумгаите, они уже ходили на ферму под охраной солдат. Потом им предложили уехать... В небольшой комнате пионерлагеря их теперь живет десять человек — шесть взрослых и четверо детей. Половина половиц проломлена, по ночам бегают крысы. («Санитары потравят, а через день они опять скребутся!») У Шукуровой дочка и муж похоронены в Сараване, и она об одном жалеет, что не может навестить их могил... И ни на что не жалуются эти люди, довольные хотя бы уже тем, что остались живы. («Вон, Муртазаевы, Натик и Земфира из села Ахта... Их село окружили, стреляли по окнам. Они зимой шли через горный перевал, полуодетые, многие обморозились...)

Лаура Арустамян и Губа Шукурова, конечно, не знакомы. Ни в чем и ни перед кем не виноваты эти женщины, которые всю жизнь работали, растили детей. Еще вчера они, возможно, могли бы подружиться, сегодня — нет: между ними пропасть. Может быть, завтра?

Беженцев сотни тысяч. Они заполнили все санатории, пансионаты, пионерские лагеря, гостиницы и даже аварийные дома. Они живут у родственников, квартиры которых надолго превратились в Ноев ковчег. Они с раннего утра выстраиваются в очередь, требуют работу и жилье, пишут коллективные письма в столицы союзных республик и в Москву, ищут справедливости.

Глубока их обида, перерастающая во взаимную вражду. До нравственной глухоты. До ослепления.

— До землетрясения в Армении я не верил в аллаха,— сказал мне молодой симпатичный шушинец в разгар праздника новруз байрам.— Аллах должен был покарать неверных.

— И тебе не жалко людей? — спросил я, едва оправившись от шока.

— Жалко, — неожиданно ответил он.— Мы тут даже кровь сдавали. А они от крови нашей отказывались. И теперь я верю в аллаха...

Никто не желает уступать первым. Никто не решается пойти навстречу. Безумие национализма лишает людей их главного человеческого качества — сострадания.

1989 год. Хроника.

Из листовок, распространяемых на территории НКАО.

«Нашим мужеством злоупотребляют... Забастовка показала, что выигрывает не наше общее дело, а только те, кто вступил в сговор с русско-мусульманским комитетом...»

«Арцахцы знают и других — приспособленцев, поддакивающих и приветствующих систему особого подавления демократии... Опомнитесь, «покорители» Арцаха — Арцах* непокорен!»

Арцахский фронт «Миацум»

«Все вопросы по НКАО решаются под диктовку Баку... Вновь подняли голову подонки, процветавшие при Кеворкове. Комитету стали подпевать известные народу предатели и подхалимы...

Комитет «Арцах — Армения»

Из телеграмм, поступивших в адрес А. И. Вольского.

«Мы считаем, что создание объединений — неправильная, армяноугодная политика... Кроме Азербайджана, не желаем никому подчиняться».

Вот как! С двух сторон идет давление на Комитет особого управления. Одни, подписывающие листовки от имени (скорее всего, несуществующих) неформальных объединений, называют Комитет «русско-мусульманским» (?), другие считают его политику «армяноугодной». Провокация? Несомненно, если принять во внимание, что, по словам Аркадия Ивановича Вольского, решение правительства о создании Комитета особого управления НКАО не было волевым, навязанным «сверху» двум республикам. Оно явилось прежде всего результатом компромисса в долгих дебатах между двумя группами депутатов Верховного Совета СССР — от Армении и Азербайджана. Руководство страны выступило здесь лишь в роли посредника и затем законодателя по созданию в Нагорном Карабахе власти в форме особого управления, то есть такой формы, которая, казалось бы, временно устраивает и ту, и другую стороны. И ничем другим, кроме популярности политики Комитета, нельзя объяснить тот факт, что на прошедших 26 марта выборах **более 95 процентов** (!) избирателей-карабахцев проголосовали за избрание А. И. Вольского народным депутатом СССР. Ведь никто их в спину не подталкивал: выборы, как и по всей стране, проходили в демократической обстановке.

Через две недели жизни в Нагорном Карабахе я вдруг почувствовал, что мне рано покидать этот край. Что волею судьбы довелось мне оказаться лишь в крохотном временном отрезке, стать свидетелем ничтожно малой части его многовековой истории, но потом понял, что каждая следующая неделя поставляла бы лишь новую хронику, новые факты с той и с другой стороны, новые доказательства трагичного противостояния людей, принадлежащих к двум древним народам, народам, история которых столь тесно переплетена, которые веками жили рядом и будут жить так всегда.

Как будет завтра?

Говоря объективно, Комитет — первый разумный шаг к политическому урегулированию в регионе. Так считает и наша, и зарубежная прогрессивная общественность. Но я не знаю, кому еще из местных руководителей сегодня приходится труднее, чем членам Комитета, опытнейшим людям, которые ведут тут тонкую, умную политику, балансируя порой, словно на острие. И ошибаться им нельзя, как саперам. Меньше, чем за два месяца, Комитету удалось сделать намного больше для Нагорного Карабаха, чем предыдущему партийному руководству за многие годы.

Взят курс на полную экономическую самостоятельность объединений Нагорного Карабаха, на региональный хозрасчет, на возрождение таких исконно карабахских аграрных отраслей, как виноградарство. Новая структурная реформа в НКАО позволит более эффективно управлять автономной областью в будущем. Все гнилое, полуфеодальное, несправедливое понемногу отходит в прошлое. Недавно Аркадий Иванович Вольский объявил о решении передать помпезный дворец, выстроенный Кеворковым,— Дом политического просвещения,— детям.

Но сколько еще дел, как далек путь! Можно в чем-то понять желание центра как можно скорее получить результаты, быстрее «порешать» все вопросы. Кому-то покажется — можно! В Степанакерте отчетливо видно: нет! Не получается «скорее». Отменить сегодня особое положение, распустить Комитет — значит столкнуть два народа в новой волне вражды. Надо бы и здесь не впадать в иллюзии: равновесие на территории Особого района поддерживается пока лишь почти исключительно военными. Поэтому и просят: «Не уходите».

Не уйдут. Пока... Но не может же это означать, что беда помогла «найти» приемлемую форму постоянного управления регионами с накаленной межнациональной обстановкой? Страшновато было бы представить...

Карабахцы живут надеждой.

Перед отъездом из Степанакерта я записал на диктофон популярную здесь песню. Она родилась на площади в разгар прошлогодних митингов, ее знают дети и старики. Сочинил ее простой карабахец, никогда до этого песен не писавший, и ему подпевала вся площадь: «Послушайте, сестры и братья! — поет беззащитный детский голос.— Сейчас с нами вся наша Армения. Мы не свернем с дороги. Мы должны остаться армянами!». Я был удивлен, когда узнал, что песня нынче едва ли не на нелегальном положении, но все равно раздается из каждого магнитофона, живет в каждом доме.

Армяне останутся армянами, азербайджанцы — азербайджанцами, и никто не может лишить их этого священного звания. Никому не подвластно лишить народ права самому выбирать себе судьбу, если мы серьезно ведем речь о создании подлинно правового демократического общества.

Согласно русской пословице, все мы крепки задним умом. Надо ли ждать, пока грянет очередной Сумгаит в другом районе страны? Может быть, взять ситуацию под контроль, не ожидая, пока она обострится до предела? Или справедливое разрешение национальных споров исключает компромиссы? И почему до сих пор не названы те, еще недавно облеченные властью люди, которые попытались извратить карабахское движение, изуродовать настолько, что в результате привело к таким многочисленным бедам?

...Мы слишком долго шли рядом, словно с завязанными глазами, слушая сложенные для нас гимны о «нерушимой дружбе братских народов», пока не началась пальба в Алма-Ате, пока не вышли на улицы крымские татары, пока не грянули события в Нагорном Карабахе. Мы продолжали жить в окружении стереотипов, оставленных нам Сталиным, пока миф не начал рушиться, оборачиваясь кровавыми трагедиями. Молчать об этом сегодня — значит множить несчастья ни в чем не повинных людей, народов нашего общего Отечества, людей, которые в конечном счете всегда расплачиваются за чужие ошибки. Надо говорить.

Степанакерт

* **Арцах — армянское название Нагорного Карабаха.**

■

К столетию Чаплина в Англии один из его автомобилей продают за 2 миллиона долларов, а в Америке публикуют фотографию толпы людей, одетых так же, как его герой Шарло. Самым знаменитым человеком XX века стал не один из «великих диктаторов», а тот, кто всю жизнь выставлял себя на глазах публики посмешищем. Так получилось, что фильм Чаплина «Великий диктатор», где он впервые сам заговорил с экрана и в результате чуть не попал на скамью подсудимых по обвинению в попытке «вовлечь США в войну против гитлеровской коалиции», до сих пор невозможно посмотреть в нашей стране. По распоряжению Сталина копия фильма, попавшая к нам, была уничтожена. Так получилось, что к 1989 году в Москве и в других городах появились люди, готовые смыть и все остальные фильмы Чаплина, в том, что весь мир справил его юбилей, они готовы увидеть часть всемирного еврейско-сатанинского замысла. Так получилось, что на русском языке Чарли Чаплин впервые заговорил со страниц приложения к журналу «Огонек». Это было в 1927 году. Он рассказал нашим читателям о своем турне по Европе. Сегодняшним читателям мы предлагаем впервые публикуемые на русском языке фрагменты двух статей Чаплина из книги «Легенда о Чарли Чаплине».

ЧАРЛИ

ЗНАЕТ ЛИ ПУБЛИКА, ЧЕГО ОНА ХОЧЕТ?

В дни, когда кинематограф не был еще столь преуспевающим и не превратился в индустрию, когда строительство искусных декораций, недели тщательной подготовки, строгие стандарты по установке света к съемке не существовали даже в наших мечтах, я был вызван на студию, чтобы сделать короткую комедию «Между девятью утра и тремя часами пополудни». Как только я добрался на студию Кейстон Компани, директор объявил мне, что ему нужна короткая комедия и нужна она именно сегодня. Он также пообещал мне, что если я смогу провернуть это дело, то получу 25 долларов сверх обычного. У меня не было ни истории, ни идеи, ни актеров, но от 25 долларов сверх обычного я отказываться не хотел.

Я начал бегать по студии. «Ты будешь исполнять роль девушки, ты будешь у нас толстяком, а ты,— сказал я, ткнув пальцем в комика-коротышку,— немного попаясничаешь».

Затем я начал думать над историей. И ко мне пришло ее начало. Надо сказать, что в те дни мы часто приступали к работе, имея только завязку. На этот раз персонаж, которого я играл во всех своих картинах, должен был стоять на краю моста, собираясь прыгнуть вниз головой. И тут мимо него проходит симпатичная девушка, и самоубийца меняет свое решение.

В результате получился фильм «20 минут любви», обещавший неплохой успех. Публика проголосовала за него смехом. Но надо признаться, когда я снимал эту маленькую комедию, то относился к ней с большой долей пренебрежения. Мне было важно получить 25 долларов и добиться того, чтобы моя работа понравилась человеку, который ее заказал, а не публике.

С прогрессом в кино, сделавшим тщательную подготовку к съемкам не только возможной, но и необходимой, изрядная доля прежней спонтанности исчезла. Если на фильм нужно потратить сотни тысяч долларов вместо двух-трех сотен, бизнесмены, банкиры, актеры, любой, кто вкладывает деньги, хочет быть уверенным в успехе у публики. И, следовательно, основной аргумент для него: «ОНА» этого хочет. «ОНА» — это, конечно, покупающая билеты публика. В результате возникает ситуация, которая, я знаю это точно, сводит на нет воображение и служит барьером для проявлений собственной оригинальности. Когда «Кабинет доктора Калигари» провалился, несмотря на несомненные актерские удачи, наши умники решили, что публика оригинальных зрелищ не хочет. Конечно, «Калигари» был сделан оригинально, но бесспорно и то, что он потерпел провал. Однако признание этого факта не означает, что публика дружными рядами протестует против новаторства.

Зритель может сказать, что он не хочет видеть таких героев, как Калигари, но это вовсе не доказывает, что он имеет представление о том, чего он хочет.

Зрители не стоят у окошка кассы со словами: «Мы хотим драму следующего образца: добродетель должна быть вознаграждена, дурные люди наказаны, и мы должны быть уверены, что парень с девушкой отныне и во веки будут жить счастливо. И все это покажите нам с пафосом и юмором. Подайте нам такое, иначе не пойдем».

По правде говоря, я не верю, что зритель знает, чего он хочет. Я пришел к этому заключению благодаря собственной карьере. Публика понятия не имела, что она хочет видеть героя, которого я играл в таком множестве фильмов. Я делал картины, в сущности, для денег и ради того всеискупающего счастья, которое получал от работы. Работы безо всякой ответственности. В результате я создал гениальную комедию. Я сделал это неожиданно для себя самого, без всякой мысли о подобном успехе, и я могу со всей скромностью написать, что мою славу мне принесли на дом.

С того времени, по крайней мере со времени, когда я почувствовал, что у меня есть репутация, которую нужно поддерживать, на меня взвалилась ответственность, а моя работа, став совершенней, во многих отношениях стала более искусственной. Чем больше я думаю над материалом и выстраиваю его, тем больше обнаруживаю свою зависимость от механизма юмора, а не от его духа. Я стараюсь быть умнее и изучать требования публики. Мне хочется доставить удовольствие людям, которые так добры, что любят меня. Я должен дать им то, что на нашем жаргоне называется «жареным», или вызвать смех шутками, часто не имеющими ничего общего с остальным действием.

Именно в то время, когда я решил, что знаю, чего хочет публика, и мой успех потворствовал мне в этой вере, я получил встряску от человека, которого никогда не видел и чьего имени не знаю до сих пор. Он прислал мне письмо, и я приведу это письмо слово в слово:

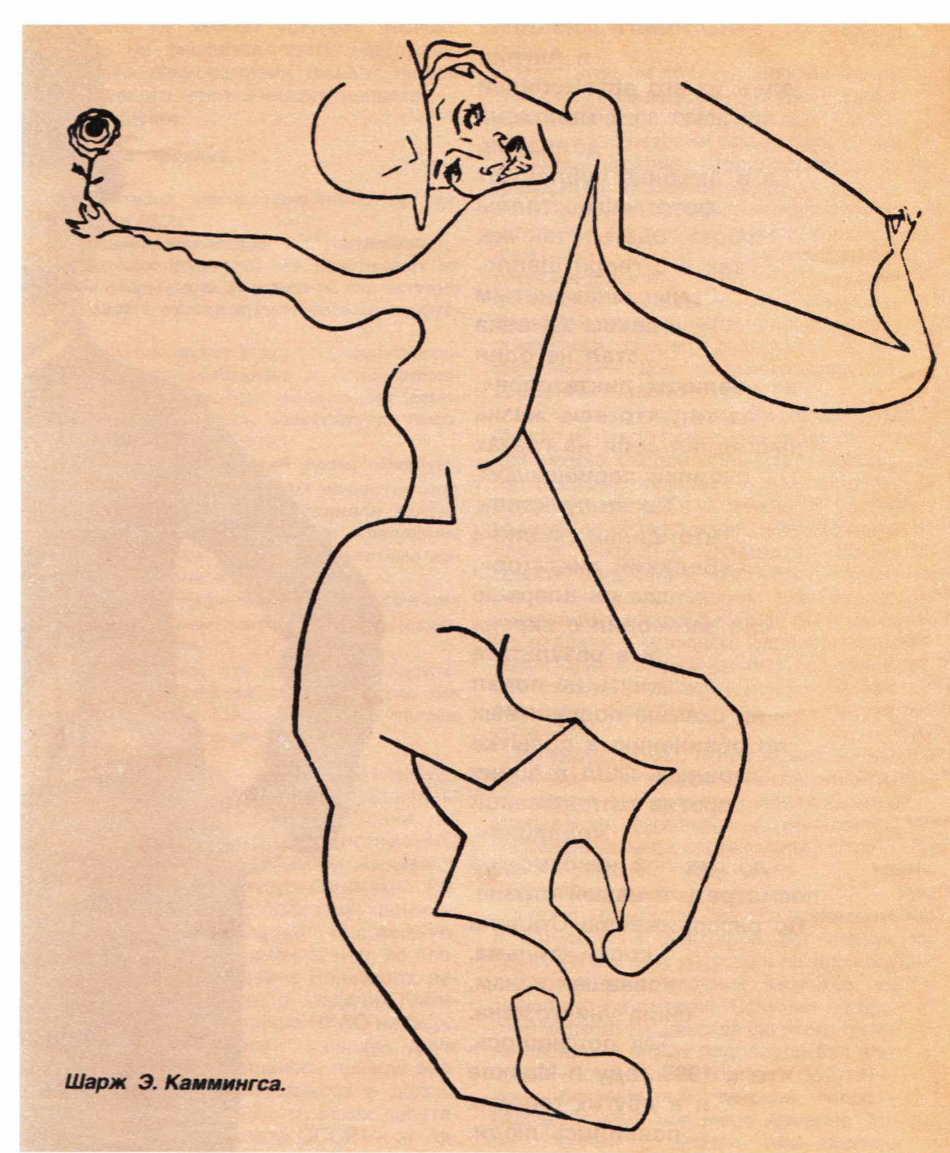
«Я заметил, что в вашем последнем фильме отсутствует непосредственность. И хотя фильм бесспорно смешон, смех в нем не так откровенен, как в ваших ранних работах. Боюсь, вы становитесь рабом вашего зрителя, несмотря на то, что в большинстве ваших картин публика в рабстве у вас. Публика, Чарли, любит пребывать в рабстве».

С тех пор я предпочитаю свой вкус, как самое верное выражение того, что зритель хочет от меня.

РОЛИ, КОТОРЫЕ МНЕ ХОТЕЛОСЬ БЫ СЫГРАТЬ

Задолго до того, как я закончил «Цирк», газеты уже объявили, что мой следующий фильм будет посвящен Наполеону, и то же самое говорили после премьеры «Золотой лихорадки». Да, это непременно случится однажды...

У меня есть очень четкие представления о том, как сыграть императора Франции. Я не стал бы показывать Наполеона могущественным полководцем, я показал бы его болезненным, неразговорчивым, почти угрюмым человеком, постоянно осаждаемым членами своей семьи. Именно эти люди, и в особенности его мать, сыграли значительную роль в формировании его характера, личности. Мне всегда забавно было думать о том, сколько усилий пришлось ему приложить, чтобы устроить личные судьбы своих братьев и сестер и при этом остаться в хороших отношениях с матерью и женой. И в то же время — выигрывать войны! Сколько драматических ситуаций могло бы возникнуть на экране из всего этого!

Шарж Э. Каммингса.

На самом деле, я не стал бы делать из него бурлескный характер, но мне хотелось бы рассказать о семейных проблемах, занимавших его, обо всех хлопотах по сохранению в семье мира. Один эпизод его жизни особенно интересует меня — это разрыв с Жозефиной. Я вижу эту сцену очень ясно. Вот император вызывает Жозефину для того, чтобы просить оставить его,— женщину, которая помогала ему, верила в него, вдохновляла... Затем ее последняя ночь во дворце — вот она медленно отсчитывает минуты, стараясь сохранить память обо всем, что было ей близко. Когда наступает момент ухода, я вижу ее, закутывающуюся в плащ, занимающую свою карету и медленно исчезающую в темноте... В другой сцене она по канонаде узнает о рождении ребенка у Наполеона. И она слушала бы залпы, нетерпеливо пытаясь угадать, сын ли это...

Драматические возможности рассказа о Наполеоне не могут отрицаться даже теми, кто его ненавидит.

У меня есть кипа заметок подобного рода для фильма о Наполеоне. Но сценарий не написан, и когда я найду время сделать его?

Другая историческая фигура, которую я хотел бы воплотить на экране, это Иисус Христос. Я долго изу-

Чарли Чаплин в посольстве СССР в Лондоне. Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

чал Библию и многие работы по христианской религии. Более того, мне известны почти все религии. И я считаю, что наиболее мощная, наиболее динамичная и наиболее внушительная личность, когда-либо жившая среди людей, была ужасающе искажена в глазах последующих поколений.

Он был не только человек с длинными волосами, носивший белый хитон и выглядевший исключительно усталым и страдающим. Некоторые хотят, чтобы мы верили: Христос был измученной, угнетенной фигурой, стремящейся поселить страх в сердце каждого.

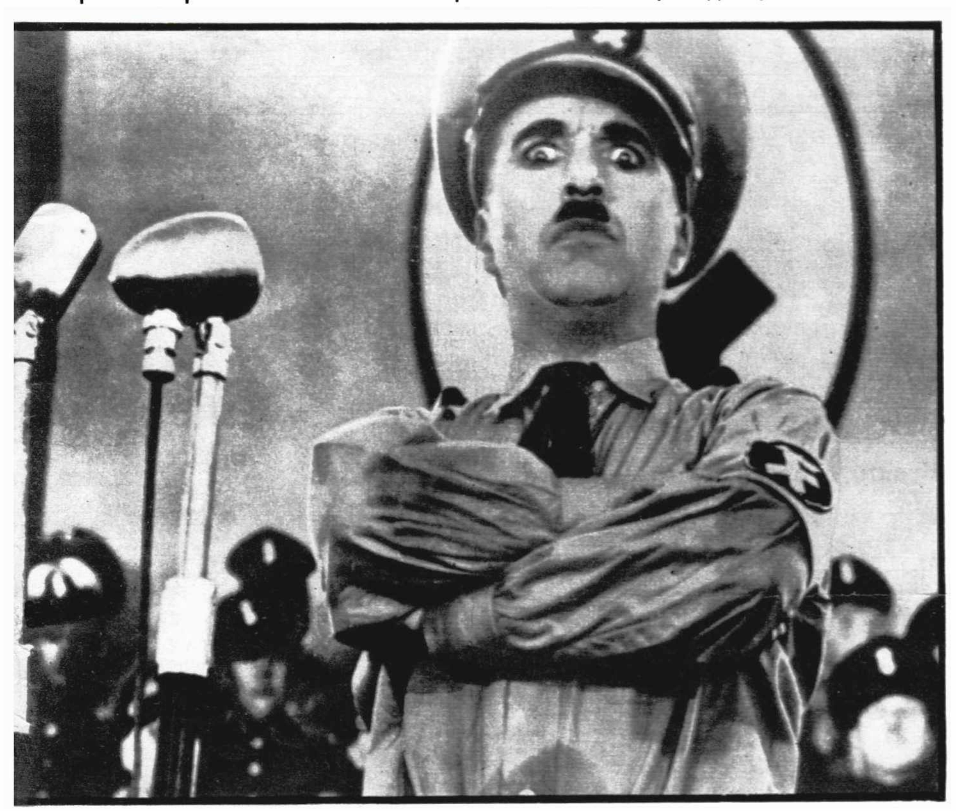
Мне же он видится великолепным, зрелым, краснобородым мужчиной. Я бы сделал его реальным и человечным, олицетворяющим силу, могучий интеллект. Он был человеком, который хорошо ел, хорошо пил и любил компанию своих последователей. Его появления в любом собрании было достаточно, чтобы немедленно возникла атмосфера доброго юмора и счастья. Он был просто человек: полный жизни, обладающий силой доминировать надо всеми и при любых обстоятельствах.

Я не верю, что Понтий Пилат когда-либо намеревался предать Христа смерти. Пилат выслушал обвинения против него и затем спросил: «Что нам делать с этим человеком?» И какой-то идиот из толпы крикнул: «Распни его!» Крик был подхвачен другими, и вскоре законодатели вынесли приговор, не более чем на этой основе. Психология толпы победила, и Иисус был распят безо всякой видимой причины.

Если бы я мог сделать фильм об истории Христа, я бы также показал, как исступленно приветствуют его мужчины, женщины, дети, продирающиеся через толпу, чтобы почувствовать его магнетизм.

Но так или иначе мне трудно представить себя в роли постановщика такого фильма. Можете себе представить, какая буря поднялась бы в Соединенных Штатах!..

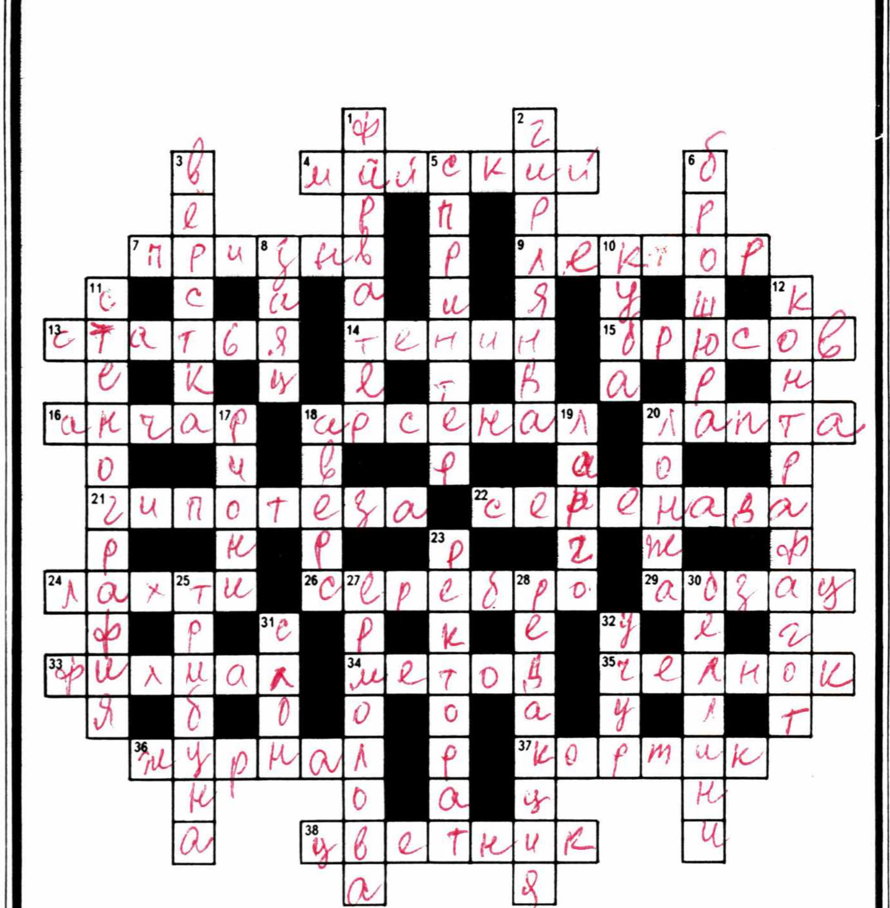
Перевод Сергея ТЮХАЕВА.

Кадр из фильма «Великий диктатор».

Автопортрет.

КРОССВОРД

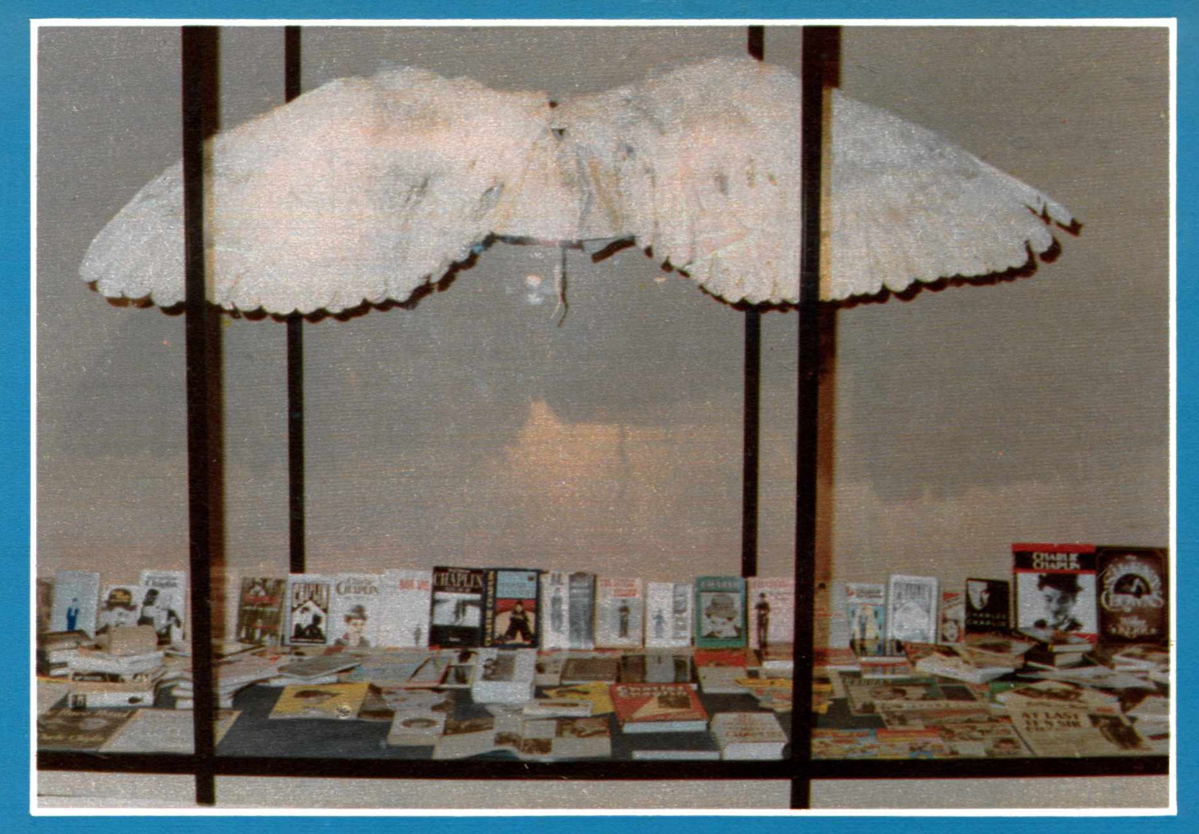
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Город в Кабардино-Балкарской АССР. 7.Обращение, лозунг. 9. Преподаватель, устно излагающий свой предмет в вузе. 13. Публицистическое, научное сочинение в журнале, газете. 14. Народный артист СССР, снимавшийся в фильме «Человек с ружьем». 15. Поэт, основоположник русского символизма. 16. Стихотворение А. С. Пушкина. 18. Опера Г. И. Майбороды. 20. Русская народная командная игра с мячом. 21. Научное предположение. 22. Жанр камерной вокальной музыки. 24. Город в Финляндии. 26. Химический элемент, металл. 29. Отступ в начальной строке текста. 33. Отделение предприятия, учреждения, организации. 34. Способ теоретического исследования. 35. Деталь швейной машины. 36. Периодическое издание. 37. Повесть А. Н. Рыбакова. 38. Клумба.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Водное пространство, являющееся судоходным путем. 2. Сплетенные цветы, зелень. 3. Оттиск печатного набора. 5. Спортсмен, бегун на короткие дистанции. 6. Небольшое печатное издание. 8. Южное созвездие. 10. Республика в Вест-Индии. 11. Способ быстрой записи устной речи. 12. Духовой музыкальный инструмент. 17. Река в Грузии. 18. Лицевая сторона медали, монеты. 19. Самый медленный темп в музыке. 20. Приспособление, страхующее артистов в цирке. 23. Административно-учебное управление вуза. 25. Сооружение на стадионе. 27. Первая народная артистка республики. 28. Учреждение системы средств массовой информации. 30. Итальянский композитор XIX века. 31. Шахматная фигура. 32. Приток Алдана.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 17

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Альбатрос. 6. Протоплазма. 11. Родари. 13. Анисья. 15. Юморист. 16. Трасса. 17. Работа. 18. «Детвора». 19. Гений. 20. Жуков. 22. Самарий. 25. «Артист». 26. «Пионер». 27. Губарев. 28. Макама. 30. Свайка. 31. Орнаментика. 32. Инициатор.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Капри. 2. Каспаров. 3. Асама. 5. Друть. 6. Престиссимо. 7. Температура. 8. Ассортимент. 9. Аннакулиева. 10. Тягач. 12. Диалектик. 14. Свободный. 21. Магма. 23. Академия. 24. Ареал. 29. Архив. 30. Скарн.

Экспонаты с выставки, посвященной 100-летию Чаплина, в Лондонском музее кино.

Фото Уэнди ТОМАС

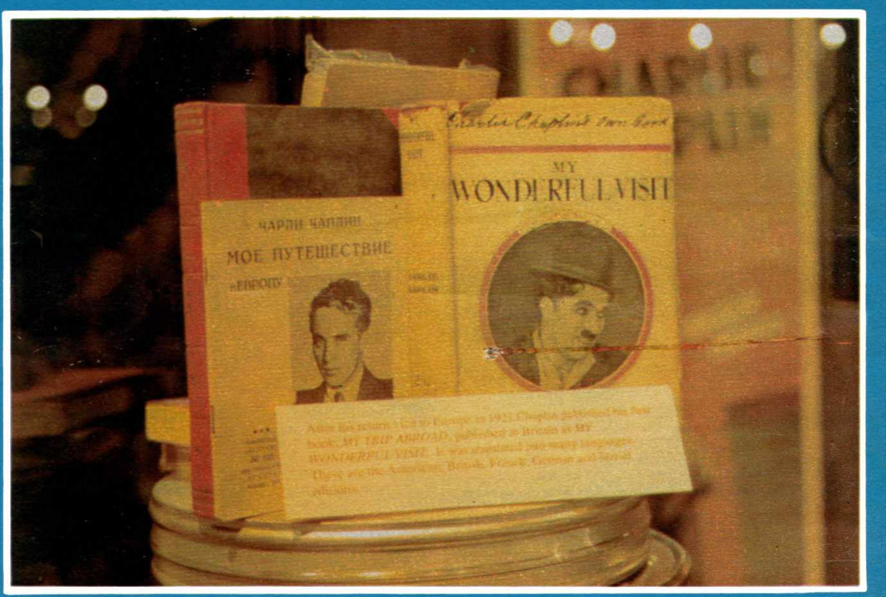
ВЕЛИКОМУ ЧАРЛИ ЧАПЛИНУ — 100 ЛЕТ

«Уже несколько лет все знают, что я умираю от желания сыграть роль Наполеона... Фактически мне хотелось бы стереть в сознании миллионов людей традиционный и абсолютно фальшивый портрет диктатора...

Подумайте о возвращении с Эльбы. Я показал бы безрукого, одноглазого ветерана с деревянной ногой, который бросается на дорогу и кричит: «Император возвращается! Наполеон марширует по Парижу! Остановите его! Убейте его до того, как польются новые реки крови!» Потом я бы показал возникающую и растущую вдали армию, с маленьким корсиканцем во главе, оркестр играет «Марсельезу», и Наполеон салютует израненному ветерану. И здесь старый боец вдруг начинает бросать свою шляпу в воздух и ронять слезы радости, он присоединяется к шеренгам и марширует по Парижу вместе со всеми...»

Из статьи Ч. Чаплина
«Роли, которые мне хотелось бы сыграть»,
журнал «Браво», 1930 год.

40 коп.
Индекс 70 663

